Прасолов

«Там, где за речкой Оскольцом…»

Стихи и рассказы

Белгород, 2011 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Содержание .....**Ошибка! Закладка не определена.**
От автора 6
Последнее венчание 9
Родная сторона.....21
Бабушка Лена.....22
ДЕРЕВНЯ МОЯ ЛЕБЕДИ 25
* * * 26
Детство ты моё, послевоенное! 27
Па-а-па-а!.....27
Котята 27
Велосипед.....28
Сюрприз.....29
Как я ходил христославить.....30
Мужик в доме 32
Освобождение.....34
В майский день 35
«Счастливое» детство 36
А я куплю велосипед.....38
Рождество Твоё.....39
Не вспоминай 40
Председатель.....41
мотя 43
Лилит 47
* * * 49
Вторая мать братьев ноздрачевых 50
Нити в прошлое 53
РЕБЯТА С «КОННОГО ДВОРА».....57
ЭКСКАВАТОРЩИКИ.....60
Взрывники.....64
Известное дело….....67
ПОСЛЕДНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ 69
Встреча на тропинке.....71
Наташа и Серёжа. 72
Спасибо, губкинцы, что приютили!.. 73
Таёжный роман.....76
3 78
4 79
5 80
Краснодарские арбузы, или любовь с первого взгляда 82
1 82
2 82
3 83
4 83
5 84
6 85
7 85
Энка-шаманка 87
* * * 91
ЗАЧЕМ?.....92
* * * 93
НЕ УНИЖАЙТЕ ЛЮБОВЬ!.....94

* * * 95
* * * 96
СОВЕТ МУДРЕЦА 97
Мать-одиночка 98
ПОТОМУ ЧТО ЛЮБИЛА 99
* * * 100
ЗАКАТ 101
«Катя, прости!..» 102
* * * 103
Встреча с первой любовью 104
ЖЕНЕ 105
На лыжне 106
Женщин некрасивых не бывает 107
* * * 108
НАД РЕЧКОЮ ВОРСКЛОЙ 109
* * * 110
* * * 111
* * * 112
Всё намного проще оказалось 113
Королева 114
УКРАДЕННОЕ ОДИНОЧЕСТВО 115
НИКОМУ НЕ ОТКРЫЛ... 116
НЕТ У ЛЮБВИ НАЧАЛА 117
В КРАЮ РОДНОМ 119
Ты судьбы моей родник 120
Родные места 121
Край Губкинский 122
Спасательный круг 123
В воскресный день 124
Новогоднее пожелание землякам 125
Лапта 126
У входа в поликлинику 127
ДЕВОЧКИ МОИ... 128
* * * 129
Пароль в юность 130
Имя, о Русь, да святится твоё! 131
Губкинский вальс 132
Сапрыкинский вальс 133
Остров «ГИ МГОУ» 134
Гимн Губкинского института МГОУ 134
Ветром надежды 134
Клич пионеров 135
Меж Сциллой и Харибдой 136
Авария в шахте 137
Марш губкинских спортсменов 138
НА КОРАБЛЕ 139
ПАМЯТИ А.С. МОСКАЛЁВА 140
* * * 141
Родина моя 142
* * * 143
За тихой речкой 144
«Я помню улыбку матери…» 145

* * * 146
* * * 147
МОЙ ГУБКИН 148
Певец родного края 149
Но помнит мир спасенный…(триптих) 151
III 151
Родной человек 152
ПАМЯТЬ НЕ ЗНАЕТ ПОКОЯ 153
* * * 154
По курской земле 155
Сберегите память 156
Долг солдата 157
* * * 158
Открытка 159
Солдатская вдова 160
Дети войны 161
МОЛЬБА 163
Владыке Иоанну 164
КОЛОКОЛА НА ХРАМЕ 165
БЛУДНЫЙ СЫН 166
* * * 167
* * * 168
ОСТАВЛЮ ЭТОТ МИР БЕЗ СОЖАЛЕНЬЯ 169
* * * 170
НА ИСПОВЕДИ 171
Дорога к спасению 172
РАСКАЯНЬЕ 173
Свет Преображения 174
* * * 175

Готовя к изданию эту книгу, её автор ставил своей целью – прежде всего – сохранить память об исчезнувшей в конце 50-х годов прошлого столетия деревне Лебеди, своей малой родине, что была когда-то на месте нынешнего Лебединского карьера, дважды вошедшего, благодаря своим размерам, в книгу рекордов Гиннеса. Сохранить,- в первую очередь, для потомков прежних жителей той деревни, составляющих сегодня немалую часть населения города Губкина.

Небезынтересными, по мнению автора, будут и отдельные штрихи из жизни самого города в разные её периоды, особенно сразу после войны.

Кроме этого, в книгу вошли три рассказа о романтических похождениях молодого геолога и стихи разных лет – как публиковавшиеся ранее, так и написанные после.

Автор книги, Е.Прасолов, – член Союза писателей России, руководитель литературной студии «Живые ростки» при городской газете «Новое время», горняк-геолог по-профессии. Им выпущены три поэтических сборника – «Люди любовью живы», «Завороженные дали», и «Две судьбы у меня…», а также ряд коллективных сборников стихов губкинских авторов под его редакцией.

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Прежде, чем ты начнёшь знакомиться с этой книгой, позволь познакомить тебя с некоторого рода странной историей почти уже 15-ти летней давности, опубликованной, кстати, тогда же в городской газете. Рассказ назывался «Сон Клавы», содержание истории таково. Встретил я как-то, идя по городу, свою давнюю-предавнюю знакомую (вместе в молодости бегали на танцы). Лицо встревоженное:

- Я тебя,- говорит,- уже больше месяца хочу встретить, но ты, мне сказали, куда-то переехал.

- Да, а что случилось?

- Сон я видела…

- Что, помру, что ли скоро?

- Да нет, видела я каких-то твоих дедов, по-старинному одетых. «Скажи,- говорят,- Жене, пусть пишет книгу. Пусть начинает вот с этого»,- и показывают мне картину. А на ней – большая белая лошадь, запряженная в длинную странного вида телегу без бортов, на телеге – большие камни. «Про наши места пусть пишет, вот тут мы жили, вот так начинали»,- и показывают на небольшие хатки под соломенными крышами поодаль. «То, что об этом писали – не то, всё придумано. Пусть напишет как надо. И пусть не боится, что книга не получится или не пройдёт. А что будет надо, мы ему подскажем».

Клава: «А почему должна передавать я?»

Дед: «Ты же его давно знаешь. Ты что, не хочешь?

Клава: «Да нет, я передам. Только он ведь, кажется, пишет стихи…

Дед: «Пусть пишет книгу. Две книги напишет, они будут вот такие (показывает пальцами около двух сантиметров в толщину). Ты передай, а мы потом сами будем ему подсказывать».

Дорогой читатель! Что сделал бы на моём месте ты? Отмахнулся бы, говоря, что это какая-то мистика? Так и я говорю: мистика! Но Клава так встревожено смотрела тогда на меня, а в её рассказе сна было столько удивительных подробностей, в которых угадывались и мои Лебеди, и мой будущий город Губкин, что я хоть и пожал плечами на её вопрос о моих дальнейших действиях,- мало ли что кому привидится во сне! – однако через несколько дней посетил Губкинский краеведческий музей. Мне хотелось узнать, существует ли в реальности такая картина, которую мои «деды» показывали Клаве? Ведь в начале строительства шахты имени Губкина транспорт и впрямь был только гужевой. Но работники музея о такой картине не ведали. Откуда же взял её и запечатлел в виде сна Клавин мозг, если ни её самой, ни её родителей в наших краях в те времена и в помине не было?

Дальнейшие поиски привели меня к губкинским старожилам, кто, так сказать, воочию видел показанную «дедами» картину, только уже видел не в виде рисунка, как я себе вначале представлял, а в самой что ни на есть реальной жизни. Так, Галина Петровна Захарова-Рубченко, работавшая ещё

до войны у директора «КМАстроя» В.М.Кислова секретаршей, вспомнила, что да, была у них на шахтном дворе большая белая лошадь, на которой возили камни и всякие стройматериалы. Когда её по старости хотели сдать на мясокомбинат, то они, комсомольцы, ходили к Кислову и упросили оставить её пастись на воле. А Иван Яковлевич Шквырин, работавший в те времена главным механиком шахты, а позднее - председателем поселкового Совета (теперь они все уже покойные, царство им небесное!), даже нарисовал мне повозку, очень похожую на ту, что описывала Клава. На ней, сказал он, отвозили первую пробу губкинской руды на железнодорожную станцию в Старый Оскол для отправки её на Липецкий металлургический завод на анализы. А работал на этой белой лошади некто Прасолов (им оказался, как я выяснил позже, живший в Лебедях на Моздовке дед Жаворонков).

Дорогой читатель! Мог ли я после всех этих «исторических находок», повторяю, отмахнуться просто так от Клавиного сна? Да и Клава потом ещё несколько лет прямо-таки «терроризировала» меня, выпаливая каждый раз при наших случайных встречах один и тот же вопрос: «Ну, ты пишешь, как тебе было сказано? Я не хочу оказаться виноватой.… Вдруг «они» подумают, что я ничего тебе не передала?» В конце концов, однажды я даже «взорвался»:

- Да что я «им» напишу?! Где я материал возьму?

- Так «они» же «сказали: «Пусть не боится,… что будет надо, мы ему подскажем».

- Что ж «они» не подсказывают? Думаешь, так просто – сел и давай писать… из пальца высасывать!

И вот прошло почти уже 15 лет. Я продолжал все эти годы изредка писать, как и писал, стихи, а также - публиковать в нашей городской и областной газетах небольшие рассказы из жизни моих Лебедей и моего города Губкина. Я давно уже смирился с тем, что «наказ моих дедов» я, по-видимому, «провалил». Как говорится, не оправдал доверия. Но недавно меня посетила вдруг неожиданная мысль (уж не «подсказанная» ли?!): не собрать ли мне хотя бы часть моих разбросанных по газетам рассказов? Не станет ли это вместе с некоторыми ранее написанными стихами хоть какой-то компенсацией того, на что «рассчитывали мои деды»? Во всяком случае, перед ними (да и перед нынешними губкинцами!) я буду в этом смысле чист. Как говорили древние: «Я сделал, что мог. Кто может, пусть сделает лучше».

Такая вот, дорогой читатель, родословная этой книги. А что получилось, судить тебе.

Жили-были Лебеди

ПОСЛЕДНЕЕ ВЕНЧАНИЕ

1

Ушедшее столетие. 30-е годы. Время жестокого раскулачивания зажиточных крестьян и создания первых колхозов. В деревне Лебеди, что располагалась тогда на месте нынешнего карьера Лебединского ГОКа (ее снесли лишь в конце пятидесятых), ребята Митрохинского двора были на виду – крепкие, рослые, красивые, все трое играли на гармони. Глава семейства, Иван Митрофанович, мужик степенный и богобоязненный, был по характеру добрым , но сыновей держал в строгости. Этому, несомненно, способствовала и мать ребят Алена, которая слыла среди жителей Лебедей женщиной мудрой и хитрой. В дальнейшем речь пойдет лишь об одном из сыновей – младшем, Георгии.

Был Гоша смолоду, что называется, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Когда был брошен клич – «Даешь стране угля!», он одним из первых в деревне завербовался в Донбасс на заработки, несколько раз приезжал на побывку домой. Бывая на молодежных вечеринках, пользовался повышенным вниманием девчат. Но на Гошу это внимание – никакого влияния. Только все до поры до времени. В последний его приезд познакомился он с девушкой из соседнего села Йотовка Наташей. Сама маленькая, фигурка будто точеная, коса – до пояса. Запала молодому шахтеру в сердце. Когда снова уезжал в Донбасс, взял с нее слово, что будет писать ему.

Знакомство состоялось весной, но прошло лето, за ним – осень, а ни на одно свое письмо ответа Гоша не получил. Терялся в догадках. Но разве мог он знать, что письма его получал и прятал, не распечатывая, отец Наташи.

И вдруг – будто гром среди ясного неба: кто-то из приехавших на ту же шахту, где работал Георгий, лебедянских ребят сообщил, что дочка Акинина уже просватана и что в ближайшее воскресенье состоится венчание...

Иван Антонович Акинин, или, как его звали, Акинок, живший в соседнем селе и водивший тесную дружбу с Иваном Митрохиным (оба пели в церковном хоре), был известен как мужик хозяйственный, за что и пострадал: когда началось раскулачивание, Акинок был причислен к кулакам и подлежал высылке на Соловки. В списки лиц, подлежащих ссылке, вместе е Иваном Антоновичем попала и его дочь Наташа, которой только что исполнилось 17 лет.

Многие парни засматривались на дочку Акинина, в которой тот сам души не чаял, и когда стало известно о предстоящей высылке, к Акининым стали засылать сватов. И даже Митрохин-старший говорил своему товарищу по церковному хору:

– Ты моих парней знаешь, за любого твою дочку возьму.

Однако у Ивана Антоновича были свои планы. Потому-то и прятал он Гошины письма, что ему нравился больше Андрей – сирота, который жил вместе с дедом и бабкой по соседству, был парень хозяйственный, очень

смирный и сох по его Наташе. Один раз он уже подсылал к ней сватов, но та отказала, и он пока довольствовался тем, что провожал ее подругу Марфу.

Акинок сказал прямо:

– Наташа, доченька! Если поедешь со мной в ссылку, я смогу удержать тебя при себе лишь до Старого Оскола. А там налетят на тебя вороны в кожаных куртках... Выходи замуж за Андрея – и сама спасешься, и двух малых сестер приютишь.

Выбора у Наташи в этой ситуации, можно сказать, не было, хотя она и колебалась еще некоторое время. Нет, Андрей не был противен ей, с детства они играли вместе, и парень он был во всех отношениях положительный. Многие девушки в их селе не прочь были пойти с ним под венец, не говоря уж о Наташиной подружке Марфе.

Колебалась она потому, что не уходил из ее сердца Гоша. И каждый раз начинало оно трепетать только при одном упоминании его имени.

Да только рассчитывать на «донбасского залетку», похоже, уже не приходилось. Ни одного письма с тех пор, как уехал, взяв с нее обещание писать! Так что повторное сватовство Андрея было, как говорится, обречено на удачу – невеста дала согласие. На ближайшее воскресенье назначили везти молодых под венец. С венчанием торопились. Причиной тому были, во-первых, предстоящая ссылка на Соловки, а во-вторых, в селе все уже знали, что в сельский Совет пришло указание «сверху» ломать церковь. Их тогда ломали и закрывали повсюду. Так что предстоящему венчанию в церкви суждено было стать последним в истории Лебедей и окружающих сел.

2

До свадьбы оставалось, два дня, когда отец Наташи запряг лошадь и поехал в райцентр – Старый Оскол – сделать необходимые покупки. Поехала и невеста с подружками. В городе молодежь побежала по магазинам, а Иван Антонович направил лошадь на городской рынок, предварительно наказав девчатам собраться к назначенному часу.

Потратив не меньше трех часов на магазинные дела, Наташа с подругами шла к условленному месту. Время еще было, и кто-то предложил зайти в стоявший неподалеку дом, в котором жила бабка Подолячка, известная в Старом Осколе гадалка. И хотя в религиозной семье Акининых гадание никогда не приветствовалось, как тут было не поддаться искушению, заглянуть в свое будущее!

Раскинула гадалка перед Наташей чудные карты – большие, на шелковой основе, с нарисованными на них какими-то странными фигурами и даже гробами. Чудными были и ее слова:

– А тебе, деточка, вот что скажу. Собираешься ты идти под венец с одним, поведет тебя другой. Казённый человек поведет. И будешь ты стоять под венцом с двумя женихами. Будешь потом по жизни маяться, но жизнь проживешь долгую. Пятеро детей будет, но остаток жизни будешь доживать среди чужих людей.

Выйдя с подругами от Подолячки, Наташа посмеялась:

– Вот и верь после этого гадалкам! Сосватана, в сельсовете записана, послезавтра – свадьба, а жених, оказывается, будет еще неизвестно кто. Но, придя на рынок и увидев отца, встревожилась:

– Что с тобой? На тебе лица нет!

Иван Антонович отвел дочь в сторону:

– Наташа, Георгий твой с Донбасса приехал, наши видели его сегодня на базаре. Это теперь обязательно что-нибудь да получится! Смотри, не сделай какой-нибудь глупости!

3

Вечером того же дня Гоша Митрохин был уже у Акинковой хаты. Вызвал через знакомого парня Наташу. А в доме вовсю шло приготовление к свадьбе, там же был и счастливый Наташин жених, почти что уже супруг – Андрей. Наташа вышла к Георгию с одним намерением – предложить ему убираться восвояси, чтобы не позорить ее, но была застигнута врасплох вопросом:

– Ты почему не отвечала на мои письма?

– А ты их писал?

– А как же! Ты что, не получала!?

Они смотрели друг на друга, остолбенев от неожиданной, посетившей их одновременно догадки.

Он хотел взять ее за руки, притянуть и прижать к себе, как тогда, прошлой весной, когда прощался с ней в саду, Но она с горьким криком отстранилась:

– Ты что, я же уже почти замужем!

Она кивнула головой на освещенные окна своей хаты: по занавескам скользили взад-вперед тени, дверь хаты то закрывалась, то вновь открывалась, слышались громкие голоса...

Гоша схватил ее за руки так неожиданно, что она не успела их убрать;

– Слушай, ты хотела бы выйти за меня замуж?

В чем в чем, а в решительности недостатка у Георгия Митрохина не было. А Наташа вдруг почувствовала, что с этой минуты на нее сваливается что-то такое неотвратимое, чего так боялся ее отец, умоляя еще утром не наделать глупостей, и что увидела в странных своих картах бабка Подолячка. Вся воля вдруг разом оставила ее, и сердце будто остановилось.

– Н-не знаю... Это невозможно!.. Меня отец убьет! Там... Андрей сидит. Ждет.

Она с испугом и в то же время с какой-то надеждой смотрела на него: то ли хотела, чтобы он не отступался от нее, то ли, наоборот, чтобы отступился и не терзал ее сердце.

– Ты за других не думай. Ты только ответь: согласна идти за меня?

– Я просватана, ты же знаешь! Богу помолились!.. В сельсовете расписались! Послезавтра – венчание!

Он сильно притянул ее к себе, так что глаза в глаза:

– Но ты-то – согласна?!

Далее все происходило для Наташи как во сне... Ее рука была в его руке, когда они переступили порог хаты.

– Внимание! Прошу внимания!

Голос Гоши был громкий, спокойный и торжественный. Все разом затихли и повернули головы к двери. Никто сразу и не понял, что хочет сказать стоящая у двери пара, только Иван Антонович выдохнул, опускаясь на лавку: «Я так и знал...», да Андрей разом побледнел, как стена. Гоша немного выждал:

– Дорогие гости и родители невесты! Свадьба отменяется! Я забираю невесту... С ее согласия!

На Андрея было жалко смотреть, он только что не плакал:

– Гоша, что ты делаешь?! Это же не уличное дело! Я ведь к ней по-серьезному...

– Я тоже по-серьезному. Я ей писал и собирался жениться, но она не получала моих писем!

– Папа, ну сделай или скажи ей что-нибудь (после сватовства Андрей-сирота сразу стал так называть Наташиного отца)!

Потерянный Иван Антонович только беспомощно разводил руками:

– Что же я могу сделать? Дочка, ты меня убила!..

Но из Наташи невозможно было выдавить ни слова. Низко нагнув голову, она не отвечала ни на какие вопросы и увещевания, казалось, даже не слышала их. Потом, вырвав руку из руки суженого и оставив его одного среди своих родственников, выскочила из хаты. Заскочив в холодную времянку, что была во дворе, и, заливаясь слезами, стала горячо молиться Пресвятой Богородице:

– Пресвятая Дева Мария! Подскажи, что мне делать…

Окажись в этот момент рядом с ней Андрей, кто знает, как бы развивались события дальше. Но рядом оказался Гоша. Найдя Наташу во времянке, он, как мог, успокоил ее и побежал в Лебеди за сватами. Было уже за полночь.

4

Иван Митрофанович и его жена легли в этот день поздно. Из Донбасса неожиданно приехал сын Георгий. Не успели толком поговорить, расспросить его о двух старших сыновьях, которые работали там же, на Донбассе как он умчался куда-то. Перед вечером прибежал; переоделся и снова убежал, пообещав прийти пораньше. Не дождавшись, родители легли спать.

Гоша пришел во втором часу ночи. Спросонья не сразу поняли родители, что надо от них сыну. Оказалось, предстояло срочно собраться и идти в Йотовку сватать Акинкову дочку. Впрочем, такая спешка со сватовством особого удивления у отца с матерью не вызвала, так как все знали, что церковь будут закрывать и что венчание в ней в это воскресенье будет последним.

Как ни короток был обряд сватовства на этот раз, домой возвратились под утро. А когда совсем развиднелось, снова поехали к невесте. Из хаты невесты вынесли и положили на телегу две подушки, усадили на них молодых и повезли в сельский совет расписываться. Для Наташи это была уже вторая запись в течение одной недели.

А на следующий день состоялось венчание. Венчались всего две пары: Гоша с Натальей и Андрей с Марфой (не упустила-таки Марфа своего счастья!).

Наташа стояла под венцом, как и предсказала гадалка, между двух женихов. Глаза и губы ее были припухшими, плакала ночью немало: сбылась первая часть предсказания, что там будет дальше?..

II

1

В одну из теплых июльских ночей, уже спустя три года после войны, шел Георгий Митрохин к своей любовнице Дарье. Она жила в деревне Лебеди, где родился и вырос Георгий, но теперь он жил с семьей в поселке имени Губкина и работал на шахте. Он только что отработал во вторую смену и вот теперь шел в Лебеди через луг, через речку Осколец и нес сложенную детскую кровать. Шел и думал, почему все так неправильно устроено: если двоим хорошо, то кто-то третий должен от оттого страдать. Взять хотя бы его, Георгия. Пока Наталья, жена, не знала о его связи с Дарьей, всем было хорошо, а теперь? Дома только ругань и слезы. Наталья чуть ли не каждый день такие сцены стала устраивать, что хоть совсем домой не являйся.

– А все эти бабы Лебедянские! – подумал он вдруг со злостью. – Небось, такого теперь наплели Наталье, чего мне и самому во сне не снилось. А та и рада... уши развешивать. Бабы они и есть бабы.

Для себя Георгий оправдания не искал. Не потому, что считал все свои поступки правильными, а просто относил к чему-то само собой разумеющемуся, что вот ходит он к Даше, которая ждет его прихода в любое время дня и ночи, всегда с ним ласкова и ничего никогда от него не требует. В доме всегда чисто, прибрано. Сам Гоша хотя и не был особым чистюлей, но в женщинах такое качество ценил.

И небольшой домик у Дарьи тоже выглядел исправным и ухоженным. Здесь, конечно, не обошлось без его, Гошиных, хозяйских рук. Всякий раз, когда шел он ночью после второй смены с шахты сразу к Дарье, всегда старался прихватить с собой то кусок хорошей доски, то какую-нибудь реечку. А недавно сварил на работе металлическую детскую кровать: у Дарьи подрастали сын и дочь, и спать им вдвоем на печке становилось уже тесно. Кровать была на загляденье: спинки ажурные с затейливым узором из гнутой проволоки, с оловянными набалдашниками. Немало вложил в нее Гоша труда и собственной фантазии.

И вот сегодня он аккуратно увязал свое изделие и теперь нес, и представлял, как обрадуется Дарья. В то же время его не оставляло чувство

вины, потому как у него самого детей было четверо, и такая кроватка в семье никак не помешала бы.

–Ничего, сделаю еще, получше этой будет, – успокаивал себя Гоша.

Но не знал Георгий вот чего: несколько дней назад заходила его Наташа зачем-то к нему на работу. Не застав мужа на рабочем месте, она хотела уже уйти, но обратила внимание на сваренную и уже покрашенную красивую детскую кровать, сложенную в углу машинного отделения. Все ссоры, которыми так изобиловала в последнее время семейная жизнь Натальи, вдруг отошли на задний план. Радостное чувство шевельнулось в груди:

– Не иначе, как для старшего, Витюшки! И то пора: с тех пор, как родился в семье четвертый, старший стал спать на полу. Почему же не сказал, что делает сыну кроватку, может, хочет сделать сюрприз?

И пока шла домой, это теплое чувство не покидало ее.

Но вот сегодня, не видя мужа уже вторые сутки, она вдруг ощутила такой приступ безысходности и отчаяния, что, еле дождавшись, когда начнет темнеть, и не осознавая до конца, зачем она это делает, оставив детей на соседку, пошла в темноту через луг, туда, где должен был быть – она это чувствовала – ее Гоша. Деревня почти вся уже спала, лишь окна некоторых хат освещал тусклый свет керосиновых ламп. На улице, к счастью, никого не было – Наталье было бы стыдно встретиться с кем-либо из своих бывших односельчан. Ей казалось, что каждый сразу догадается, зачем она здесь, в Лебедях. Приблизилась к Дарьиной хате и замерла. Света в окнах не было. Подумалось вдруг: а может, зря она – вот так? Может, Дарья спит со своими детьми, а ее Георгий – у кого-то из своих товарищей или знакомых, хватил лишку и заночевал?

Сколько так простояла она, Наталья не знала. Вдруг на фоне занавески вспыхнула спичка, высветив силуэт мужской фигуры, и через короткое время погасла. Видно было, как от спички прикурили. Но не этот до боли знакомый силуэт сразил Наташу, а возникший на фоне той же занавески уголок ажурной спинки детской кровати. Словно яркая молния в ночи ударила по глазам, и – еще более кромешная тьма. Ничего уже не соображая, Наталья нагнулась, пошарила руками по земле. Первым попавшимся тяжелым предметом запустила в окно, раздался звон разбитого стекла и следом – испуганный детский плач...

Как шла уже перед рассветом обратно через луг в поселок, Наталья не помнила. На мосту в конце Коробковского пруда некоторое время постояла, глядя вниз на чуть мерцающую в темноте воду, с шумом переливающуюся через бетонную дамбу. Пришла домой, посмотрела на спящих детей, легла тоже. Слез не было – выплакалась за дорогу.

2

Все последующие дни после той памятной ночи Наталья была внешне спокойна: вела хозяйство, жила заботами детей, переговаривалась с соседями. Но одна мысль крепко засела в ее голове: она решила сжечь

Дарьину хату. Эта мысль появлялась у нее и раньше, но лишь как предположение, как возможность. И тут же исчезала. Решением она стала, когда Георгий, придя вечером домой на второй день после той ночи, устроил Наталье скандал, выставил себя оскорбленным, а ее в каких только не обвинил грехах, в том числе в неумении вести хозяйство, и что она закопалась в грязи, а не как другие жены, с которыми их мужьям не стыдно выйти и пройтись под ручку на виду у людей.

Она тоже не молчала, обвинив его в том, что он все заботы о детях, которых четверо, и по хозяйству переложил полностью на нее. В пылу перепалки произошло то, чего никто из них не ожидал: Гоша поднял на нее руку, хотя и не ударил. Она испуганно отшатнулась, потом со смешанным чувством страха, ненависти и удивления уставилась на него. Он сам опешил: чего-чего, а руку на женщин Георгий Митрохин никогда не поднимал. Затем, буркнув: «Видишь, до чего ты меня довела!», и как бы тем самым оставив за собой право на роль жертвы, он собрал кое-что из своих вещей и ушел, обронив при этом, что ему сегодня на работу в третью смену, но завтра пусть его не ждет ни к обеду, ни к ужину. В дверях, уходя, задержался и мрачно процедил сквозь зубы: «А бить окна больше не советую».

Это был конец. Наталья даже растерялась: как это – «пусть не ждет»!? Ведь она все годы совместной их жизни тем и жила в основном, что ждала! Ждала каждый день с работы, ждала, когда где-то задерживался с товарищами. В последнее время стала ждать от любовницы – каждый раз прикидывала, какими словами встретит его, что будет говорить он в свое оправдание, терзалась, ненавидела, но – ждала! А теперь как же?

Прошло несколько дней. Георгий не появлялся. От Лебедянских баб, приходивших на базар, Наталья уже знала, что ее Георгий живет у Дарьи и что та ходит на работу в поле «начепуренная и прямо сияет». Вот тут-то и окрепла мысль подпалить Дарью. На что при этом рассчитывала, объяснить и сама не смогла бы.

3

Стояла сухая погода, ночи были душные и темные, то, что и надо было Наталье. В один из вечеров она дождалась, когда совсем стемнеет, сунула коробок со спичками в карман жакета и, наказав старшему смотреть за младшими и пообещав скоро вернуться, ушла. Когда шла через луг, то почти бежала. Где-то в середине пути, уже перейдя по шаткому мостику речку Осколец, чуть было не передумала и не повернула обратно. На как будто что-то толкало ее вперед.

К Дарьиной усадьбе вышла со стороны огородов, спускавшихся прямо к лугу. По отдельным приметам определила в темноте дорожку к Дарьиному дому и стала осторожно подниматься вверх. Неожиданно перед нею выросла копна соломы, отсюда начинался огороженный плетнем двор. Копна была привалена к сараю, в котором находилась скотина, сарай примыкал прямо к хате. Крыши – соломенные, чиркнешь спичкой – и все враз заполыхает.

Наталья сделала в копне нору, намереваясь поджечь изнутри, чтобы, пока пламя вырвется наружу, было время убежать подальше.

Интересно, подумалось вдруг ей, в какую смену работает сегодня Гоша, в шахте он сейчас или в постели с любовницей?

Она вспомнила свой недавний визит в Лебеди, звон стекла разбитого ею окна, испуганный детский плач... И вдруг её будто обожгло: о, господи! Да как же она не подумала! Ведь там же, в хате, Дарьины дети!

4

Обратный путь показался Наталье длиннее обычного: спешила к детям – как они там? В то же время не покидало ощущение, что она только что чуть было, не совершила что-то неотвратимо ужасное, о чем и подумать-то страшно

– Вот говорят же: попал в лапы к Сатане, – лихорадочно крутилось у нее в голове. – И я была почти уже там. Господи, спаси и сохрани! Дева Мария, заступница, не оставляй меня!

Придя домой и, найдя детей в порядке, мирно спящими, упала перед иконой и больше плакала, чем молилась. Да и молитва-то была в основном лишь бессвязным повторением слов: «Прости, Господи! Благодарю тебя, Господи!».

Но когда собралась ложиться спать, села на кровать, да так и застыла, уставившись в одну точку. Тоскливое чувство покинутости вновь стало заполнять ее. Снова назойливо застучало в голове: неужели покинута? И кем? Ее Гошей! Вспомнила последнее венчание в Лебедянской церкви и себя под венцом между двумя женихами, как нагадала ей гадалка. Почему ж не нагадала счастья с одним из них?..

Да полно! Разве не была она с Гошей счастлива все эти годы? Почти сразу же после свадьбы уехала к мужу в Донбасс. Он устроил ее работать на свою шахту смазчицей подшипников механизмов подъема. Покупал ей красивые платья, ходили в гости в знакомые шахтерские семьи. Там же родился у них первенец. В 1939 году вернулись в родные места, и Гоша пошел работать на шахту. Когда началась война, ему вместе с другими лучшими специалистами дали бронь. Затем – эвакуация вместе с шахтой. После войны переехали из Лебедей в поселок имени Губкина, получили квартиру. К тому времени у них было уже трое детей – два мальчика и девочка, потом родился четвертый. В любви ведь зарождались, кому, как не Наталье, знать это! А теперь? Зачем ей жить на белом свете?

Последняя фраза вдруг как будто зацепилась в голове за что-то:

– Да, зачем теперь жить?

Но тут ее взгляд упал на Ванечку, который, будто зная, о чем сейчас думает его мать, стал морщить носик и беспокойно ворочаться. Наталья подвинула его к себе поближе, приклонила голову к подушке и, так и не раздевшись, уснула.

5

На следующий день к Наталье зашла соседка Акулина Петровна. Она жила в другой половине «финского» домика с дочкой и зятем, к Наташе относилась по-матерински и часто выручала, оставаясь с ее детьми, а также всегда могла дать дельный совет. Справившись о здоровье детей и самой Натальи и услышав в ответ лишь вялое: «Ничего, спасибо!», спросила вдруг прямо:

– Деточка, что у тебя стряслось?

И столько участия и материнской доброты послышалось Наталье в этом вопросе, что она горько разрыдалась:

– Тетя Акулина, как я несчастна! Посоветуй, что мне делать? – только и смогла сначала выговорить она.

Немного успокоившись, рассказала все, что произошло у них с Гошей в последнее время: как он все чаще не являлся домой с работы, когда уходил во вторую смену, как она стала подозревать его в измене и долго не могла сама этому поверить, пока не стало все явным. И даже о битье окон соперницы и своем намерении поджечь ее хату рассказала.

Акулина слушала сочувственно, не перебивала, лишь при словах о поджоге испуганно посмотрела на говорившую и осуждающе покачала головой. Когда Наталья замолчала, соседка некоторое время помолчала тоже, собираясь с мыслями. А когда заговорила, в голосе ее была решительность:

– Слушай меня, девонька, внимательно. Не за те ты вожжи взялась, не тем кнутом помахивать стала. И где это ты видела, чтобы мужики на других баб не заглядывались? Мужики они и есть мужики, – при этих словах Акулина Петровна презрительно скривилась. – Им обязательно чужую подавай, чтобы бегать да увиваться, перья свои павлиньи распушать. Вот ты и стань ему чужой, – неожиданно заключила она. Увидев испуг и недоумение в глазах Натальи, улыбнулась:

– То, что твой Георгий Иванович недолго продержится вдали от семьи, могу ручаться головой. Так, как он детей своих любит, мало кто любит. Тут ему хоть сто любовниц подавай, от детей он не откачнется. Но ты посмотри на себя. Неужели ты думаешь, что Дарья встречает Георгия с такой прической, да еще и в неприбранной квартире? Конечно, тяжело, понимаю: дети, хозяйство... Но надо что-то делать! И еще, говорю вполне серьезно, попробуй стать ему хотя бы немного чужой. Не сварливой, не бранчливой, а дружелюбно чужой. Ну, скажем, ведь ты не станешь устраивать скандал соседу за его поздний приход с работы? Попробуй так же повести себя и с мужем.

И еще много чего говорила тетка Акулина, наставляя молодую соседку. Под конец взяла с Натальи обещание, что та сегодня же пойдет и купит в магазине два отреза материи, из которой потом сама Акулина пошьет для Натальи два модных платья – завлекать так завлекать неверного! А чтобы Наталья расправила плечи и не выглядела такой зануженой, обещала Акулина помогать ей на время отсутствия Георгия присматривать за детьми и ухаживать за скотиной.

6

Прошло несколько дней. Наталья уже ходила в первом новом платье, еще через пару дней Акулина Петровна обещала дошить второе. Она была профессиональной модисткой – платье сидело на Наталье как влитое. Георгий все не появлялся, но жена уже переносила это как-то спокойнее: во-первых, у нее появился план действий, это уже кое-что значило, во-вторых, на настроении Натальи не могли не сказываться постоянные Акулинины «монологи о мужиках». Два старших сына тоже пока не были обеспокоены отсутствием отца, зная, со слов матери, что это – по работе.

Появился он в середине недели, во второй половине дня. Принес гостинцев детям, поиграл с ними, поговорил. Наталья держалась спокойно и даже приветливо (как если бы с соседом). Была она в новом платье и какая-то помолодевшая. На вопрос мужа, куда подевались его бритвенные принадлежности, бойко ответила:

– Ой, Гоша, знаешь, я не думала, что ты так быстро придешь, и убрала все в кладовку.

Потом срочно засобиралась, сказав, что у ее новой знакомой сегодня день рождения, и она обязательно должна ее поздравить. Платье надела, которое соседка дошила только вчера вечером. Спросила как бы вскользь:

– Ты не побудешь с Ванюшей, пока я приду?

Услышав в ответ, что ему во вторую смену и что сразу отсюда он уйдет на работу ровно через два часа, сказала тоном как можно более беззаботным:

– Хорошо, когда будешь уходить, попросишь побыть тетку Акулину. А может, и я к тому времени подоспею.

Покрутилась немного у зеркала:

– Знаешь, Гоша, зря я в прошлом году продала свои бежевые туфли, как бы они подошли мне к этому платью! Теперь мне уж таких не купить... Да, там две твоих чистых рубашки, ты их забери, что они тут будут лежать.

И никаких предложений объясниться! Как будто между ними все уже раньше было решено, и решено к обоюдному согласию.

Выйдя из квартиры, Наталья бесцельно пробродила все два часа недалеко от дома и прихватила потом еще минут десять, чтобы наверняка уже не застать Гошу дома. Стоило это ей немалых усилий.

Через несколько дней Георгий пришел опять. Был задумчив, с детьми играл мало. Повозился во дворе, снова зашел в дом. Посматривал на Наталью, казалось, хотел сказать что-то. Но та каждый раз делала вид, что занята чем-то срочным, то выскакивала во двор, то снова заскакивала и бросалась вынимать из шкафа какие-то тряпки, будто искала что-то. Через недолгое время, вдруг посмотрев на часы, спросила:

– Ты когда уходишь? Вопрос оказался для «гостя» неожиданным.

– Да я, собственно говоря, не знаю...

– Да ты иди, Гоша, иди!

Такого Георгий не ожидал совсем.

– Да что ты меня гонишь! Заладила: иди да иди! А я вот возьму и не пойду!

Однако в глазах Натальи – лишь доброта и ласка:

– Знаешь, Гошенька, когда ты уходишь, у меня в квартире по углам будто ангелы начинают летать.

Откуда в Натальиной голове возникла эта фраза, она и сама не могла объяснить. Георгий, взбешенный, ни слова не говоря, выскочил, хлопнув дверью.

Всю следующую неделю Наталья терзалась сомнениями, правильно ли она сделала, выставив Георгия, боясь, что теперь он не вернется вовсе. Акулина Петровна была иного мнения:

– Не знаешь ты мужиков. Это же... мужики! – говорила она и презрительно кривилась.

7

Воскресным утром Наталья встала, как всегда, рано. Управилась во дворе, покормила детей, убралась в квартире. Надела свое любимое платье. Посмотрела на себя в зеркале и снова пожалела, что продала когда-то свои бежевые туфли.

Она ждала Георгия. Накануне тетка Акулина, увидев ее во дворе, сказала через забор:

– Жди завтра своего неверного!

Оказалось, видела прошлой ночью она сон: лежит на мели рыба, бьется, рот раскрывает, а в глубокую воду никак не попадет. И тут подходит к ней вроде бы как Георгий, по колени в воде, берет ее на руки и говорит: «Это моя рыба. Я ее в озеро пущу, пусть плавает».

– По колени в воде – значит, с повинной пожалует, – заключила соседка. – А ты уж теперь сама смотри,

Георгий пришел с небольшим, знакомым Наталье чемоданчиком в руках. В нем он всегда держал свой инструмент, когда приходилось где-то подрабатывать, будь то работа кузнеца, плотника, жестянщика, кровельщика – он мог все.

– Ты что, подработать пришел? Так я никого не вызывала» – не утерпела и съязвила Наталья, глядя, как Георгий приставляет неустойчивый чемоданчик к стене. Но в голосе ее не прозвучало ни обиды, ни упрека, а лишь теплота и грусть.

Георгий ничего не ответил. Поставив чемоданчик, он подошел к окну, что выходило во двор, потом обернулся, посмотрел на Наталью, перевел взгляд на чисто убранную комнату и снова на Наталью.

– Ты куда-то собралась? – спросил тихо.

Все это время Наталья стояла молча, сердце ее бешено колотилось. Продолжать начатую под руководством тетки Акулины игру она уже не могла, да в этом, видимо, и не было уже смысла. Она отрицательно качнула головой:

– Никуда.

Потом добавила еле слышно:

– Это я для тебя надела.

– Оно очень тебе идет, – сказал Георгий и зачем-то потянулся к чемоданчику. Раскрыв его, он достал сверток, развернул, и Наталья увидела маленькие бежевые туфельки. – Размер 35, как раз твой, примерь.

На этом я заканчиваю историю любви и верности. Может, кто-то, прочтя, , скажет, что мало в нем было верности. Но это уже вина не автора, – жизнь такая.

Тем, кто заинтересовался дальнейшей судьбой главных героев рассказа, сообщаю, что спустя некоторое время после их примирения родился у них пятый ребенок. Георгий до конца своих дней работал на шахте имени Губкина, был человеком уважаемым и слыл в своей среде мудрым, видно, пошел в мать Алену. Он за свою жизнь ни разу не обращался в больницу, и когда в 65 лет заболел, оказалось, что на него в поликлинике не была даже заведена карточка. Зато убрался потом за один месяц.

Наташа, теперь уже бабушка Наташа, живет одна. В советские времена ей была вручена медаль «Мать-героиня», однако из пятерых детей в настоящее время в живых осталось трое. Но все они – на стороне, и хотя мать не забывают, похоже, сбывается последнее предсказание гадалки, сделанное 17-летней Наташе накануне ее венчания почти 70 лет назад: «Остаток дней своих будешь доживать среди чужих людей».

К счастью, эти чужие люди – люди хорошие.

2003г.

РОДНАЯ СТОРОНА

Вновь тропой проторённою
Ищет память причал,
Где, покрытый соломою,
Дом мой ветхий стоял.
Там, любуясь восходами,
В водопадах росы,
По меже огородами
Уходил я в низы.
Ах, как было торжественно
И светло на душе!
Как звенели божественно
Ручейки в камыше!
А по ходу на выпасы
Зеленела куга.
Громко плакали чибисы
В заливные луга.
И под ветви кустистые,
Будто солнца лучи,
Изумительно чистые
Пробивались ключи.
Я проведал бы сторону,
Где родился и рос,
Поделил бы с ней поровну
Эту память до слёз!..
Но за синею кромкою
В необъятный размер –
Лишь бездонной воронкою
Лебединский карьер.

БАБУШКА ЛЕНА

Село мое, мои родные Лебеди! В глубь веков уходит его начало, и вот всего лишь несколько десятков лет назад оно перестало существовать, уступив место Лебединскому карьеру. Словно и впрямь стая лебедей снялась в урочный час с мест своих гнездовий и, разметавшись по округе, осталась лишь в памяти тех, кто жил здесь. Пройдут еще одно-два десятилетия, не станет и этих свидетелей…

Жалею, что в молодости мало вникал в рассказы старших. Взять хотя бы моего дядю, Григория Ивановича, ведь какой был рассказчик! До четвертого, а то и пятого колена мог восстановить прошлое многих односельчан. Начинал обычно так, обращаясь к собеседнику:

– Ты Ивана Косоротикова знал? Ну, что взял за себя Дуняшку-сироту, а у самих 25 душ семья была?.. У них отец еще до войны...

И продолжал вытаскивать все новые звенья в цепи чужих родственных связей до тех пор, пока слушатель и впрямь вспоминал, о ком идет речь, или делал вид, что вспомнил.

Свой дар рассказчика дядя получил от своей матери, моей бабушки Лены, она вообще слыла по селу мудрой женщиной. Ее рассудительность во многом приписывали тому, что в молодости она жила какое-то время в самом Питере, среди господ. Но зачем и как она туда, попала, я в свое время не поинтересовался. А теперь кого расспрашивать?

Недавно указали на двух сестер в соседнем селе – Анастасию Павловну и Нину Павловну Топоровых. Только по двору в Лебедях они были Стефанванчевы, а еще их звали Страмолюдовы. Почему так звали, не знаю. Из детства еще помню, что они вроде бы доводились моей семье какими-то родственниками. Какими? Тоже не знаю.

И вот пришел я к ним. Старшая, Анастасия Павловна, стала рассказывать, каким трудным было детство, как создавали в селе колхоз, как потом началась война и как входили в село немцы. Сама она до войны успела два года поработать с «инженером из Старого Оскола», помогала ему размечать вокруг села точки, где потом бурились скважины. В войну вместе с другими лебедянскими юношами и девушками была угнана в Германию и много там претерпела. Это тоже история моего села.

– А почему вас звали по двору Страмолюдовы?

– Дед у нас был, Стефан, его еще при царе в рекруты забрали, а потом он в Петербурге 25 лет в пожарниках числился, был у них даже начальником. А когда после революции стали крестьянам землю раздавать, он и приехал домой, чтобы, значит, получить тоже надел. Сначала, как приехал к мухам в хате, сильно по столичной жизни тосковал, даже заболел и слег. Положили его в сенцах, где ласточка гнездо вила. Лежал он, лежал, а потом как-то зовет жену:

«Марфа, ты посмотри на касаточку – без рук, а какое гнездышко себе построила! А у меня и руки, и ноги есть, а я лежу... Неси кафтан!»

День и ночь потом работал. У кафтана, что из Питера-то привез, оба рукава поотрывались, но он его не снимал. Вот насмешливые языки и прозвали его Страмолюдом. А он день и ночь работал! И когда стали его агитировать вступать в колхоз, он им так сказал: «Когда рукава к кафтану пришью, то, может, потом и вступлю. А если сейчас вступлю, то никогда уже не пришью». Не заработаю, значит, и на рукава, – поясняет Анастасия Павловна.

Нина Павловна слушает свою старшую сестру, и время от времени согласно кивает головой. Она приболела и зябко ежится, запахиваясь в кофту.

– А что... дед Стефан... От него, значит, род ваш идет?

– И не только наш. У дедушки было трое детей: наш отец да две дочери – Алена и Дуня. Алена, правда, не совсем была его...

– То есть как не совсем его?

- Анастасия Павловна переглядывается с сестрой и смотрит на меня, как будто колеблется:

– Видишь ли, когда дедушку забрали, молодого, в рекруты, бабушка осталась одна. Они тогда только что поженились. И вот уружился за нею один из нашего же села. Закончилось все тем, что родила она от него. Все село, конечно, гадало, что делать будет дедушка, когда приедет, – прибьет он бабушку или нет. Ну, приехал, пошли они вечером в пуньку спать. Он накрутил ее волосы на свой палец и говорит: «Признавайся во всем как на духу!» Она ему все как на духу рассказала. Когда дедушка узнал имя своего обидчика, сказал лишь: «Если бы кто другой был, не простил бы, а этому роду не дам смеяться ни над тобой, ни над дочкой, обеих буду любить». И еще как любил потом! Да и то сказать, бабушка Марфа, горемычная, в молодости очень красивая была.

– А почему – горемычная? Дед Стефан ведь не обижал ее?

– Не обижал, это правда. Но потом-то он опять в Петербург уехал, а она осталась с девочкой. Так вышло потом, что пришлось свою дочь, от груди только что отнятую, в чужую семью отдать, а самой дите одной барыни в Старом Осколе кормить. Бывало, привезут ей в телеге крестьянской ее Алену, уже синюю от холода, она с нею побудет, поиграется, а больше наплачется, соберет ей в дорогу гостинцев, что от господ тайком насобирала, да с тем и проводит в обратный путь. Вот как жили! А дед Стефан нет, не обижал их. Алену даже потом от других детей своих отличал, такой ей почет создавал, что шумела она, когда выросла, на все село. Даже в Питер ее к себе брал.

Рассказчица некоторое время молчит, затем медленно и тяжело начинает вставать, опираясь обеими руками о кровать, на которой сидела:

– О-хо-хо, ноги почти уже не ходят!

Я тоже встаю, чтобы уйти, но напоследок задаю последний и, казалось бы, малозначащий для меня вопрос:

– А... Алена эта... Она так и жила потом в Лебедях? От нее ведь тоже какая-то ветка в роду пошла?

Сёстры снова переглядываются.

– Ну да! Ты и есть эта ветка. Ведь это же твоя бабушка Лена была!..

ДЕРЕВНЯ МОЯ ЛЕБЕДИ

Мои Лебеди -
были ль, не были?
Веет память
теплом из детства.
Моя мудрая бабушка Лена
мне оставила сказку
в наследство
Что не зря
этим гордым именем
называется край наш
издревле.
Будто в наши когда-то
дали
гуси-лебеди прилетали.
Эту сказку я крепко
запомнил,
я мечтою ее дополнил.
Только в детство
послевоенное
не летели
лебеди белые.
Я вернулся к ним
издалёка
и увидел я,
как врастают
корпуса Лебединского ГОКа
в лебединую песню края.
Мои Лебеди!
В пульсе Родины
громыхают взрывы
карьерные...
Каждый дружит с мечтой
по-своему
и по-своему счастлив,
наверное.
Потому-то я верю сыну:
он недавно друзьям
божился,
будто видел,
как в небе синем
белый лебедь над ним
кружился

* * *

Расплескались утренние зори
Над Ямскою степью заповедной.
И застыли сполохи в узорах
Буйных трав над чашею карьерной.

Только вдруг за далью синей-синей
Встанет наше детство грозовое…
Край ты мой!
Жемчужина России!
Лебеди – село моё родное.

Здесь, томимый
сладостным недугом,
Уходил я в дивные закаты,
И цвела,
нетронутая плугом,
Степь Ямская за моею хатой.

Здесь, у древних
у степных курганов,
Увидал с друзьями я впервые,
Как шатрами половецких станов
Поднимались вышки буровые.

Громыхали взрывы за холмами…
Но дождались люди дня и часа –
И взметнулся в небо куполами
Дивный храм Преображенья Спаса.

Только вновь за далью синей-синей
Встанет наше детство грозовое…
Край ты мой!
Жемчужина России!
Лебеди – село моё родное.

ДЕТСТВО ТЫ МОЁ, ПОСЛЕВОЕННОЕ!
(Маленькие рассказы)

ПА-А-ПА-А!

О войне память моя сохранила очень мало, так как даже в конце её мне было всего лишь немногим больше четырёх лет. Среди шести своих двоюродных братьев и сестёр я был самый маленький, но и они не ушли далеко от меня. Поэтому часто, сидя на печке, мы затевали что-то вроде соревнования, кто громче крикнет «папа», надеясь, что наши отцы на войне услышат нас. Я, по крайней мере, был в этом уверен.

В памяти воскрешается: ранние зимние сумерки, наши мамы и бабушка во дворе «укутывают» скотину на ночь, свет в доме ещё не зажигается (экономится керосин), свет с улицы еле пробивается через замерзшие окна, и на печке совсем темно, а мы сидим и по очереди кричим что есть силы: «па-а-па-а!

Мне кажется, что я кричу так громко, а непонятная война где-то совсем близко, и мой папа не может не слышать меня.

Только тогда я не знал вот чего: нынешнее воспоминание моё относится к 1944-1945 годам, а мой отец погиб в 1943-м. Так что если бы я в тот вечер и смог крикнуть настолько громко, что было бы слышно там, на войне, мой отец меня всё равно бы уже не услышал.

КОТЯТА

Было мне тогда лет пять, не больше. Время было послевоенное, голодное. А тут наша кошка родила четырёх котят. Бабушка внесла их в хату, они лежали слепые и голые в лукошке и слабо попискивали. Я рассматривал их и краем уха слушал, что говорят взрослые – бабушка, мама и моя тётя. А говорили они о том, что котят надо утопить сейчас, пока они ещё ничего не понимают. А то, когда подрастут, они станут беспризорными, будут голодать, зимой замерзать, будут ходить по дворам и просить есть, но их будут бить, обижать, вышвыривать на улицу. И хоть кто-то будет их жалеть, но в дом никто брать не будет, потому что у каждого есть своя кошка. Значит, лучше утопить их сейчас.

Но кто пойдёт топить? В доме кроме меня были ещё двоюродный брат Игорь и две сестры, но все они были старше меня и, видимо, как и взрослые, не очень-то хотели брать на себя такую миссию. И тут бабушка сказала: «А вот Женя у нас самый смелый, и он не побоится пойти и бросить котят в копанку. Ну конечно я не боялся! Гордый оказанным мне доверием, я взял лукошко и пошёл в низ огорода, где находилась копанка, в ней наши матери замачивали холсты и полоскали зимой бельё. За мной увязался Игорь, который был на четыре года старше меня. Он шёл рядом и молчал. Я подумал, что он хочет проследить, брошу ли я в воду котят, а если не брошу, то – рассказать родителям. А я всё посматривал на попискивающие комочки, и мне вдруг стало жалко и топить.

Я подошёл к копанке. Что делать, как мне их спасти? Рядом стоит Игорь и почему-то враждебно смотрит на меня. Должно быть, ждёт не дождётся, когда я стану бросать котят в воду.

- Что, будешь топить?- спросил Игорь сердито.

- Мне жа-алко,- уже начиная плакать, протянул я, всхлипывая.

- Дурак, что же ты не сказал сразу!- закричал Игорь обрадовано. – Давай куда-нибудь их спрячем!

Я даже сейчас ощущаю, как тепло и радостно стало у меня на сердце тогда, после такого неожиданного поворота событий. Мы стали думать, куда спрятать котят, чтобы взрослые не смогли узнать. И придумали. На чердаке нашей хаты, под самой крышей лежало старое сено. Взрослые туда не лазали. Вот между этим сеном и пеленой соломенной крыши мы и устроили гнездо с котятами и показали место кошке. А бабушке я сказал, что бросил котят в воду, хотя врать было очень стыдно.

Несколько раз потом мы с Игорем осторожно, чтоб никто не видел, забирались на чердак, но котят так и не увидели, - видно, кошка перетащила их в другое место.

Прошло какое-то время, о котятах уже все забыли. Но однажды, находясь в своей хате, я вдруг услышал, как бабушка во дворе громко кого-то ругает:

- Ах, пострелёнок! Это ж надо, до чего додумался! То-то я смотрю, чего это кошка к чердаку так привязалась, мышей, что ли, много там развелось? Дай, думаю, слазаю проверю. – И что-то кому-то стала рассказывать.

У меня похолодело внутри: мой обман раскрылся! Оказывается, бабушка была на чердаке и успела увидеть играющих котят, которые быстро скрылись при её появлении: они ведь были дикие. Я ожидал, что меня будут ругать, и весь день старался не попадаться бабушке на глаза. Но вечером, когда все собрались на кухне, бабушка стала рассказывать, как напугали её сегодня котята. А я вдруг обнаружил, что меня не только не собираются ругать, но все даже ласково как-то посматривают в мою сторону, как будто я сделал что-то хорошее.

Вы спросите, куда мы котят потом дели? Конечно, мы с Игорем не допустили, чтобы они стали беспризорными. Мы обошли всю нашу деревню и даже ходили в соседнюю, чтобы отдать котят в добрые руки. Но сначала мы их приручили. Они были очень игручие.

ВЕЛОСИПЕД

После войны лишь у очень немногих моих сверстников отцы вернулись живыми домой. Большинству же из нас суждено было быть безотцовщиной...

Если я кому-то и завидовал тогда, так это Кольке Трошину: у него был свой велосипед – отец то ли купил ему, то ли привёз с войны. Велосипед был большой, на взрослого, и Колька сначала не доставал до педалей не только с седла, но и с рамы. Но и под рамой он так лихо носился, вздымая пыль, по деревне, что не одна курица, думаю, была близка к обморочному состоянию, еле успевая выскочить из-под колёс Колькиного велосипеда.

Мы, безотцовщина, не просили у Кольки покататься, потому что никто не умел ездить. А я – мечтал. Мечтал, что мой отец всё же придёт с войны (в то время нет-нет, да и проносился слух, что вот в такой-то деревне вернулся такой-то, уже считавшийся погибшим или пропавшим без вести). Я рисовал в своём воображении, какие подарки привезёт он мне, подарки эти каждый раз менялись, но неизменно среди них присутствовал велосипед.

В детстве мы часто летаем во сне, при этом испытываем удивительно приятные ощущения. Точно такие же ощущения я испытывал и когда ехал на велосипеде.

Как-то мать обронила:

- Была вчера у Романиных, бабушка Дуня говорит, что у них на чердаке ещё с войны вроде бы какой-то поломанный велосипед валялся. При случае она слазит туда и посмотрит, а если его можно будет починить, то пусть, дескать, Женя заберёт его и катается.

Трудно представить большее счастье, чем то, которое, казалось, уже вот-вот готово было обрушиться на меня. Оставалось лишь подождать, когда баба Дуня слазит на чердак. Но эти дни ожидания не были слишком тягостны для меня, потому что за это время мне было, дай Бог, справиться с той радостью, что и так до предела заполнила всё моё существо. Я ходил и представлял, какого цвета велосипед, какой у него руль, какая неисправность, которую, я был уверен, конечно же, исправлю с помощью взрослых. Но через три дня я уже стал канючить у матери – сходи!

От Романиных мама вернулась быстро:

- Нет у них никакого велосипеда. Бабушка и сама не помнит, где и когда она его видела. Да и видела ли?

Мне очень не хотелось плакать при маме, но когда я выскакивал, проносясь мимо неё, из хаты, слёзы уже так лились сами из моих глаз, что я плохо различал проём двери. Заскочив в сарай, уже не мог сдерживать рыданий, которые буквально сотрясали моё тело.

Мама нашла меня там, растерянная стояла рядом и что-то говорила, говорила, утешая. Но я-то знал, что никогда не сможет она сказать, что подожди, мол, немного, купим тебе велосипед. Не сможет потому, что слишком велика была нужда в доме после войны, слишком трудно было маме одной растить нас с сестрою.

Лишь много лет спустя, отработав положенный срок молодого специалиста геологом на Крайнем Севере, отслужив более трёх лет в армии на юге и вернувшись в родной Губкин, купил я себе первый свой велосипед. Новый. Спортивный, с четырьмя скоростями. Когда износился, купил второй точно такой же. Сейчас езжу на четвёртом – с 24 скоростями. Но пользуюсь чаще уже только одной.

СЮРПРИЗ

Начало зерноуборочной страды. На колхозном току лежит прямо под открытым небом ворох зерна. Но украсть невозможно.

Пришла соседская девчонка Валька:

- Жень, сходим, как стемнеет, на ток? Там один дед Михей сторожит

Валька на два или три года старше меня и уже в пятом классе. Она мой главный конкурент в собирании летом по улице сухих коровьих лепёшек на топку, сегодня же, видимо, никого из подруг не сагитировала и зовёт теперь «на дело» меня.

Начинает смеркаться, и мы с Валькой, прихватив сумки, шагаем в сторону колхозного двора. Сначала идём по верхнему планту мимо Бжикиной хаты, затем углубляемся в огороды и уже со стороны огородов подходим к току. Он тускло освещён лишь одной висящей на столбе электрической лампочкой, но весь как на ладони. Подобраться незамеченным невозможно. У столба темнеет чья-то фигура, она курит и глухо кашляет.

Мы залегаем поодаль в неглубоком приямке и терпеливо ждём, когда сторож куда-нибудь отлучится. Но незаметно для самих себя засыпаем, пригретые теплом друг друга.

Просыпаемся оттого, что начинает накрапывать дождик, нам спросонья до дрожи зябко и очень неуютно. Сторож на том же месте. Мы отползаем подальше от освещённого тока, встаём и идём молча домой, где нас ждут и уже очень тревожатся наши матери…

А на другой день я беру свои единственные штаны-шаровары, перешитые когда-то мамой из её довоенного платья, и прорезаю в них сбоку отверстие под карман. Также тайком от матери с трудом нахожу подходящий кусок материи и шью из него узкий длинный мешочек, каковой затем и пришиваю к разрезу в штанах, получив, таким образом, неимоверной глубины карман.

Среди бела дня и почти на глазах у сторожа я теперь всё же ухитряюсь насыпать в карман, по меньшей мере, килограмм зерна и принести домой. До позднего вечера мы с сестрой попеременно толчём его в деревянной ступе, которая чуть не выше нас самих, чтобы получить нечто наподобие муки пополам с крупой и наварить из неё что-то типа мамалыги к приходу с поля мамы, смертельно уставшей и никак не ожидающей такого приятного сюрприза.

КАК Я ХОДИЛ ХРИСТОСЛАВИТЬ

«Рождество твоё, Христе Боже наш…». Не помню, когда я выучил слова этой молитвы. Но, кажется, что, как стал помнить себя, уже знал её.

Под Рождество, помню, всегда наметало много снега, и стояли сильные морозы. А утром, ни свет ни заря, нас будили матери в тщетной надежде, что мы забудем о своей вчерашней просьбе разбудить нас пораньше и останемся в тёплых постелях. Тем более, что шли школьные каникулы.

Но разве можно проспать, если целый год ждёшь этого утра! Мать ещё не успела до тебя дотронуться, раздумывая, будить или нет, а ты уже вскочил. Наскоро одевшись, выскакиваешь на улицу, на мороз или вьюгу. Деревня ещё вся погружена в сон, только кое-где нет-нет, да и осветится слабо на миг заиндевевшее оконце хаты: это какая-нибудь хозяйка, встав с постели, посветит спичкой на часы-ходики на стене и, увидев, что ещё рано

даже затапливать печку, сладко зевнёт с намерением досматривать свой утренний сон. Но раздаётся громкий требовательный стук в дверь сеней.

- Ну, кто ещё там?

- Христославцы!

Нехотя звякает щеколда, и мы, совершенно не внимая ворчанию хозяйки за раннее нашествие и даже пока не здороваясь, прошмыгиваем мимо через тёмные сени внутрь хаты, туда, где перед образами еле теплится зажжённая с вечера лампадка.

- Рождество Твоё, Христе Бо-оже на-аш!..

Мы отчаянно и безостановочно крестимся, безбожно перевирая слова и совсем не понимая их смысла. Но концовка всегда громкая и отчётливая, как выстрел:

- Господи, слава Тебе! Здравствуйте!

Последнее слово – это уже, обращаясь к хозяйке.

Кто рано встаёт, тому Бог даёт. На Рождество мы постигали справедливость этой пословицы в самом что ни на есть прямом смысле. Вставший христославить раньше других всегда имел шанс на чуть большее вознаграждение, чем идущие следом. Обычно давали по две-три копейки на каждого, самым же первым перепадало копеек по десять, а то и больше.

Уже тогда мы открывали для себя закономерность: те, кто побогаче, старались дать поменьше, а то и вообще не отпирали двери. Зато, помню, жила на Моздовке в нашей деревне Лебеди тихая маленькая женщина-Настюшка. Жила одиноко в малюсенькой хатёночке с одним крошечным оконышком и среди бедных была, кажется, самая бедная. Даже мы, дети, христославя, зачастую великодушно обходили хату Настюши, не желая вводить её в расходы, да и, откровенно говоря, не надеясь что-либо здесь получить. Каково же было наше удивление, когда однажды, зайдя к ней с товарищем и прохристославя, получили по 20 копеек на брата. Берегла к Рождеству! Наша оценка её меж собой была по-детски непосредственной и однозначной: Настюшка больше всех верит в Бога!

И ещё помню случай. Захожу в хату деда Митюка, его в деревне колдуном звали. К этому времени я уже обегал, кого мог и один нахристославил за утро что-то около рубля. Тётя Шура, Митюкова жена, уже возилась около печки, а их средний сын Иван сидел в майке на постели. Иван был уже парень и работал в колхозной кузнице. И вот, когда я закончил христославить и, получив из рук тети Шуры сколько-то копеек, повернулся, чтобы уйти, Иван остановил меня:

- Жень, подожди. Если спляшешь, получишь вот это,- он показал мне трёхрублёвую бумажку.

Заработать сразу целых три рубля! И так просто и быстро! Однако неожиданные стыд и стеснение вдруг одолели меня.

- Да не умею, - сказал я.

- А ты попробуй.

Я молчал и не уходил.

- Ну что же ты? Спляши!

- Не умею, - упрямо повторил я.

У Достоевского в романе «Идиот» есть эпизод, где героиня бросает в огонь большую пачку денег и предлагает своему очень бедному, но полному внутреннего достоинства поклоннику вытащить из огня эти деньги для себя. Чувства, которые испытал при этом молодой человек и которые так пронзительно описал Достоевский, мне кажется, были сходны с моими в то рождественское утро.

Мучительная для меня сцена затягивалась. Я уже стоял у двери, держась за ручку и не будучи в силах ни уйти, отказавшись от трёх рублей, ни выполнить Иванову просьбу.

- Да отпусти ты ребёнка и отдай деньги, - сказала вдруг сыну из-за печки тётя Шура, видимо, поняв материнским сердцем моё состояние.

- Нет, пусть спляшет, - заупрямился тот. – Ну, хоть топни один раз ногой! Всего один раз!

И тогда я сделал два шага к середине хаты и – топнул. Один раз.

С тех пор я уже не христославил. Видимо, повзрослел.

А те три рубля я долго не тратил, приятно было ходить с ощущением, что они у тебя есть. Куда потом дел, уже не помню. Может, отдал матери - нужды в доме было много.

МУЖИК В ДОМЕ

Красивое село Лебеди! Привольно раскинулось оно вдоль живописной поймы реки Осколец с её заливными лугами. На лугах гнездятся по весне кулики, чибисы, утки, а летом среди высокой травы и моря цветов стрекочут кузнечики, порхают бабочки, роятся дикие пчёлы. Вольготно здесь косарям в сенокосную пору!

Вчера бригадир ходил по домам, загадывал на работу. Мужикам – с косами на луг. Но мужиков мало. Моя мама тоже научилась косить и косит наравне с мужчинами. Даже зерновые, только всегда потом жалуется на боли внизу живота. А вот отбивать косу не умеет. Вчера слышал, как она говорила соседке:

- Даже уже не знаю, к кому с косой пойти. Так надоело всех просить!

- То-то, без мужика,- горестно поддакивает соседка.

Во мне почему- то всегда больно отдаётся это часто произносимое в доме – «без мужика». Я выхожу во двор, там меня ждёт моя «буровая скважина». Дело в том, что когда в Лебеди понаехали буровики и повсюду вокруг деревни и в ней самой поднялись буровые вышки, все мои сверстники «заболели» бурением: редко в каком дворе не возился мальчишка над дырой в земле, пытаясь углубить её всевозможными способами – вращением куска проволоки, забиванием металлического стержня и кто во что был горазд.

Но сегодня мне не бурится, разговор мамы с соседкой не идее из головы. Какое-то смутное желание-намерение, которое я ещё сам себе боюсь сформулировать, зреет во мне…

На другой день встаю рано, хотя мама уже возится у печки. Выхожу во двор и сразу – к сараю. Коса – на месте, под навесом, значит, мама никому её ещё не носила. Из дворов доносится знакомый перестук, там отбивают свои косы. Я тоже беру свою и усаживаюсь над наковаленкой. Она представляет собой кусок плоского напильника, вбитый в бабуху – деревянный конус, который острым концом забивается в землю. Как отбивают косу, я видел не раз, и теперь стараюсь делать так же: удерживаю левой рукой за тыльную сторону у острого конца, «пятка» лежит на локтевом сгибе, в правой руке – молоток. Поначалу дело идёт трудно, лезвие косы то соскакивает с наковаленки, то, наоборот, слишком подаётся в мою сторону, отчего я то мажу, то ударяю молотком чуть ли не посередине косы.. Постепенно приноравливаюсь и в конце концов дохожу до «пятки». Что у меня получилось и получилось ли вообще, я оценить пока не могу.

- Ну-ка, ну-ка! - слышу вдруг над головой. Поднимаю голову и вижу бригадира. Он берёт у меня косу, рассматривает, хмыкая и прищуриваясь, мою работу. Выходит мама, испуганно смотрит на меня сидящего и рядом стоящего бригадира с косой в руках.

- А всё говоришь, что мужика в доме нет, - слышит она и продолжает ничего не понимать. Сын, вон, косу тебе отбил.

Мама подходит, недоверчиво смотрит на косу, потом на нас и продолжает не верить. Да и я боюсь – не шутит ли? Но бригадир серьёзен.

- В следующий раз будешь отбивать, старайся при ударе оттяжку делать, - обращается он ко мне и показывает рукой, как делать оттяжку. – И молотком старайся ударять равномерно, а то, видишь, кромка – будто бычок прошёл.

Дав ещё матери несколько указаний по работе на предстоящий день, бригадир идёт в следующий двор, оставив меня и маму наедине с нашей косой.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Ещё февраль
вовсю кружил и вьюжил,
Мели снега.
Но был уж край мой
лишь во власти стужи,
Но – не врага.
И беззаботно ребятня
сновала
Из дома в дом.
И это
быть свободным означало
В краю родном.
И с той свободы
явно захмелевший,
Терзая слух,
Орал победно
чудом уцелевший
Родной петух.
И толковали бабы
у колодца
Ночные сны…
И так мечталось,
что живым вернётся
Отец с войны.

В МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Я не помню, не помню войны той начала,
Как отец уходил и как мать провожала,
Как потом «похоронка» пришла моей маме,
Я не помню, не помню – не вышел годами.

Только помню стук бешеный в раму и - следом-
Крик соседки в окошко: «Победа!», «Победа!».
Майский день разгорался. И было нас трое.
Горько плакала мама, обняв нас с сестрою.

«СЧАСТЛИВОЕ» ДЕТСТВО

Моя жизнь такова:
Был я в дедах своих раскулачен.
И под Курской дугой
		был убитый с отцом я своим.
И за пять колосков
		был я в поле объездчиком схвачен,
И за пять колосков
		был потом я властями судим.
Моя жизнь такова:
Уходил я за матерью в поле.
Чтобы выжить, в семь лет
		воровал на току я зерно.
И с соседской девчонкой
		входил я в артельную долю,
Собирая на топку
		сухое коровье г-но.
И с ватагой ребят
		по весне за съедобной травою
Отправлялся я в луг,
		той голодной поры призывник.
И гудели шмели,
		и совсем непонятной тоскою
Разрывал мою душу
		кричащий над лугом кулик.
Моя жизнь такова:
		мать будила меня спозаранок,
И кувшин с молоком
		поднимал на плечо я свое.
Пять до Губкина верст
		вместе с бабами шел я на рынок
И попутно внимал
		их беседам про вдовье житье.
И в осеннюю хлябь
		обивал я приемной пороги,
Где за дверью двойной
		легендарный Кислов заседал.
Он смотрел на мои
		на босые озябшие ноги
И обычно «добро»
		на полтонны угля мне давал.
А зимой под метель
		при чадящем огне керосинки

На остывшей уже
и чуть греющей русской печи
Об отце о живом
рисовал я с любовью картинки
И стихи наизусть
про счастливое детство учил.

А Я КУПЛЮ ВЕЛОСИПЕД

Пускай твердят:
" Спасенья нет!"
Что мир - в греховной бездне.
А я куплю велосипед
И буду ездить.
И будут мне все беды - нуль.
И прочь уйдут печали.
Сиди себе, держись за руль,
Крути педали.
То меж хлебов, то меж цветов
То полем, а то лугом,
Средь хора птичьих голосов
Я - с моим другом.
Шмыгнет ли суслик меж колес,
Вспорхнет ли куропатка,
Душе томительно до слез
И сердцу - сладко.
И что гроза, и что мне зной -
Качу себе - кочую.
И, может, где-то под скирдой
Я заночую.
И буду счастлив я вполне
Дождаться ночи поздней
И долго, лежа на спине,
Смотреть на звезды.
А если очень повезет,
То в метре или ближе
Звезда, сгорая, упадет.
И я увижу.
Так пусть твердят:
"Спасенья нет!"
Что мир - в греховной бездне.
А я куплю велосипед
И буду ездить.

РОЖДЕСТВО ТВОЁ

Рождество Твое, Христе Боже наш,
Благодатью в мир изошло.
И горит звезда - Вифлеемский страж,
Вновь сияет с небес светло.
Путеводный свет я ее ловлю,
И молюсь я впрок - не за страх.
Все рулю к Тебе да не вырулю -
Во грехах опять, как в репьях.
И пускай всех ждет Суд карающий-
Всяк покается в меру сил.
Ты ж простишь их всех. Всепрощающий!
Почему ж меня не простил?
Рождество твое, Христе Боже мой,
Вновь спасение мне сулит.
Ничего, что жизнь подытожена,
Вифлеемский свет все же горит.

НЕ ВСПОМИНАЙ

Сестре Любе

Не вспоминай!
Хоть и снятся порой
Сны первородные,
Незачем нам возвращаться с тобой
В детство голодное!

Разве что будет там ждать нас сверчок
В хате за печкою,
Да во дворе пес соседский Волчок
Брякать колечками.

Да в огороде – уставшая мать
С верной лопатою,
Не переставшая ждать всё и ждать
Мужа-солдата.

Да по «низам» - всё ключи, родники,
Копанок линии…
А по полям – васильки, васильки
Синие-синие!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Первым председателем Лебедянского сельсовета после войны стал Роман Гаврилович Золотухин. Он прошёл всю войну, участвовал во многих боевых операциях. Вернувшись в родное село, возглавил сельский Совет депутатов трудящихся, на территории которого располагалось пять небольших колхозов. Колхозы были страшно бедные, как и сами колхозники, которые уже на ветру качались от голода и непосильной работы. Налоги тоже были непосильными, почти всё, что давало колхознику его личное подсобное хозяйство, государство забирало в счет налога.

Кроме того, существовала такая добровольно-принудительная форма выколачивания последних копеек у населения, как государственный займ. И вот – картина. Приходит, скажем, в сельсовет колхозница, чтобы получить денежное пособие за погибшего на войне мужа, за её юбку держатся двое, а то и трое сопливых и босоногих, а в конторе рядом с кассиром - уполномоченный из района, следит, как идёт подписка на заём. Тут же и сам Роман Гаврилович, начинает увещевать пришедшую – то по-доброму, то строго:

- Подпишись!

Женщина уже плачет. Как последний аргумент – указывает на стоящего рядом старшенького:

-Ему же в школу, зима придет, совершенно не в чем будет ходить, неужто школу бросать!

Уполномоченный сидит, набычившись, не один мускул не дрогнет в лице. Его в райкоме строго напутствовали добиться выполнения плана по займу. Внутри председателя сельсовета борются два чувства – жалость к бабе с детьми и желание сохранить лицо руководителя в глазах районного начальства. Наконец, он отводит женщину в сторону и тихо шепчет:

Подпишись, а я завтра скажу, чтобы тебе отпустили немного зерна, мучицы смелешь…

Я нисколько не преувеличиваю в том, что кто-то мог пропустить год учёбы в школе по причине отсутствия одежды или обуви. Помню, как однажды дрались долго и жестоко в отсутствие матери два моих старших двоюродных брата за право надеть какую-то разбитую обувь в холодный и сырой осенний день, чтобы пойти бегать. Победил больший, разбив в кровь нос меньшего и сам заработав при этом синяк под глазом. Их отец погиб на войне.

Но вернусь к Роману Гавриловичу. При всей нужде и забитости населения Лебедей, при жесточайшей политике советского государства в отношении колхозника, которую оно проводило через своих представителей на селе, то есть через сельские Советы, оно, это население, хоть и слало проклятия, по обыкновению на голову начальства вообще и на наиболее ретивых в частности, к Роману Гавриловичу относилось как бы с пониманием его непростой миссии. Не вдаваясь в анализ принципов, на

которых тот строил свои отношения с односельчанами, приведу один лишь случай. Как-то нагрянул в село очередной уполномоченный из города в сопровождении милиционера. Это было время, когда за одну лишь украденную горсть зерна колхозник мог «загреметь» на 10 лет в тюрьму. Сажали даже за унесённые с поля колоски. И вот представители районной власти, а с ними и председатель сельсовета, сидя в конце дня на колхозном дворе, ожидали с поля колхозников. А те в это время дружной толпой шли уже, видные, как на ладони, по склону в направлении двора, не подозревая, какой «сюрприз» их там ожидает. Вдруг под стеной стоявшей на колхозном дворе конюшни на виду у идущих вырос человек – Ёриком звали – и стал отчаянно жестикулировать и делать руками какие-то знаки. Понятливые были бабы – тут же кто карманы свои стал на ходу выворачивать, кто пояс ослаблять – потекло украденное и драгоценное зерно прямо в дорожную пыль да в траву…

Догадывались потом селяне, кто мог послать Ёрика за конюшню, но вслух особенно не распространялись.

В 1950 году все колхозы Лебедянского сельсовета объединили в один под названием «Революционный путь». Роман Гаврилович стал его председателем и оставался на этом посту вплоть до 1956 года, то есть до начала сноса самих Лебедей.

МОТЯ

Жила в нашей деревне Степкина Мотька, так все ее звали. Красивая была. Вообще–то лебедянские девчата всегда славились в округе своей красотой, и не только ею, но и каким–то особым внутренним настроем, позволяющим им быть большими искусницами каждая в своем рукоделии, гордо и независимо держаться с парнями, а если случалось выйти в круг, то отбить такую дробь-чечетку, так спеть ими же сочиненную частушку, что все это надолго потом западало в душу, ложилось на сердце:

Сербияночку плясать
Мама не велела –
Она, родимая моя,
Ботиночки жалела...

Мотя жила с отцом и двумя старшими сестрами по соседству с нами в небольшой хате с земляным полом Матери у них не было. У самой старшей сестры Нюрки был еще сын Виктор, мой ровесник. Жили они бедно. Дед Степка, сколько его помню, летом пас деревенских коров, а зимой сучил из конопли тонкие длинные веревки, из которых плел потом тюни, своего рода веревочные лапти. Помню также, что он постоянно чертыхался и ругал своих дочерей. Нам с Витькой тоже от него доставалось – чаще всего за то, что мы, снуя постоянно из хаты на улицу и обратно в хату, напускали в нее зимой холод, а летом – мух.

Красоту Моти я – в силу своего возраста – никак не воспринимал, хотя и слушал часто о ней разговоры старших. Но и моя детская память сохранила ее стройную, гибкую как лозина, фигурку, черные, часто заплетенные в две школьные косички волосы, черные глаза и брови на смуглом лице, темную мушку над верхней губой. Говорили, что в роду у нее был кто–то из цыган. И вот судьбе было угодно, чтобы я, ребенок, принял пусть какое–никакое, но участие в некоторых ее романтических историях.

Первая случилась, когда Моте пришло время дружить с парнями. Из тех, кто стал на нее заглядываться, выбор ее пал, видимо, на Романина Ванюшку – парня, по рассуждениям взрослых, умного, скромного и очень смирного. Я часто видел их воркующими возле нашего дома и, должно быть, порядком мешал им своими постоянными просьбами покружить меня. Но я не знал, что у этой нравившейся мне пары была гораздо более серьезная помеха, чем я. Этой помехой был Шурка Микишов, мой двоюродный брат. Шурка жил на хуторе, ходил с ватагой ребят, играл на балалайке и любил подраться. Он не раз грозился побить Ванюшку, чтобы отлучить ее от Моти, которая Шурке тоже нравилась.

Однажды я проснулся от громкого стука в дверь и шуркиного крика:

– Откройте, я знаю, что они в доме!

Ему отвечала из–за двери, как можно спокойнее, моя мать:

– Шурка, побойся Бога! Ты разбудишь и напугаешь детей. Уходи, говорят тебе, что их здесь нет!

Шурка продолжал колотить, а в это время моя бабушка прятала нашу знакомую парочку. Она впустила их в смежную комнатку, плотно прикрыла за ними дверь и придвинула к ней мою кроватку вместе со мной, что должно было означать, что дверь забита наглухо. И вовремя. От сильного стука запирающая наружную дверь щеколда вышла из пазов, и разгоряченный Шурка влетел в комнату.

– Где они? Я видел, как они заскочили сюда!

Не знаю, слезы ли бабушки и ее причитания о том, как она качала его когда-то в люльке и носила на руках, мое ли испуганное выражение или еще что другое возымело свое действие, только Шурка, вдруг как-то криво и словно через силу улыбнувшись мне, выскочил от нас и увел свою ватагу. Последнее, что я услышал с улицы, это резкий хлопок, будто переломили сухую палку, и сразу же другой звук – тонкий и томительно-щемящий – порванной струны... А наутро из разговоров взрослых о вчерашнем происшествии я узнал, что Шурка разбил вчера об угол нашего дома свою балалайку, ценность по тем временам немалую.

Прошло несколько лет, я уже ходил в школу в третий или четвертый класс. С кем и как дружила все это время Мотя, меня совершенно не касалось и не интересовало, у нас с Витькой были свои интересы. Но чужие парни бывали у них очень часто. Иногда, особенно зимой на святки, их вместе с девчатами набивалась полная хата. Среди них нам с Витькой больше всех нравился Колька по прозвищу Попугай. Он постоянно всех смешил, знал много всяких рассказов и баек и, по–моему, даже сочинял их на ходу. От взрослых я знал, что Попугай ухаживает за Мотей и что ей он тоже нравится. Собираясь в Степкиной хате, парни и девчата, как умели, веселились, играли в игры. Игры были разные, но чаще всего всеми приветствовалась «Бутылочка» и «Я садовником родился», в которых по ходу игры отдельным парам полагалось выходить из хаты в темные сенцы, целоваться там и снова возвращаться. Обычно вечера такие начинались несколько скованно, потом ребята постепенно смелели, начинали обнимать и лапать девушек. Те взвизгивали то ли от неожиданности, то ли от удовольствия, но некоторые отвечали пощечинами. Последних в деревне называли «строгими», к ним относилась и Мотя. Именно это обстоятельство поимело определенное влияние на дальнейшую Мотину судьбу.

Началось все с того, что моя мать, женщина очень строгих правил, взялась опекать свою молодую соседку, опасаясь, что та, будучи без матери, может пойти «по плохому пути». Мотя стала у нас есть и даже ночевать, делилась с матерью всеми уличными подробностями, слушалась ее советов и наставлений, как вести себя с ребятами. Матери, например, не нравился Колька Попугай, она считала его слишком ветреным и легкомысленным. В ту пору познакомился с Мотей и влюбился в нее еще один, сретенский парень – Паша Кривошеев. Вот он, по мнению моей матери, был стоящий жених! Паша уже отслужил армию и учился в институте – «на инженера»! – в Харькове.

Не всякая родная мать так оберегает свою дочь для потенциального своего любимого зятя, как берегла моя мама Мотю для Паши. Выйти замуж за инженера!.. В то время для многих лебедянцев это звучало примерно так же, как сегодня, скажем, «выйти за олигарха», и хоть, может, не так круто, зато благородней. Мама контролировала каждый Мотин шаг, запрещая ей встречаться с другими ребятами, и прилагала немало усилий, чтобы отвадить от нее очередных ухажеров. Собственно говоря, переселение Моти к нам как раз и было в ряду этих усилий. Пашу, моя мама уважала. За ум и начитанность, манеру поведения, умение петь и плясать, но, прежде всего – за его любовь к почти неграмотной Моте. Пашина мать, приходившая однажды из Сретенки в Лебеди, чтобы посмотреть на свою возможную будущую невестку, и познакомившаяся с моей матерью, жаловалась ей на своего сына:

– Ну куда это годится, не кажет – не кажет глаз с этой учебой, а заявится – тут же исчезает! Иногда даже домой не зайдет, с поезда и – через луг в ваши Лебеди.

И вправду, помню, проснулся я ночью от неясной суматохи в доме Оказалось, приехал Паша и шел прямо с вокзала через разлившийся Осколец и залитый весенним половодьем луг, местами – по пояс в ледяной воде. А утром, пока гость еще спал, мама старательно учила Мотю, как правильно гладить мужские брюки. Лебедянские ребята не раз пытались побить Пашу, но он не давался и, как я слышал, хорошо умел драться сам. Я хотел быть таким же, как он, «умным», и всякий раз, когда он бывал у нас, старался попасться ему на глаза с книжкой в руках. Он всегда в таких случаях спрашивал, что я читаю, и обязательно хвалил меня. Между прочим, мое трех – или четырехклассное тогда образование оказалось тоже востребованным в любовном диалоге Моти с Пашей, и вот каким образом: я был привлечен Мотей расставлять совершенно отсутствующие в ее письмах знаки препинания. Я, конечно, очень старался и кое-где – по своему разумению – ставил даже восклицательные! В своих письмах Мотя часто упоминала, что она неграмотная, и что он, то есть Паша, найдет себе в Харькове образованную, а ее оставит.

И вот – свершилось! – Паша посватал Мотю. Посватал неожиданно, – в один из очередных приездов между сессиями пришел в Лебеди с родителями. После завершения обряда сватовства и очень скромного ужина родители отбыли восвояси, Паша остался. Встал вопрос, где и как спать. Мама уступала единственную в доме кровать Паше, сама перебиралась к нам с сестрой на печку. Мотя должна была идти в свою хату к сестрам и отцу, но Паша настаивал, чтобы разделить кровать на двоих. Мотя категорически возражала, мотивируя тем, что еще не расписались, о чем-то шепталась с мамой. В конце концов, нашли, видимо, решение: Мотя осталась и спала на одной кровати с Пашей, но–одевшись так, как оделся бы охотник на охоту или рыбак на рыбалку в сырую погоду. Короче говоря, любой «контакт» исключался.

А на следующий день пошли в сельсовет и расписались.

Так закончилась вторая романтическая история в жизни Моти, история, которой я был не только непосредственным свидетелем, но, в некотором роде, участником. К сожалению, продолжение ее было гораздо более прозаическим, как это и бывает чаще всего в жизни. Случилось так, что то ли Паша и вправду нашел себе более образованную, то ли Мотя стала изменять Паше, пока тот учился, в чем они взаимно обвиняли друг друга, но через в общем–то недолгое время они разошлись. На руках у Моти осталась дочь. После Мотя вышла за Кольку Попугая, и так жили, родив себе еще сына и дочь. А Паша уехал, кажется, в Кривой Рог и работал там впоследствии начальником крупной шахты. Теперь уже нет ни Паши, ни Кольки Попугая. А Мотя живет в Губкине, года два назад случайно встретил ее. После первых восклицаний (она не сразу узнала меня) заговорила о моей маме. Сожалела, что никто вовремя не сообщил о ее смерти, а то бы она обязательно пришла. Чуть посетовала на свою жизнь, немного расспросила о моей. Снова перевела разговор на мою маму.

– Она же хотела мне добра, – сказала, как будто подвела итог чему-то своему, наболевшему.

И трудно было понять, то ли она благодарила маму за это, то ли извиняла, что та когда-то попыталась вмешаться в предназначенное, видимо, Моте судьбой.

2003г.

ЛИЛИТ

«Что предание говорит?
Прежде Евы была Лилит.
Прежде Евы Лилит была,
Та, что яблока не рвала.
Не женой была, не женой,
Стороной прошла, стороной.
Улыбнулась из тростника
И пропала на все века»
В.Шефнер

И у меня была своя Лилит. Та девочка жила где-то в самом конце нашей длинной деревни, и я раньше никогда её не видел. А тут (мне уже исполнилось 15) пришлось в конце лета вывозить с колхозного тока зерно на элеватор. Возили в город Старый Оскол. На серьёзные работы в колхозе мы ещё не годились, но ездить сопровождающими в открытом кузове бортовой машины на ворохе зерна и выгребать потом лопатами то, что не высыпалось из кузова при разгрузке, - это было именно для нас. Ездили по одному-два человеку на машину, ездили и ночью. В один из рейсов мы оказались с ней в одном кузове. Потом мы с ней всё время попадали на разные машины. Предпринять что-либо, чтобы оказаться хотя бы ещё раз рядом с нею, я не сумел из-за своей стеснительности. Она была немного старше меня, за такими уже ухаживали совсем взрослые ребята.

Следующие два-три года, учась в чужом городе, я жил лишь воспоминаниями о ней да тщетными попытками удержать в памяти её образ. Только изредка нет-нет, да и всплывёт вдруг неожиданно, подарив неизъяснимое наслаждение, и тут же исчезнет. Сидя на лекциях, я бесконечно рисовал один и тот же придуманный мной тайный иероглиф, состоящий из букв её имени. И однажды (видимо, чтобы дать какой-то выход копившемуся душевному напряжению), уединившись, я впервые решил произнести – сначала, правда, про себя, а потом вслух: «Я люблю тебя!». И было так непривычно, странно и сладко произносить эту фразу и слышать её от себя же.

Всего два раза видел я её потом. Так, однажды увидел я, как далеко за нашей деревней движется какая-то фигура. Было не разобрать мужчина то или женщина, приближается она или удаляется, только какое-то десятое чувство подсказало, что это она. Я долго стоял посреди дороги, ожидая её приближения, а когда она поравнялась со мной, я, делавший до этого вид, что рассматриваю что-то на дороге, повернулся в её сторону и сказал: «Здравствуй!». Она немножко удивлённо (так мне показалось) ответила ласково: «Здравствуй!» и прошла мимо. Как моё сердце не выскочило из груди тогда, не знаю.

И ещё раз увидел я её, с полгода спустя, когда сошёл однажды с поезда на станции «Гумны» и вдруг далеко впереди, в толпе тоже сошедшего с поезда и уже идущего вверх по «крепостной» горе народа различил, точнее, угадал, её. Совершенно запыхавшись от быстрого шага в гору, но больше – от волнения, я нагнал её и затем, чуть замедлив шаг, сказал только: «Здравствуй!» и, обогнав, ушёл вперёд, боясь даже оглянуться.

Вот и всё. А впрочем, нет, не всё. Была потом ещё одна встреча – может, лучше бы её не было? Хотя и за неё я благодарен судьбе. А было так. Шли годы, я долго не женился. Не хочу сказать, что причиной тому была та девочка, хотя…сердце оно ведь как? – других в себя хоть и впускало, но постоянно, видимо, примеряло на тот единственный и ускользающий образ.

Однажды, вернувшись из дальних мест, встретил я, гуляя по городу, свою бывшую одноклассницу. В школе мы симпатизировали друг другу (в ней тоже было что-то от того образа), с тех пор не виделись. В этот раз мы долго ходили с ней по городу, вспоминали детство, свои родные Лебеди.

- Слушай, - сказала вдруг она мне, - здесь недалеко живёт моя тётушка, зайдём? Мы её не стесним, она мне как подруга, всего лишь на два года старше меня. Она сейчас одна, с мужем разошлась, а дети в лагере.

Своим ключом она открыла дверь однокомнатной квартиры и, когда мы вошли, скрылась за другой дверью. Вернулась смущённая:

- Тётушка не одна, и они ещё не встали. Но всё равно заходи, она хочет познакомиться.

Я зашёл. На неширокой кровати лежал мужчина и спокойно курил папиросу, рядом, прикрытая по грудь одеялом, лежала …ОНА! Не та, конечно, девочка, но – она. Она что-то у меня спрашивала, я что-то невпопад отвечал. Через недолгое время, отправив нас на кухню, они быстро собрались и, попрощавшись с нами, ушли. Похоже, они торопились оставить нас одних.

Несколько лет назад её не стало…

Не женой была, не женой,
Стороной прошла, стороной.

2010г.

* * *

Это было давно,
Лет 15 мне было.
Лет 15 мне было,
Как давно это было!
...Я почти засыпал.
Вдруг я звуки услышал,
Я услышал вдруг звуки,
Будто воздух дрожал.
Но, похоже, что песня
До меня доносилась.
Кто-то очень далекий
В этой песне рыдал.
И мне стало казаться,
Будто я растворяюсь,
Растворяюсь в той песне,
Или - песня во мне?
И я тихо заплакал.
Я заплакал так тихо,
Что уснул, не заметив,
Что я плачу во сне.
Я, наверно, теперь
Это все понимаю,
С прошлым проще и легче
В согласии жить.
Но не знал я в то время,
Что пришло мое время,
Видно, время пришло
Мне кого-то любить.

ВТОРАЯ МАТЬ БРАТЬЕВ НОЗДРАЧЕВЫХ

Обычно говорят так: если у ребенка есть мать и нет отца, то этот ребенок – полусирота, если же с отцом, но без матери, то – круглый сирота.

Когда в семье Ноздрачевых, что звались по двору Лаврентьихины, у главы семейства Владимира Федоровича умерла в 1939 году жена, без матери остались четверо ребят. Старший Федор был, правда, уже взрослым парнем, ждал через год призыва в армию, но что было делать отцу с остальными? Особенно с младшеньким, Виталием, который лежал еще под потолком в люльке и разрывал сердце жалобным плачем. Да и двум средним братьям – 10-лётнему Ивану и 13-летнему Василию – еще ой как нужны были материнские уход и ласка.

Оставшись без хозяйки и жены, Владимир Федорович совсем как-то потерялся от горя. Мужик он был хозяйственный, голову на плечах имел и, даже будучи совершенно неграмотным, исправно вел домашнее хозяйство. Но, только овдовев, он понял, что значила в его жизни жена, его покойная Анна Ивановна. Не привыкший жаловаться и расплескивать свое горе по соседям, Владимир все же иногда не удерживался, чтобы не поделиться с односельчанами.

– А что мои-то пострелы, Ванька да Васька, вчера учудили, – говорил он, к примеру, кому-нибудь. – Прихожу с работы, а они сидят на печи, в игры свои играют, а к люльке меньшого веревку привязали и дергают за нее с печи, вроде как, значит, качают. А тот раскрылся, замерз, уже и кричать перестал.

Слушатели сочувственно вздыхали и советовали побыстрее найти себе жену, а ребятам мать. Да ведь непростое это дело, чтобы одновременно – и жена, и хорошая мать при неродных детях.

Приводил Владимир уже одну из соседней деревни Стретенки, да только та и трех месяцев не прожила, ушла: детей много, еды мало.

И все же нашел отец вторую мать детям. В Лукьяновке, ее звали Евдокия Тарасовна, и была она невысокая, хрупкая на вид, но, как о ней говорили в селе – жилистая. Она сразу заполнила всю пустоту в доме, образовавшуюся после смерти первой хозяйки. Объектом ее внимания номер один стала, конечно же, люлька с ее «постояльцем», который к тому времени уже совсем обессилел. Ощутили материнскую заботу и другие братья, почувствовала также руку хозяйки скотина во дворе. Заблестела в доме посуда, затрепалось на ветру во дворе постиранное бельишко, а дым из трубы над крышей хаты стал виться чаще и как будто даже веселее,

Евдокия Тарасовна вошла в новую семью не одна, а с сыном Петей, сверстником Ивана. Ни разу не выделила она родного перед неродными, просто – был один сын, стало пять. И еще была рабе та, очень много работы. Нет нужды описывать здесь жизнь крестьянина советского образца 30-50-х годов под названием «колхозник», одним она еще хорошо известна, другие могут справиться о ней в учебниках по истории, где описывается жизнь крестьян в крепостной России. Семья Ноздрачевых не была исключением.

Работали за трудодни, на которые потом почти ничего не давали, Основным источником пропитания являлся огород. Евдокия Тарасовна, кроме работы по дому, на огороде и в колхозе, вязала, пряла, ткала на ткацком станке холсты, шила из них ребятами обновы. В воскресный день она, подоив утром корову, отправлялась с молоком пешком (больше 20 километров!) в Старый Оскол и, продав там, на рынке молоко и купив на вырученные деньги хлеба, возвращалась к обеду домой, чтобы накормить детей и мужа.

Ребята, как могли, помогали. Летом они пасли гусей, рвали траву для домашней живности, сторожили от коршунов цыплят, делали и сушили из навоза кизяки, носили в ведрах на коромыслах воду, толкли в ступе зерно, пропалывали огород и делали много чего другого, что было по их силам, а то и не по силам. Когда Василию исполнилось 14 лет, отец определил его пасти вместе с собою коров. В сороковом старшего брата Федора забрали в армию, служил во флоте, в сорок втором погиб. В том же году ушел на войну отец. Осталась Евдокия Тарасовна одна с пятерыми (к тому времени у ребят была уже сестричка Нина). Совсем туго стало – холодно, голодно. Зимой забивались на большую русскую печку. Чтобы ее протопить хотя бы раз утром, ходили на болото, рубили хворост или же собирали по полю торчащие из-под снега будылки от подсолнечника. Но за день и ночь печь полностью остывала, и вода в ведрах, стоящих в хате на лавке, покрывалась коркою льда. Ребятам мечталось о лете. Но приходило лето и приносило жару. Вслед за Васькой пошли в пастухи Иван и Петька, а когда Василию исполнилось 17 лет и его тоже взяли на войну, эти двое стали главными помощниками Евдокии Тарасовны в ее усилиях сберечь всех детей, о чем постоянно просил муж в письмах с фронта. Но разве в воле человека то, что предначертано, может быть, свыше!

...В тот летний день Иван и Петька пасли в поле овец. Набрели на лежавший в траве снаряд, их встречалось тогда много всюду. Петя начал разбирать головку, намереваясь извлечь порох. Раздался резкий хлопок. Ивану обожгло лицо, Петя упал, схватившись за живот. Работавшие неподалеку в поле бабы повезли ребят на телеге в село. Петя стонал все тише.

– Петь, тебя убило? – спросил Иван,

– Ага, – только и ответил тот.

Не уберегла Евдокия Тарасовна своего самого родного. Растила потом остальных. Сначала одна, а после войны – с мужем. Сын Василий вернулся с войны раньше отца, но – тяжелораненый, и был какое-то время инвалидом первой группы. Однако молодость взяла свое. Работал потом учетчиком в тракторной бригаде, вырос, учась, до главного бухгалтера и долго трудился в этой должности, пользуясь заслуженным авторитетом и уважением односельчан, сначала в колхозе им. XX партсъезда, а когда села Лебеди не стало, – в откормсовхозе «Лебединский».

Выросли, вышли в люди и остальные братья. Иван сразу после войны еще пас коров, но затем поступил на курсы трактористов и работал три года

до армии в колхозе на тракторе. После армии самостоятельно подготовился и сдал экзамены на шофера.

Виталий закончил сначала Старооскольское училище механизации сельского хозяйства, затем заочно Всесоюзный политехнический институт. Долгое время работал главным механиком в Лебединском рудоуправлении, и сейчас еще, будучи на пенсии, продолжает понемногу трудиться там же, передавая опыт молодым.

Нина тоже на пенсии, а Дмитрий, рожденный уже после войны, работает в Губкине шофером. Но нас все же больше интересует судьба неродных детей Евдокии Тарасовны – Василия, Ивана и Виталия. У них давно уже взрослые дети и даже внуки (у Ивана Владимировича их уже шестеро), а у Василия Владимировича даже четверо правнуков имеется. Так что есть кому сегодня в роду Ноздрачевых передать память о существовавшем некогда селе Лебеди, и о чужой женщине, ставшей когда-то второй родной матерью для осиротевших братьев.

Умерла Евдокия Тарасовна в 1988 году, пережив своего мужа на целых 33 года. И никогда при жизни не знала она различия в отношении к себе со стороны уже взрослых родных и неродных детей, как и сама она никогда не делала различия между ними в детстве.

2006г.

НИТИ В ПРОШЛОЕ

Не знаю, нужны ли кому-то сегодня мои отрывочные и, в целом, беспорядочные воспоминания о деревне Лебеди, что была когда-то на месте нынешнего Лебединского карьера? И в ком будят они ответные чувства?.. Ведь давно уже нет ни той деревни, ни доброй половины тех, кто хорошо помнил ее. И я сам уже все чаще говорю себе: «Всё, хватит ворошить…сердце бередить. Но проходит некоторое время и снова какой-нибудь штрих в жизни моего города, какая-нибудь встреча со знакомым, а то и незнакомым человеком вдруг перебросят нити в прошлое, оживят, казалось бы, уже похороненное в памяти. А как не тянуться этим нитям, если и сам этот город, и многие, очень многие его жители – плоть от плоти тех же Лебедей, их, можно сказать, продолжение. (И вообще, думается, будет справедливым считать, что у города Губкина два, как и положено тому быть, родителя: село Коробково, давшее начало шахтам и всему комбинату КМАруда, и мои Лебеди, принесшие себя, так сказать, в жертву, чтобы дать жизнь Лебединскому ГОКу).

Взять хотя бы вот эту встречу мою в институте МГОУ. Работает там Лена Травникова. На вид – вчерашняя школьница, но уже учится в аспирантуре, тонкая, как тростиночка, и очень уважительная. Вижу, многие преподаватели и сотрудники к ней по компьютерным делам обращаются, и я стал обращаться. Мать ее, Людмила Ивановна, знаю,- урожденная Севрюкова, а бабушка Ксения Федоровна была в девичестве Ушакова – довольно распространенная в Лебедях фамилия. И вспомнился мне прадед Лены - Федор Дмитриевич Ушаков, в деревне его «дед Сурков» звали. И груши его вспомнились. Груши даже, может, - первыми, потому что деревня наша была хоть и большая, но садов в ней почти не было. На всю Моздовку и хутор, помню, сад был лишь у Тулиновых, у Копороевых и, кажется, у Захарушкиных. Да в огороде у Романиных стояли две яблони. Так для нанесения этим садам, так сказать, «дружеских визитов», по вечерам в конце лета из ребят чуть постарше настоящие «военные советы» собирались.

А у деда Суркова прямо перед окнами его хаты, в палисаднике, стояло высокое грушевое дерево, и на нем росли очень вкусные груши. Но забраться – нельзя, потому как – перед окнами, и все просматривается. Мы, дети, иногда кидали издали камни, пытаясь сбить хотя бы одну грушу, но всегда выходил дед и молча, укоризненно смотрел на нас. Не помню, чтобы он ругался. Мы уходили. Но однажды мы с Толиком Алинчиковым – лет по шесть-семь нам было – долго наблюдали за его хатой, не покажется ли в окне дед. Решив, что он куда-то ушел, стали кидать палку и сбили две или три груши, но они упали внутрь палисадника. Мы отчаянно стали соображать, как нам их достать, но тут показался дед. Уже мы хотели броситься наутек, но увидели в его руках две большие спелые груши, он протягивал их нам.… Столько лет прошло, а вот – вспомнилось!

У деда Суркова было три сына и младшая, дочь Ксения, Сюней, по-деревенски, звали. Когда нашу территорию заняли немцы, Сюню погнали в

село Истобное рыть для них окопы, а было ей в то время 14 лет. С нею были еще четверо лебедянских девчат: Маруся Бакланова, Нина Топорова, Дуся Топорова и Маруся Прасолова – все в таком же, «боевом», возрасте. Решили: на немцев работать не будем! Спрятали тормозки, что собрали им в дорогу родители, в рожь, а когда выдался момент, побежали опять за ними, чтобы идти потом домой, но там их уже ждал полицай. Забрал тормозки у плачущих (дети ведь!) девчат, пригрозил кнутом и погнал опять на окопы. Но на следующий день сбежали-таки отчаянные девушки. Так и шли потом пешком от Истобного до Лебедей. Сюня еще от хутора увидела стоящего на дороге отца, он смотрел на шлях и ждал.

- Дочка, я чувствовал, что ты придешь, и наварил галушек… Тебя ведь могли убить… - И заплакал. (У Ксении очень рано умерла мать, но отец так больше и не женился, боясь, что новая жена невзлюбит свою падчерицу).

Вскоре губкинский край от немцев был очищен. Сюня работала после на строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава (за что позже получила медаль), была звеньевой в своем колхозе. Самой молодой звеньевой. Она слыла по селу красавицей. Мне она запомнилась тем, что очень хорошо пела, а еще – длинными косами, которые – если их обвить вокруг головы – превращались в настоящую корону. И несла она себя вместе с короной с таким достоинством… Я вот сейчас пытаюсь найти сравнение и другого не нахожу, чем как у донской казачки Аксиньи из некогда нашумевшего фильма по роману М.Шолохова «Тихий Дон». Аксинью играла в нем ставшая сразу же после фильма знаменитой Быстрицкая. Все газеты с восторгом писали тогда, как упорно тренировалась Быстрицкая перед съемками в ношении на плече коромысел с двумя полными ведрами воды, с тем, чтобы выработать нужную, как у героини, осанку и походку. Думается, моей Ксении для этого и тренироваться не понадобилось бы, окажись она на месте актрисы.

По селу бабы судачили: кому-то достанется Сюня Суркова. Ведь ей писал тогда письма и собирался на ней жениться самый видный жених во всей округе Алешка Сузиков. Он уже оканчивал институт и находился на практике в Чехословакии. А досталась она Ивану Дмитриевичу Севрюкову из села Истобное. Он появился в Лебедях, когда – недолго после войны, в начале пятидесятых – там расположилась геологическая партия от Курской экспедиции. Началось осушение под будущий Лебединский карьер: бурили скважины, откачивали воду. Сюня устроилась в партию коллектором – производила замеры, документировала скважины. Там-то ее и присмотрел старший механик по компрессорным установкам Иван Севрюков.

Если уж я взялся сравнивать моих героев с артистами, то скажу, что Ивана Дмитриевича я сейчас сравнил бы с Василием Шукшиным в фильме «Рябина красная». Такой же был красивый, такой же хлесткий и плечистый, резкий и порывистый в движениях и по характеру. Пиджак обычно носил небрежно наброшенным на плечи. Когда как-то раз, зайдя в

«коллекторскую», увидел, как Сюня читает очередное письмо от Алешки Сузикова, коротко обронил:

- Читай, читай, все это – до поры до времени.

И точно, прошло немного времени и они поженились. Не судьба была, значит, с Алёшкой-то.

А у Сюни с Иваном родились двое, чем, так сказать, пополнили далеко к тому времени ещё не густое «народонаселение» нарождавшегося города Губкина.

А у тех пошли свои дети: Сергей Травников – ныне командир отделения военизированной горноспасательной части и его сестра Лена, с которой мы и начали наш рассказ. Только она уже не Травникова, а Ермолаева: вышла недавно замуж. Дениса Ермолаева я тоже знаю, он работает на кафедре информационных технологий, год назад стал победителем 8-го Всероссийского конкурса развития народного хозяйства.

Смотрю на этих ребят и думаю: а, что ни говори, везёт городу Губкину на молодежь. Сколько их у нас таких вот севрюковых, травниковых, ермолаевых…. Ну а так как всё взрослое население получается из молодых, то, значит, и вообще – хороший, в целом, на губкинской земле народ.

2008г.

«Берег надежд моих…»

РЕБЯТА С «КОННОГО ДВОРА»

Мы, давние губкинцы, любим, беседуя с «недавними», при случае, всякий раз подчеркнуть, что, мол, и нынешнее музыкальное училище, и расположенные рядом магазин, аптека, другие помещения – все это, дескать, бывшие конюшни жившего здесь когда-то помещика Коробкова, и что именно отсюда, от этих вот конюшен и барского дома территориально начинался город Губкин. Что, наконец, в конюшнях этих, начиная с 1920-х годов, в разное время размещались поссовет поселка «Шахты КМА», клуб, общежитие для первых рабочих, медпункт, больница, другие учреждения. И даже – во время войны – военно-полевой госпиталь. Короче говоря, это был в свое время не только в полном смысле культурный и деловой центр нарождающегося города Губкина, а и его своего рода кремль.

Здесь мне хочется хотя бы вкратце поведать о тех, кто жил в этом «кремле», точнее, на конном дворе, как все называли тогда, а старожилы и сейчас называют, то место. О тех, чье детство как раз попало на годы детства нашего города – конец 30-х – начало 40-х, до – и послевоенных. Именно этому поколению губкинцев выпало, приняв эстафету от оставшихся в живых после войны отцов и дедов (в основной своей массе – шахтёров-первопроходцев) одними из первых посвятить этому городу все знание и умение, силы и здоровье. Теперь они пенсионеры, хотя кто-то еще продолжает трудиться, а кого-то нет уже совсем. Их и так была буквально горстка, этих «кремлевцев» - «коннодворцев», составлявших на то время едва ли не костяк всего подрастающего населения поселка, первых коренных губкинцев.

Это братья Кривоносовы – Толюша и Шурила (настолько мастеровитые еще с детства, что когда у тогдашнего директора «КМАстроя» В. М. Кислова появилась первая и единственная тогда на всю округу легковая машина (до того ездил на телеге, покрытой обыкновенным ватным матрацем), то старший из братьев, Толюша, стал незаменимым помощником его шофера.). Это трое братьев Погорельских и трое Лихачевых; это Витька Черных по прозвищу «Винтёр» и Женька Малахов («Мухон», «Великий конструктор»), надумавшие построить подводную лодку после того, как у поселка появился первый пруд (тот, что чистят сегодня). Это Володька Кравец («Туля») и Володька Тимофеев (в шесть лет чуть не утонувший в канаве, отводящей дренажную воду из шахты); это братья Витёк и Геньк Апатенко, а также Сашка Захаров, боявшийся во время войны, что его придут и расстреляют «наши» за то, что он носит куртку, сшитую матерью из мадьярской плащ-накидки; это Васька Панарин («Пекарь», его отец работал в пекарне) и Стас Иванов («Кноц»); это, наконец, Шурила Легонький, лучший бомбардир футбольной команды «Конный двор» (Это его дед был «шофером» – кучером у В.М.Кислова, и когда однажды дед с Кисловым, зайдя пообедать в столовую, оставили лошадь привязанной к забору, внук насажал на телегу ребят и, с кнутом в руках, лихо прокатил до Теплого Колодца и обратно, за что и был потом наказан тем же кнутом. И это про

него потом во время его учебы в институте один профессор скажет, что Легонький уже родился с электротехникой в голове, что, между прочим, и подтвердится во время дальнейшей работы Александра Михайловича на предприятиях КМА). А еще ребята из семей Пановых, Фищуковых, Облогиных, Семеновых, Глазуновых... У большинства отцы не вернулись с войны, бедно, впрочем, жили все. Все они ютились в отдельных комнатках (на которые и были разгорожены бывшие барские конюшни), каждая с печкой - «грубкой» из кирпича, с выходом в общий коридор. Топились чем придется, но когда в поселке появился энергопоезд, чтобы давать электричество, и для него стали разрабатывать в пойме реки Осколец торфяные болота, ребята ходили туда за торфом.

Детство «коннодворцев» мало чем отличалось от детства ребят из окружающих деревень, хотя первые в глазах последних и считались «городскими». Некоторые пасли своих коров или коз. Пасти было где, так как практически сразу же за проходящей рядом с «конным двором» грунтовой дорогой (ныне - улица Комсомольская) начиналось поле, и только там, где сейчас по ул. Победы находится магазин «Автозапчасти», стояла закопченная кузница и тянулся глубокий ров, в нем ребята рыли себе пещеры. Обычно все время хотелось есть, поэтому любимыми занятиями являлись те, что были связаны с добыванием пищи. Ходили на речку Осколец и ловили раков. Там же состязались, кто дольше просидит под водой, дольше всех сидел Васька Пекарь. Если в это же время на речку приходили салтыковские, исход встречи зависел от того, на чьей стороне преимущество в силе - та и переправлялась на «неприятельский» берег, чтобы «залучить» другую. Были встречи и мирного характера, ходили друг к другу играть в футбол. Футбольное поле губкинцев находилось на месте нынешнего «Дома творчества юных губкинцев». У «коннодворцев» заводилой обычно был Сашка Темников. Он организовал из ребят футбольную команду «Конный двор», купили вскладчину футбольный мяч. Мяч, правда, оказался баскетбольным, тяжелым, он быстро почему-то облазил, но его красили черной краской, и он снова становился новым. Еще часто играли «в пристенок » – это когда стараешься так ударить об стену своей монетой, чтобы она упала как можно ближе к монете партнера, и если это расстояние оказывается меньше установленной величины – забираешь его монету себе.

Важным занятием было ходить с рогатками и стрелять воробьев. Их было видимо-невидимо на заросшем пустыре, там, где сейчас почтамт по улице Комсомольской. Здесь признанными снайперами считались Легонький и «Винтёр». Воробьев ели. Ели также (хоть и не все) сусликов, которых ходили ватагою выливать в окрестностях поселка; особенно много их водилось там, где сейчас 2-я обогатительная фабрика. Устраивали также длинные походы в лес за орехами, ягодами, грушами, черемухой. А еще ходили на раскиданные во множестве окрест буровые вышки, чтобы поцыганить у рабочих резиновые «пузыри» (используемые обычно при

взрывах котловых зарядов в скважинах, пройденных в обводненных породах). Обычные надувные шары в поселке тогда еще не продавались. Взамен просимого от ребят чаще всего требовался стандартный «картуз огурцов».

Ребята подрастали, подрастал с ними и поселок. Уже был пруд с купальней и лодочной станцией, открылся пионерский лагерь, привнесший немало нового и интересного в детство юных губкинцев. Быстро росло население поселка за счет приезжающих на шахту рабочих с семьями, их селили в щитовые «финские» домики, которые стали поступать после войны в Губкин по репарации из Германии. Развивалось и собственное строительство. Получили нормальные по тому времени квартиры и все те, кто жил на «конном дворе». (Кроме Лехи - Леонида Федоровича – Лихачева. Оставшись по жизни холостяком и проявляя удивительное равнодушие, к какому бы-то ни было комфорту, он чуть ли не до выхода на пенсию не покидал родного гнезда, сохраняя в нем практически все так же, как и было почти полвека назад. И любой из бывших «коннодворцев», жил ли он тоже в Губкине или приезжал на побывку в родные места, был ли он уже высоким начальником или таким же шахтером, как и старый хозяин еще более старой квартиры, каждый мог прийти в эту квартиру и разом окунуться в детство).

Быстро растворились в общей и к тому времени уже многолюдной массе молодых губкинцев вчерашние ребята – «коннодворцы». А по окончании школы и вообще стали терять друг друга из вида. Некоторые потом по воле судьбы осели в чужих краях, большинство же творили судьбу свою и своего родного города на стройках КМА. Из них выходили отличные шахтеры-проходчики (братья Лихачевы), токари и сварщики (В.Кравец, В.Панарин), инженеры и конструкторы (братья Кривоносовы, Е. Малахов, В. Тимофеев), ученые (кандидаты наук, еще и сегодня преподающие в Губкинском институте МГОУ, А.Захаров, К. Погорельский), руководители крупных предприятий (В.Апатенко, А. Легонький, В. Черных). А об Александре Михайловиче Легоньком, долгое время проработавшем генеральным директором завода КМАрудоремонт, один высокопоставленный чиновник так сказал однажды: «Все, что в 60-е – 70-е годы вертелось и крутилось на предприятиях КМА, все прошло через руки и голову Легонького».

Именно этой фразой мне хотелось бы закончить свой рассказ о ребятах «коннодворцах», о самых первых коренных губкинцах, живших когда-то в большой коммунальной квартире под названием «Конный двор», квартире, практически давшей начало городу Губкину. Ведь и сейчас в беседах старшего поколения губкинцев, если кому-то надо подчеркнуть глубину корней в чьей-то губкинской родословной, можно услышать фразу, как бы разом отсекающую все возражения: «Он жил на «конном дворе».

2009г.

ЭКСКАВАТОРЩИКИ

Говорят, каждое время рождает своих героев, и это правда. Взять хотя бы наш город. Еще до его рождения, когда вокруг села Лебеди, да и в соседних деревнях, взметнулись по полям, садам и огородам буровые вышки, кто стал ходить в героях у населения этого края? Буровики, конечно. О них говорили, писали в газетах, а за результатами их работы следили в Москве.

Но вот самый удивительный период трудовой летописи КМА – открытая добыча железной руды. Удивительный как небывалым подъемом, царившим среди приехавших тогда на губкинскую землю со всех концов страны молодых в большинстве своем людей, так и невиданным дотоле размахом развернувшихся горных работ на месте теперь уже бывших Лебедей. И теперь, естественно, главное слово надлежало сказать экскаваторщикам, и они сказали его.

Первые, с опытом уже, экскаваторщики прибывали с Урала, из Башкирии, Кривого Рога, с Волжской ГЭС, других бывших строек страны. Они показывали высокий класс работы и передавали свой опыт молодым. Соревнующиеся между собой бригады экскаваторщиков брали, казалось бы, немыслимые обязательства по объемам вскрыши, а потом перевыполняли их. Имена как учителей, так и их учеников Евеца и Ермоленко, Петрова и Волкова, Кузьмина и Глынина, Павлова и Сотниченко, Черняка и Старикова и многих других были на слуху не только у губкинцев, но и у всей страны. Конечно, со временем на смену первым приходили другие, приходят и сейчас, но я сегодня – о первых. О тех, кто приехал на губкинскую землю, когда на месте нынешнего Лебединского карьера была лишь деревня с красивым названием Лебеди да вокруг чистое поле. Когда из-за почти полного отсутствия жилья приходилось размещаться в окрестных селах в хатах без элементарных бытовых удобств (не было часто даже возможности обогреться и обсушиться). Когда приходилось до работы несколько километров добираться пешком или на попутном транспорте, а в карьере – грязь по колено, экскаваторы тонут в обводненных породах, отвалы плывут вместе с экскаваторами...

Тех, первых, осталось, уже немного. Но они живут еще рядом с нами, ходят по губкинским улицам, при встрече могут поделиться воспоминаниями. Недавно я познакомился с двумя – они прибыли когда-то в числе самых первых на строительство Лебединского рудника, объявленного Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, – Н.А. Ковальчуком и В.Е. Холоповым. Это их трудом, в числе других, писалась славная история моего города. Так кто же были они?

Правильный выбор

(монолог Наколая Алексеевича Ковальчука)

Город наш... Такого другого в России нет! Я желаю Губкину, чтобы он и дальше держал свою марку, я им горжусь, я им живу... А ведь как жили тогда! Я стоял на квартире в Лебедях у Семыкиных, возле церкви. Пол

земляной, спали на полу, солому подстилали – и спали. Какое тут может быть здоровье! А люди тут бедно жили, страшно бедно.

Когда я уже здесь работал, бывший тогда начальник рудника К.Н. Кушнеренко все спрашивал меня: «Коля, не пойму, почему ты Москву на Губкин поменял? У тебя же там было все – хорошая работа, московская прописка. Все в Москву рвутся, а ты?..». Я говорил: «Но ведь кто-то же должен был сюда ехать и осваивать! Вот я и поехал».

Между прочим, кто со мной вместе сюда тоже приехал, уехали назад. А я остался, потому что я десантник, а десантники не сдаются. И тем, кто приезжал потом по комсомольским путевкам, – а ничего, же не было: ни жилья, ни кино, ни даже бани! – я говорил: «Ребята, у нас, будет красивейший город, у нас будет даже институт, у нас все будет!». И многие оставались. Многие уезжали, а многие оставались. Я был в штабе Всесоюзной ударной комсомольской стройки и многих наставлял, Дубенцов, например, Павел Сергеевич, был у меня помощником. И я не раз ему говорил: «Иди учиться!». Вот, Прасолов еще был, из местных, пришел ко мне «нижником» (тот, кто внизу обслуживает экскаватор - Е.П.), я говорю: «Давай буду тебя учить». Он говорит: «У меня же четыре класса образования, я не знаю, что такое ток, как он идет...». Я говорю: «А тебе и знать не надо. Я научу тебя хорошо работать, обучу технике безопасности». Он у меня год поработал и стал помощником машиниста экскаватора. На втором году говорю: «Я тебя машинистом экскаватора сделаю». Пошел к Р.А. Фиделю, он: «Что?! У него же четыре класса образования!». Я говорю: «А вы знаете, где мы находимся сейчас?». Он: «Где?». Я: «Вот тут хату его снесли, где его деды и прадеды жили, и он не может быть машинистом экскаватора?!». Фидель говорит: «Ну, хорошо, хорошо», – и подписал.

Я, когда приехал, работал на «десятка» (ЭКГ №10), сам монтировал его, а когда создали комсомольско-молодежную бригаду, перешел в эту бригаду…

А город наш – редкий город, и я ему отдал все. Здоровье свое отдал.

И меня все здесь знают. В этот город и мое что-то вложено, я горжусь этим. Тут сын мой, невестка, внучка Олечка... Сват здесь... Тут мой брат похоронен, он на шагающем 14-кубовом работал, две дочки от него остались...

Я здесь на века теперь остался. На века! Тут моя могилка будет.

...И выбор был правильный когда-то сделан. Кто-то же должен был строить Лебединский рудник! Вот такие, как я, и строили. Приехали сюда и остались. Кто-то там знает – не знает... Пусть не знает, зато я знаю! Сын мой знает, что – да, батя здесь работал... Ему за отца не будет стыдно.

«А экскаваторщиков любили!..»

У Василия Егоровича Холопова болит желудок, точнее, оставшаяся от желудка одна треть. Уже 15 лет мается он с ним. Может, поэтому и вид у него, как у человека, чем-то постоянно недовольного. И взгляд немного колючий. Правда, он перенес когда-то операцию на глазах. Случилось это

после того, как однажды грузил он железорудный концентрат экскаватором ЭКГ-4 в железнодорожные вагоны. И вот, когда начал в очередной раз поднимать наполненный ковш, то открылась неожиданно задняя его стенка, и вся масса, что была в ковше (ни много, ни мало 15 тонн) плюхнулась в приямок с водой рядом с экскаватором, хлобыстнула смерчем по стеклам кабины...

Улыбается Василий Егорович редко, и тогда лицо его сразу становится добрым и вроде как чуточку лукавым. При мне улыбнулся один раз – это когда я спросил его, где же в наших губкинских краях он, приезжий, отыскал себе суженую.

– В селе Алтуховка, – последовал ответ. – Люди там были тогда темные... Но экскаваторщиков любили!

Сейчас Василию Егоровичу 75 лет, 37 из которых он живет в нашем Губкине. Впрочем, это давно уже и его город. Приехал он сюда в самом конце 1957 года из Башкирии в аккурат под Новый год. Новогоднюю ночь провел, сидя на лавке в старом еще здании железнодорожного вокзала. Было тепло – в помещении стояла печка, которая топилась дровами и углем. Сидел и сквозь дрему слушал, как распевали всю ночь губкинцы на улицах песни. На утро разыскал своих ребят-земляков, которые приехали чуть раньше осваивать Курскую магнитную аномалию, у них перебился пару недель, затем некоторое время жил на частной квартире в Лебедях, пока не получил место в общежитии.

С работой у Василия Егоровича проблем не было. Уже через неделю после приезда в Губкин он был принят на Лебединский рудник помощником машиниста экскаватора – ЭКГ-4! Таких мощных экскаваторов в бассейне КМА еще не было, они только-только начали поступать на рудник. Василий Егорович вместе с товарищами собирал их.

Работать поначалу было очень трудно, и особенно вспоминается в этом отношении весна 1958 года. Она была дождливой и холодной, на руду тогда еще «не сели», поэтому грязь в карьере была непролазная, спецовок не хватало, ковш экскаватора постоянно забивался, машины буксовали. Экскаваторщики ходили вдоль забоя с лопатами в руках и проделывали канавки для стока воды. План отгрузки горной массы не выполнялся, поэтому прошел слух, что заработную плату рабочим будут начислять лишь в размере 50% от тарифной ставки. В.Е. Холопов был вместе с теми, кто приходил в контору комбината «отстаивать справедливость».

Впрочем, о справедливости Василий Егорович распространяться особо не любит.

«Не было ее и не будет», – говорит он коротко и убежденно. При этом непонятно, имеет ли он в виду справедливость вообще, данную, так сказать, от Бога, или конкретную – от людей, но, скорее всего – и то, и другое вместе, потому что с одинаковой обидой вспоминает он и свое совпавшее с войной детство, когда весь тыл держался лишь на таких пацанах, как он, да бабах, и сам он однажды чуть было не замерз в степи («Спасибо, лошадь, умница,

сама вывела к жилью!»); и то, с каким трудом добивался он уже в Губкине положенную ему с семьей отдельную квартиру («Не давали, потому что «руки» не было!»); и то, как тяжело было терять своего четырехлетнего смертельно заболевшего сына; и то, что не дали ему (по причине отсутствия той же «руки») – после долгих уже лет работы на экскаваторе – направления в институт Эрисмана на обследование на предмет наличия у него виброболезни...

– Веселой жизни не было! – эту фразу мой собеседник повторил раза три за то время, пока мы с ним разговаривали.

Помолчав, добавляет:

– И сейчас – то же, даже еще хуже. Кто о рабочем человеке думает? Все – ложь!

Я слушаю. Потом раскрываю лежащую передо мной на столе папку. В ней – Почетная грамота, выданная В.Е. Холопову еще в 1960 году Белгородским областным комитетом Коммунистической партии «За активное участие в строительстве первой очереди Лебединского рудника». Есть и другие грамоты, на местном, так сказать, уровне.

Говорю:

– Как же! А это? Были, значит, честь и почет вам за вашу работу.

Мой собеседник молча пожимает плечами. Хмурится. Я тоже молчу. Мне вспоминается вдруг фраза: «Можно ли помочь человеку, если он говорит: «Я прожил жизнь – мне не понравилось»? Может, это тот самый случай?

Да нет же! Просто пришел человек и высказал свой взгляд на жизнь. Вообще и на свою, в частности. А его жизнь – она теперь ведь уже все равно стала неотъемлемой частицей жизни моего города.

2004г.

ВЗРЫВНИКИ

Речь, конечно, пойдёт об исполнителях первого взрыва в Лебединском карьере в 1959 году. Взрыв хорошо описан в поэме В.С.Вологи «Первопроходцы» и, помнится, оставил у меня при чтении щемяще-грустное ощущение сожаления о невозвратности тех грандиозных событий, происходивших на моей малой родине.

А ещё почему-то мне тогда запали в память строки:

«Только заботливый Толя Воронин
Взял зажигалку, дохнул на ладони:
- С Богом! – шепнул себе главный взрывник,
Высек огонь…»

Ну да, Воронин. Взрывник номер один. Кажется, так называли его тогда, и уж во всяком случае, под этим номером остался он в памяти ныне живущих его современников. Но почему – «заботливый»? Что имел в виду автор поэмы, называя так взрывника Воронина? Не для красного же словца использовал он этот эпитет!.. Но кто расскажет? О взрывниках ведь пишут мало, а рассказывают еще меньше.

И вот я в квартире у В.И.Ворониной. Вспоминая о муже, Валентина Ильинична подробно и живописно рассказывает, как в тот памятный взрыв пришел он с работы уже заполночь, весь облепленный грязью со снегом, тяжело и не сняв даже сапог, опустился сразу в прихожей на табурет и только лишь выдохнул:

- Ну, слава Богу!

- Очень добрый был, заботливый, - говорит она. - О работе его мало что могу рассказать, но на каждый взрыв провожала как на войну. - Показывает оставшиеся от мужа орден «Знак почета», два знака «Шахтерская слава» двух степеней, другие награды.

Я обращаю внимание на висящую в зале замечательно выполненную огромную, в полстены копию картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», напротив - шишкинскую «Медведи в лесу», другие, незнакомые мне картины. То же – на кухне и в спальне.

-Откуда эта у вас художественная галерея?!

-Все он, - вздыхает Валентина Ильинична. – Золотые руки были! За что ни возьмется. Особенно рисовать любил. Придет, бывало, с работы и, пока я вожусь на кухне с ужином, одной рукой ребенка на коленях держит, а другой – рисует что-нибудь. Половина зарплаты на краски уходила.

-Что ли,- профессиональный художник?

-Профессия у него – ветфельдшер,- улыбается хозяйка. – Но по призванию – да, художник. А работал… и завклубом в своем селе Теплый Колодезь был, и в Курской геофизической экспедиции работал, и в «Мосвзрывпроме»… А как на Лебединский рудник попал, так там и остался.

Валентина Ильинична замолкает, в то время как я смотрю ее семейный альбом и думаю, что бы еще спросить. Но вдруг натыкаюсь на потрепанный

листок бумаги с написанным на нем поздравлением в стихах Воронину от его друзей. Стих довольно длинный, и в нем есть такие строки:

«Воронин стал неоценимым,
Воронин другом стал навек.
Пред силой зла неустрашимый,
Таков он этот человек».

Вот те на, чего же мне ещё надо! Я прощаюсь и иду к В.Т.Богданову, чей адрес мне дала жена Воронина. Если Воронин был взрывник №1, то под номером два уж точно был Богданов! Василий Тимофеевич встретил меня, восседая в инвалидной коляске. Он был совсем без ног, но именно «восседал», настолько веяло от него несокрушимым оптимизмом и даже – мне временами казалось – задором. Сам он родом тоже из местных – село Ивановка. Его послужной список начался в 13 лет (сразу после освобождения нашей территории от немцев) с должности учетчика в своем колхозе. В 1958 году он уже раздатчик ВВ на Лебединском руднике и далее – в одной упряжке с Ворониным.

О первом взрыве говорит скупо, не видя, о чем тут можно много говорить.

- Ну, представьте пятачок зачищенной под взрыв руды. На нем станки ударно-канатного бурения. Осушение карьера еще несовершенное, кругом вода, грязь со снегом. Скважины пробурены, но затоплены водой – взрывчатку сыпать в скважины нельзя. Что делать? Делаем из толи и рубероида цилиндры-патроны, наполняем их взрывчаткой и заливаем разогретым гудроном. Заталкиваем их в скважины деревянными шестами. Нам помогают ребята из подземного, дренажного комплекса…

- И прогреме-ел взры-ыв,- неожиданно громко и врастяжку продекламировал мой собеседник, явно пародируя кого-то из тогдашних многочисленных ораторов и комментаторов тех событий, и лукаво посмотрел на меня….

Перед тем, как мне уйти, Василий Тимофеевич говорит задумчиво:

- Да, много прожито, осталось меньше. – И смотрит туда, где когда-то были его ноги. Желая как бы потрафить своему собеседнику в его положении, я подхватываю:

- А я вот всегда вспоминаю слова одного мудреца, который сказал, что человек, однажды родившись и посмотрев на белый свет, может спокойно умирать, потому что всегда будут то же небо, та же луна, то же солнце.

Василий Тимофеевич бросает на меня пристальный взгляд и вдруг говорит неожиданно громко и решительно:

- Ну, нет! Я помирать не собираюсь! Дембель туда (он показывает пальцем вверх), конечно, неизбежен, но я лучше подожду.

И снова в его словах столько оптимизма, а мне так нравится примененное им для данного случая слово «дембель», что мы оба начинаем громко смеяться.

На обратном пути и некоторое время потом меня не оставляет мысль о двух послевоенных пареньках из двух соседних сел – Теплый Колодезь и Ивановка, - так рано познавших, как не жить на готовом, и навечно вошедших в историю освоения КМА как главные исполнители первого карьерного взрыва.

У Вологи же при встрече потом я только спросил:

- Почему ты назвал в поэме Воронина заботливым? Когда и как ты открыл эту черту его характера, вы же с ним на разных участках работали: ты – машинист электровоза, он – взрывник.

- Зато оба в Морфлоте служили,- улыбнулся Владимир Семенович. А если серьезно, то когда я работал в рудкоме, он часто забегал ко мне в кабинет со всякими просьбами для своей бригады: то землю под огороды получше «застолбить», то санаторную путевку кому-то «пробить», то для чьего-то ребенка место в «садике» выделить. Заботливый, одним словом, был.

ИЗВЕСТНОЕ ДЕЛО…

Никогда не знаешь, что тебя ожидает: сегодня скачешь, как конь, ни о чем таком не думаешь, а завтра, глядь, ты уже на больничной крике...

Нас в палате трое, одного я знаю – Анатолий Яковлевич Ходырев, вместе когда-то работали в НИИКМА. Другой совсем мне не знаком. Когда я появился в палате, он лежал, укрытый до подбородка вытертым байховым одеялом, и смотрел отсутствующим взглядом куда-то мимо меня. Худой, небритый, он показался мне жалким и беспомощным. Познакомившись, узнал, что зовут его Алексей Романович Агафонов, он 1931 года рождения и живет в селе Телешовка Губкинского района.

В больнице – что в поезде: спешить некуда. Мы лежим после ужина на койках, разговор о том, о сем. Прошу Алексея Романовича рассказать немного о себе. Голос моего соседа, несмотря на его исхудавшее и прямо-таки тщедушное после операции тело, звучит низко, басовито:

– Нас в семье было пятеро. Отец, Роман Никанорович, ушел на войну сразу, в сорок первом, а в 43-м умерла мать. Остались мы, три брата – старшие Михаил и Иван да я двенадцати лет, и две сестренки – шесть и два года. Дядьки и тетки у нас были, хотели они нас всех разобрать, только с ними ушло бы и все наше хозяйство – корова, овцы, куры... Мы, братья, решили держаться вместе, Мишка так и сказал: «Дома мы, когда захотели, наварили кулеша и едим, а то – жди, когда тебя позовут». Сестренок отдали тетке, она жила на другом краю села, в двух с половиной километрах. А у той у самой девять душ семья. Через пару месяцев пошел я проведать сестер, а они ухватились за меня: «Мы пойдем домой!» Известное дело...

Рассказчик некоторое время молчит, уйдя в воспоминания, затем продолжает:

– В конце войны отец прислал письмо: «Детки, я нахожусь в госпитале, рана очень тяжелая, может даже, не выживу...» Однако прошло некоторое время, появляется отец на костылях. Мы облепили его, повисли на нем, плачем, и отец плачет. Известное дело...

Голос Алексея Романовича прерывается. В руках у него большая начатая груша, но он совершенно забыл о ней.

– А потом стал отец искать себе жену, а нам мать. Привез одну из соседней деревни. У той дочь была, но осталась с бабкой. Однажды приехала к матери, та ее накормила и в дорогу курицу вареную завернула. А нас даже к столу не пригласила. Старших братьев не было. Я говорю сестрам: «Мы что, хуже ее родной дочери?» И рассказал все отцу. Тот говорит мачехе: «Ты знала, за кого шла? Что их у меня пятеро? Собирайся и уматывайся!» А потом нашел себе другую и жил с ней.

Михаил с Иваном уехали в Харьков, работали на военном заводе, а после и меня с сестрами забрали. Я пять лет токарем поработал и ушел в армию. А когда после службы вернулся на завод, братья потолковали и рассудили: в деревне отец с мачехой старые уже, надо кому-то вести хозяйство. Послушался! Так и остался крестьянином. Сначала работал, куда

пошлют – образование-то было всего пять классов, а потом 23 года работал скотником: летом пас коров, а зимой – на раздаче кормов.

В 28 лет женился. Нажили дочь, развелись. Когда жена бывшая умерла, дочка осталась с дедом и бабкой. Хотел, было ее к себе забрать, но старики сказали в один голос: «Не отдадим!», да и дочь ухватилась за бабку. Сам я к тому времени был женат второй раз, и другая моя дочь, Валентина, росла. Потом еще две дочери родились. Все теперь определены, живут в – Белгороде. Шесть внуков уже...

В дверь палаты, раздался стук, и вошла, невысокая плотная женщина в накинутом поверх одежды белом халате, с приятным русским лицом. Ею оказалась – легкая на помине! – дочь рассказчика, Валентина. В продолжение часа или более она остается в палате, и мы с Ходыревым, лежа на койках, невольно любуемся, как пришелица с заботливой нежностью ухаживает за отцом. Голос ее не умолкает ни на минуту:

–...По дому затосковал? Вижу, как «нет», вон уже и похудел. Не вздумай проситься раньше, срока, а то я тебя знаю!

Меняет на мокнущей ране отца салфетки. Бежит проверить ящичек, где разложены лекарства для больных, обнаруживает не выпитые отцом вечерние прошлого дня и нынешние. Отчитывает больного, но сколько тепла в ее строгости!

–Пап, дайка сменю тебе носки. Пап, ложись, я тебя побрею. Пап, почему ты так мало ешь? Пап... Пап... Пап...

Когда Валентина прощается и уходит, разговор возобновляется.

– А дочь-то... ишь, как ухаживает за вами!

А как же! – в голосе Алексея Романовича слышатся гордость и самодовольство.

– А чего дочка боится, что вы домой сбежите раньше времени? По своей хозяйке соскучились?

– Хозяйство у меня дома, вот что. Лошадь, корова, четыре поросенка, гуси, утки, куры. Земли 50 соток...

Он некоторое время молчит, думая, видимо, о своем хозяйстве, как оно там без него, и продолжает:

–Жена, вон, говорит, как кто-нибудь зайдет на двор, лошадь тут же голос подает, думает – хозяин. Скучает, значит. Известное дело...

Он снова замолкает, и уже кажется, что он спит. Но вновь раздается его глуховатый бас:

–У других коровы в стаде весной не даются хозяину или хозяйке, а я в любое время позову свою – идет! Потому что с ней, как и с лошадью, надо – по-человечески...

В палату заглядывает дежурная сестра:

– Четвертая палата, почему не спите? Уже был отбой. Мой сосед замолкает. С койки другого соседа слышится тихое посапывание...

2006г.

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Жена Ивана Петровича, энергичная и еще стройненькая для своих 54-х лет женщина, уезжала на три недели в отпуск. Своего мужа она оставляла на хозяйстве, представлявшем из себя четыре с половиной сотки огорода вместе с растущими на них тремя плодовыми деревьями и десятком ягодных кустов.

В день отъезда она предложила Ивану Петровичу взять лист бумаги и ручку вышла с ним на огород и по пунктам продиктовала, что надлежит делать ему во время ее отсутствия. Так, надо было следить, чтобы тля не заедала молодые побеги саженцев, требовалось регулярно удалять личинок колорадского жука с баклажанных листьев, вовремя срывать огурцы и кабачки, чтобы те не перерастали, удалять нижние листья с помидорных кустов в целях лучшего их проветривания и т.д.

Всего набралось ни много, ни мало 16 пунктов, включая пункт не забывать срезать цветную капусту, варить или жарить ее и есть.

– А когда будешь рвать огурцы, пожалуйста, придерживай другой рукой плети, – умоляюще наставляла она. – И прошу тебя, будешь ходить по огороду, смотри, куда ступаешь, а то ведь потопчешь мне все тут.

Иван Петрович ухмылялся и снисходительно кивал в знак согласия головой, но слушал и записывал довольно внимательно.

Здесь, видимо, надо дать кое-какие пояснения, чтобы читателю была понятна причина тревог и опасений отпускницы. Дело в том, что насколько жена Ивана Петровича души не чаяла в своих четырех с лишним сотках, настолько философски равнодушен был к ним сам Иван Петрович, не желавший делиться свободным временем ни с чем, кроме своего любимого занятия (он был художником).

– Мешок картошки я и на базаре куплю, – говорил он, – а больше мне не надо. К тому же в моем возрасте надо есть поменьше.

Он даже одно время вознамеривался продать участок, но жена отговорила, пообещав не привлекать его, по - возможности, к огородным делам. Надо сказать, что обещание свое она держала, за исключением разве что отдельных случаев, когда требовалась мужская сила или просто помощь второго человека. Иван Петрович помогал всегда с готовностью, но на все вопросы огородного характера коллег по работе и знакомых отделывался фразой:

– У меня по всем этим делам главный агроном имеется. «Главного» такой расклад устраивал, так как от мужа на огороде она видела чаще лишь помеху своим начинаниям и стараниям.

А уж как старалась она! У мужа порой даже в глазах рябило от множества колышек, подвязок, натянутых веревок, от всевозможных дуг деревянных и из проволоки. К тому же на огороде, кроме обычных для средней полосы культур, росли персики и еще какие-то экзотические растения, названия которых Иван Петрович, по обыкновению, не запоминал.

И вот теперь, передавая на целых три недели свое пышнозеленое детище в руки мужа, жена Ивана Петровича не скрывала своей тревоги и,

находясь в день отъезда уже на автостанции и ожидая отправки автобуса, до последней минуты все старалась посвящать супруга в тонкости огородного промысла.

– Ты же не забудь, огурцы и «синенькие» – они любят воду, почаще их поливай, а помидорам - уже достаточно, пусть зреют... А если капусту блошка заедать начнет, что будешь делать? Там в старом ведре зола...

– Маша, – взмолился Иван Петрович, – все я помню, все твои 16 пунктов – хочешь, наизусть сейчас перечислю?

Он уже начал было загибать пальцы, но тут явился водитель автобуса, держа в руках путевой лист, и занял свое место за рулем. Отъезжающие поспешили тоже занять свои места, двери мягко закрылись, автобус фыркнул и плавно тронулся с места. Отъезжающие влепили носы в стекла, махая провожающим. Махала и жена Ивана Петровича. Вдруг она стала делать мужу руками какие-то знаки, напоминающие, как показалось Ивану Петровичу, закручивание большой гайки, и что-то говоря при этом. Иван Петрович ничего не успел разобрать, «Икарус» зарокотал сильнее и стал быстро удаляться. И все же какой-то мужчина, стоящий к автобусу поближе, видимо, расслышал и, когда шум удаляющейся машины стих, повернулся к Ивану Петровичу и то ли насмешливо, то ли с сочувствием пояснил:

– Когда будете рвать кабачки, то не тяните на себя, а скручивайте, – и повторил руками движение жены.

– Пункт 17-й, – хмыкнув, констатировал про себя Иван Петрович и зашагал через городской парк мимо сонного старого пруда с редкими рыбаками на берегу прямиком домой: дела.

ВСТРЕЧА НА ТРОПИНКЕ

Недавно случилось мне идти берегом нашего городского пруда со стороны речки Осколец. Настроение хорошее, потому как – лето, всё зеленеет, птички поют. А навстречу мне мужчина преклонных лет, может, даже ветеран войны. Опирается на палочку, но идёт бодро. Подумалось: чем не жизнь сейчас ветеранам – государство о них заботится, пенсию им платят хорошую, ходи себе вот так по бережку с пользой для здоровья и – никаких забот.

Но вскоре оказалось, что в отношении последнего, то есть «никаких забот», я ошибался. Метров за 50 от меня мужчина вдруг круто свернул с тропинки и стал внимательно смотреть куда-то себе под ноги. При моём приближении он повернул голову в мою сторону, явно приглашая к разговору, лицо его при этом выражало крайнюю озабоченность. Он стоял на краю «рукава»- промоины, в которую с шумом устремлялась вода из речки Осколец и исчезала затем в трубе, проложенной в сторону пруда.

- Вы представляете, сколько в этой воде всякого аммиака, яда для колорадских жуков и бог знает чего ещё, что стекает со всех прилегающих огородов и подворий в эту бедную маленькую речушку? – грустно обратился он ко мне.

Я представлял, но смутно.

- И теперь эта вода попадает в пруд, где купается весь город, - заключил незнакомец. Помолчав, добавил: - И собаки тоже.

То ли осуждал людей, что те купают в пруду своих собак, то ли жалел собак, которых люди купают в такой нечистой, по его мнению, воде.

- Да-а, - протянул я, как бы выражая готовность поддержать разговор и не зная, что сказать. – Может, стоит обратиться куда-нибудь? Скажем, в «экологию» или санэпидстанцию?

- Да обращался уже, досадливо махнул рукой ветеран. – В общество охотников и рыболовов.

- ?!

Успокоили. Сказали, что рыба пока клюёт. Что ж, будем ждать, когда перестанет клевать?

Мне вдруг стало неловко за самого себя: ведь я и раньше видел эту промоину и даже любовался, глядя, как вода из речки с шумом, завихряясь и подмывая грунт возле лежащей в промоине трубы, исчезает затем в этой трубе, чтобы через несколько секунд появиться уже в водоёме.

И мы пошли дальше каждый своей дорогой.

НАТАША И СЕРЁЖА.

Вот и наступила осень. Небо стало хмурым и неприветливым, а пожелтевшие листья так густо падают на газоны и тротуары, что рабочие не успевают сгребать их в кучи и увозить на машинах. Птиц почти не стало видно: одни улетели на юг, другим, видимо, как и мне, неуютно, и они где-то прячутся.

Я иду домой, в тепло. На улице Пильчикова встречаю Серёжу и Наташу – учащихся четвёртого класса школы №1. Они мне нравятся, весной этого года я их часто видел с оттопыренными пазухами, где сидели маленькие бездомные щенята. Ребята подходили к прохожим и спрашивали, не нужен ли им щенок? Я поинтересовался, как жизнь, куда ходили?

- В ниикмовские гаражи! Мы там кормили четверых щенков, у них нет мамы.

- И где они живут?

- В трубе.

- Чем же вы их кормили?

Ребята мнутся.

- Хлебом с колбасой.

- А домой не хотите их взять?

- Не, - говорит Серёжа. – У нас уже четверо во дворе. Чужая собака ощенилась.

- И вы их тоже кормите? Куда ж вы их потом денете?

Ребята пожимают плечами и молчат.

-На Академической тоже хорошие щеночки, - говорит Наташа. – У них там и конура есть.

- Как, вы и туда ходите?!

- Да. И другие ходят.

- Да где ж вы колбасу им берёте?

-Колбасу… если есть. А так – хлеб, ещё что-нибудь.

Ребята, - говорю, - да вам памятник поставить надо!

Мои слова кажутся им настолько забавными, что они начинают смеяться, сначала тихо, затем всё громче, потом хохочут, подталкивая друг друга. Я смеюсь вместе с ними.

СПАСИБО, ГУБКИНЦЫ, ЧТО ПРИЮТИЛИ!..

Памяти А. Х. Ускова

Они прибыли в наши края в конце девяностых, гонимые ветром перестроечной разрухи и сокрушивших страну перемен из ставшего вдруг неродным Казахстана. Валерий Николаевич Аллилуев и Александр Христианович Усков. Кандидаты наук. У каждого - лишь по дорожной сумке за плечами да оставленные в далёком Казахстане семьи. В первый день по прибытии побродили в поисках работы по Белгороду, во второй оказались в Губкине. Здесь их тоже никто не ждал. Главная надежда – институт НИИКМА сам, ужимаясь, как шагреневая кожа, с готовностью раскрывал уже двери своих пустующих комнат для всякого рода коммерческих фирм и фирмочек. Но ещё пульсировала в нём научная жизнь, и потому обрели наши друзья приют в лаборатории подземных работ. Аллилуеву предложили тему по освоению Шамраевского месторождения железной руды способом скважинной гидродобычи, Усков же взялся за проведение экспериментальных исследований по очень нужной для комбината «КМАруда» теме – «Закладка отработанных камер на шахте имени Губкина хвостами обогащения».

Я познакомился с ними два месяца спустя после их приезда в наш город. Они ютились поначалу в самом здании института в небольшом й комнатке рядом со своей рабочей комнатой. Там они спали. Это уже потом институт НИИКМА выделил им небольшое помещение в своём старом полуразрушенном корпусе, которое нашим друзьям предстояло самим переоборудовать себе под небольшие квартиры и уж затем только вызвать на новое местожительство свои семьи.

А пока они знали одну только работу. Валерий Николаевич был постоянно обложен горами книг, изучая предшествующий мировой опыт скважинной гидродобычи применительно к условиям КМА и исписывая сам при этом горы бумаги. Для Ускова же мирового опыта не существовало (тема, которую он вёл, была новая, никем не исследованная). Каждый день, а то через день брал он необходимый инструментарий и шёл – обычно пешком – на шахту. В сопровождении горного мастера он опускался в шахту и километр за километром шагал по бесконечным штрекам, производя необходимые замеры и беря пробы в заполняемых «хвостами» экспериментальных камерах и вокруг них. Замеров было много. Результаты исследований докладывал потом на представительных заседаниях специалистов и учёных на комбинате «КМАруда». И не случайно по истечении некоторого времени комбинат пригласил А.Х.Ускова на работу к себе в техотдел. В.Н.Аллилуев к тому времени стал преподавать в Губкинском институте МГОУ.

Год назад, почувствовав ухудшение здоровья, перешёл на преподавательскую работу и Александр Христианович. Однако болезнь

прогрессировала, и недавно А.Х.Ускова не стало… Не стало человека во многих отношениях удивительного. Удивительного по честности и скромности, по профессиональным качествам и огромной эрудиции, по доброте и человечности. В каждом, кто с ним сталкивался, он оставлял частицу своей души. А городу Губкину оставил двух сыновей. Оба они уже, кажется, связали свою судьбу тоже с комбинатом «КМАруда», положив начало новой династии – Усковых – на губкинской земле. В своей прощальной речи земляк наших друзей, прибывший в Губкин несколько позже их, Евгений Петрович Терёхин сказал искренне: «Спасибо, губкинцы, что приютили нас!»

2010г.

Генка

ТАЁЖНЫЙ РОМАН

1

Весна в Нюрбу, маленький якутский поселок на берегу реки Вилюй, пришла в том году неожиданно: то долго стояли большие морозы, а то вдруг сразу отпустило до минус десяти. А что такое -10° против -55°! У Генки вон до сих пор еще колени не отошли – отморозил.

Вообще-то по глупости получилось – кто же идет провожать девушку в такой мороз, хорошо не пододевшись. А Генка в Нюрбе уже не первую зиму встречает. Но тут был случай особый: в тот вечер он встретил на танцах в клубе самую настоящую, как ему показалось, фею. Ему и сейчас чудятся ее голубые-голубые глаза и белоснежные локоны. У нее даже имя было необычное – Эльвира, или просто Лира.

Тогда, получив разрешение проводить ее домой, он не решился предложить зайти в общежитие и подождать, пока он переоденется в ватные брюки и валенки. Разгоряченный после танцев, он не сразу ощутил в полной мере действие мороза, и пока шли, успел поведать ей, что в Нюрбу попал по распределению после окончания геологоразведочного техникума. От Лиры, в свою очередь, узнал, что она живет здесь с родителями, в этом году заканчивает школу и мечтает на лето устроиться в какую-нибудь геологическую партию, а затем уж поступать куда-то учиться.

Собственно, тех немногих минут, в течение которых двое молодых людей, держась за носы, успели проскочить расстояние от клуба до домика, где жила Лира, лишь на то и хватило, чтобы обменяться этой короткой информацией. Быстро попрощавшись, Генка кинулся бежать, пытаясь одновременно держаться руками за свои уже начавшие неметь под холодящей шелковой подкладкой брюк колени...

Но теперь, похоже, зиме конец, и сегодня это особенно чувствовалось, пока Генка шел по поселку, распахнув полушубок. Колени его полностью зажили, только новая нежная кожа на них еще напоминала о себе при соприкосновении с брюками. Лиру он с тех пор не видел, но она не выходила у него из головы.

Поселок Нюрба был всего в несколько десятков деревянных домиков, и жили здесь преимущественно геологи, открывшие за последние несколько лет, начиная с 50-х годов, ряд месторождений алмазов. Каждый год с наступлением весны все расположенные в поселке партии начинали активно готовиться к полевому сезону. Они забрасывали в тайгу самолетами необходимое снаряжение и продукты, а когда становилось совсем уж тепло, сами, словно пчелы, разлетались по тайге.

В одной из таких вот поисково-съемочных партий и работал Генка. В этом году ему начальник партии доверил уже отдельный отряд, состоящий из самого Генки и двух рабочих. В задачу отряда входило, как только сойдут большие морозы, вылететь раньше всех в намеченный район тайги и пробить там по вечной мерзлоте несколько глубоких шурфов.

И вот – завтра вылет. Завтра на целых полгода – лишь костер, палатка да на сотни километров нехоженая тайга. Генке вдруг стало грустно: «Жаль, что сегодня в клубе не будет танцев. Может, увидел бы Лиру».

2

Установились теплые дни. Генкин отряд после почти двухмесячного пребывания в тайге с нетерпением ждал всю партию, прислушиваясь к каждому звуку – не гудит ли? Первым услышал Афоня-якут: «Летит!». Точно! Сначала все явственней стало доноситься гудение, затем увидели на горизонте точку. И вот уже вертолет, сделав два захода над лагерем, сел на заранее подготовленную площадку. Первым выскочил начальник партии, за ним остальные – геологи, два радиста, несколько рабочих. Начальник, смуглый, коренастый, схватил Генку за плечи:

– Вы посмотрите, какую он бороду отрастил!

А Генке было странно видеть их выбритые лица. Он ходил от одного к другому, здороваясь и что-то говоря при этом. И вдруг его протянутая рука дернулась, стеснило дыхание: перед ним стояла... Лира. Чуть-чуть, правда, не та, с которой он танцевал в тот памятный вечер, – изящная, в легких туфельках, с белоснежными локонами. На этой были кирзовые сапоги и что-то вроде комбинезона, локоны то ли убраны под беретик, то ли сострижены. Но какое это имело значение! Такая нравилась ему еще больше. Она протягивала ему руку и улыбалась. Генка пожал её и тут же отпустил, но в глазах его было столько радости и неожиданного счастья, что Лира опустила глаза и покраснела. Никто, кроме начальника, не обратил на это внимания.

С этой минуты Генкино пребывание в тайге приобрело для него новый смысл. В первый же день по прибытии партии, когда были поставлены палатки, а начальник партии и старший геолог осмотрели Генкино хозяйство и приняли работу отряда, когда все перед тем, как разойтись по палаткам, собрались у костра, Генка с Лирой ушли в глубь тайги. Он держал ее руку в своей, и большего наслаждения ему, казалось, не было. Когда на исходе белой ночи возвращались в лагерь, Генка уже целовал ее у каждого дерева, а она только повторяла, послушно подставляя губы:

– Гена ну хватит! Мы так не дойдём!.. Что о нас подумают, когда придем в лагерь?

Генкино счастье длилось ровно четыре дня. Как только пришел транспорт – 30 оленей под началом двух якутов-каюров, – начальник партии собрал в своей палатке геологов. Он коротко изложил план работы на лето, согласно которому вся партия разбивалась на четыре отряда. Генкин отряд оставался в прежнем составе, только перемещался в другой район территории и должен был оставаться там до конца лета. Остальные уходили на основную летнюю базу партии, располагавшуюся на значительном расстоянии от Генкиного отряда. За каждым отрядом закреплялись свои рабочие. Лира была зачислена оператором-радиометристом в отряд начальника партии, третьим в их отряде был пожилой рабочий, дядя Коля.

Для Генки это был удар. Он, конечно, предвидел, что ему и Лире придется работать в разных отрядах, но чтобы все лето так далеко друг от друга!..

3

И вот снова втроем. Каждый погожий день Генка брал Виктора или Афоню и уходил в маршрут. Если же погоды не было, проводили время, сидя у костра или лежа в палатке. Читали, играли в карты в дурака, делились воспоминаниями. В один из таких разговоров Виктор как-то обронил:

– А не зря начальник наш Лиру к себе в отряд взял.

Генка сначала даже не понял намека:

– Ты что имеешь в виду?

– Да ничего особенного. Просто думаю, что если молодой да еще начальник... Кругом одна тайга... Все время вместе... А ты что, ни разу ни о чем таком не подумал?

Генка молчал. Степану Васильевичу Каверину было 35 лет, у него была семья, геологи его уважали, в том числе и Генка. Особенно после того, как тот однажды, наставляя своего молодого коллегу, сказал убежденно:

– Настоящий геолог должен быть кристально чистым и честным человеком. Ведь от его правдивости в исследованиях может зависеть судьба целого месторождения.

Слова товарища подействовали на Генку неприятно. Однако в качестве убедительного аргумента против он сказал:

– Какой же он молодой, ему 35!

– А, по-твоему, он старый? – хмыкнул Виктор.

Однажды Афоня, которому было поручено вести счет дням недели, объявил, что послезавтра 28 июля – день, в который по плану начальник партии должен со своим отрядом посетить их лагерь. Весь следующий день прошел в приготовлениях к встрече. Афоня с Виктором переставили на новое место палатку, сделали в стороне несколько дымокуров для оленей, так как комариный сезон был еще в разгаре, спилили и прикантовали к костру две толстые лесины, чтобы прибывшим было удобно сидеть.

Генка тем временем привел в порядок геологическую документацию, затем напек на костре дрожжевых лепешек. Последнее не обошлось без казуса. Чтобы тесто хорошо подошло (ночи были прохладными), Генка поставил на ночь ведро с тестом в свой спальный мешок рядом с головой. Проснулся среди ночи – вся голова в тесте...

Гостей начали ждать со второй половины дня, все время прислушивались, не зазвенит ли ботало – небольшой колокол, который вешался вожаку-оленю на шею. Вечером долго сидели у костра и тоже все прислушивались. Генка несколько раз кричал и стрелял вверх из ракетницы – на случай, если бы те заблудились. Не дождавшись, легли спать, хотя Генка еще долго ворочался в своем мешке, долго не мог заснуть, представляя, как, может, завтра уйдут они с Лерой, как в тот раз, подальше от лагеря и как будет он целовать ее...

Начальник партии появился на следующий день один. Коротко изложил ситуацию. Оказывается, его отряд расположился в трех километрах от Генкиного, там для оленей много ягеля. А завтра они продолжат свой маршрут уже в обратном направлении. Генка слушал и ничего не понимал. Почему – завтра? И почему они так далеко остановились, если ягеля и здесь много?

Сидели у костра, пили чай с лепешками. Затем, уже в палатке, Генка разложил перед Кавериным карту с нанесенными на нее маршрутами. Тот внимательно в течение часа изучал ее, время от времени тыкая пальцем в какую-нибудь точку, спрашивал:

– А здесь брал образцы? Покажи! Здесь отмывал шлиф?

Пакетики со шлифами розоватого цвета, говорившего о присутствии в них альмандина и пиропа, – спутников алмазов, Степан Васильевич оставил у себя. Затем встал и, коснувшись Генкиного плеча, сказал бодро:

– Ну что ж, через месячишко пришлю за тобой оленей.

Генка опешил:

– Как через месячишко? Ведь работа почти вся закончена!

Степан Васильевич мотнул головой:

–Не вся, – он ткнул пальцем в карту. – Видишь вот эти два маршрута? Между ними небольшой распадок. Надо пробить по его оси несколько шурфов и посмотреть, что там есть. Хотя бы до вечной мерзлоты. Как у тебя с продуктами? – неожиданно спросил он, давая понять, что разговор о сроках закончен.

– Все на исходе.

– Бери кого-нибудь из ребят, поделюсь.

Для Генки это означало, что сегодня он увидит Лиру.

4

Уже сгущались сумерки, когда начальник партии вывел Генку с Виктором к своему лагерю. В глубине леса виднелась палатка каюра, за нею два дымокура расстилали густые шлейфы дыма, в котором олени спасались от комаров. Еще две палатки стояли у самого берега реки, недалеко горел костер, возле него сидел дядя Коля и пил черный, как деготь, чай.

Сердце Генки учащенно забилось, когда он увидел выходящую из палатки Лиру. Всего четыре дня побыли они вместе с того памятного вечера, когда пять месяцев назад провожал он ее с танцев. Но и этого времени хватило, чтобы все дальнейшее существование его превратилось в ожидание новой встречи. Она стала для Генки олицетворением его первых юношеских грез, с которыми он, как ему думалось в его 21 год, давно расстался. Он бережно нес свое нежное чувство к ней, боясь даже в мыслях преступить ту грань, которую он сам же и установил для себя по отношению к ней.

Лира подошла к сидящим и довольно сдержанно поздоровалась. Лицо ее выглядело бледным даже в красноватых отблесках костра, и было в ней самой что-то такое, чему Генка не мог бы найти названия, попытайся он это сделать. Она была не то чтобы грустная, но какая-то потухшая. Будь он

понаблюдательней, увидел бы, как припухли ее глаза, и догадался бы, что она недавно плакала.

Каверин оживленно стал рассказывать, обращаясь больше к Лире, что видел по дороге в Генкин лагерь, шутил по поводу его лепешек. И пока он говорил, Генка посматривал украдкой на Лиру и терялся в догадках: «Стесняется начальника? Или не рада встрече?»

Видно было, что она плохо слушает, о чем рассказывал Каверин, занятая какими-то своими мыслями. И лишь услышав, как Генка спал в обнимку с ведром, в котором подходило тесто, тихо засмеялась.

Начинала портиться погода, шумели тревожно вверху кроны деревьев. Ночевать разместились: в одной палатке – начальник, Генка и Лира, в другой – дядя Коля и Виктор. Генка лежал, и противоречивые чувства боролись в нем. С одной стороны, вот она, Лира, в своем спальном мешке, между ним и Кавериным, будоражит своим присутствием. А с другой – как понимать эту перемену Лиры и ту фразу, которую она произнесла сегодня у костра? Тогда, потянувшись за чайником, она спокойно бросила начальнику: «Подай, Степа! Если бы в этот момент из кустов к костру вышел медведь и спросил: «А что это вы тут делаете?», то и в этом случае Генка, кажется, поразился бы меньше. Почему – «Степа»?! И почему – «подай», а не «подайте»? Хотя... Ну подумаешь, по имени стала называть! В партии его все ведь так называют.

Небо было затянуто тучами, и в палатке было темно. Противиться не было сил. Генкина рука потянулась к спальному мешку Лиры, ища в него вход, и тут же у своего уха он почувствовал ее губы, и оно, ухо, различило еле слышное: «Поцелуй меня!»

Снаружи гудел ветер, глухо шумела тайга, а трое лежали в своих спальных мешках, и двое из них не знали, спит ли третий, а третий не знал, спят ли эти двое. И долго так лежали они, ничем не выдавая себя, и тайга все шумела, и не прерывался поцелуй... Но вот закашлял начальник и, громко вздохнув, сел. И тут же разомкнулись губы двоих, и тут же – плавно и совершенно беззвучно – отстранила Лира свою голову от Генкиной.

Утром, когда прощались, у Лиры в глазах стояли слезы, и ожидание чего-то неизбежного почудилось, Генке в них.

5

Остаток полевого сезона отряд провел в режиме ожидания. Намеченные шурфы Виктор с Афоней прошли быстро, остальное время все трое лежали в палатке или сидели и грелись у костра.

И вот пришел день, когда геологи услышали позвякивание ботала, увидели едущего верхом каюра и за ним – цепочку оленей. В тот же день начали собираться, а наутро, попив напоследок чаю и тщательно затушив костер, тронулись в направлении главной базы партии. На душе у Генки было радостно: полевой сезон, длившийся шесть месяцев, закончился, впереди встреча со всей партией и, конечно, с Лирой. Теперь они будут все время вместе там, на базе партии, пока за ними всеми не прилетит вертолет, чтобы вывезти в Нюрбу. И в Нюрбе он тоже будет теперь спокойно

провожать ее с танцев в любой мороз, потому что она будет ждать его, пока он забежит в общежитие и переоденется.

С такими мыслями шел по тайге Генка со своим отрядом за караваном. Переход до базы занял четверо суток и отнял много сил. Когда же на пятый день в просветах деревьев забелела палатка, Генка быстро достал из вьючной сумки ракетницу и выпустил вверх единственную, сбереженную для такого случая ракету. Никаких радостных возгласов со стороны лагеря, однако, не последовало. Войдя в его расположение, караван увидел, что он пуст. Оставленная на видном месте записка гласила, что вся партия вылетела в Нюрбу, воспользовавшись неожиданно представившейся оказией. Отряду предписывалось выходить до ближайшего в тайге аэропорта «Далдын».

Долго бродил Генка по лагерю в поисках записки от Лиры. Неужели . ничего не написала?! И лишь когда складывали оставленную улетевшими палатку, под ее брезентовым полом обнаружился свернутый и заклеенный лист бумаги, письмо для Генки. Оно было коротким.

«Любимый мой! Милый! Еще в шестом классе мечтала я и представляла, кому и как скажу в первый раз эти слова. Говорю их теперь тебе и повторяю вслух и про себя бесконечное число раз: «Любимый мой! Милый мой!» Я люблю тебя! Пишу тебе это, потому что знаю, что никогда больше тебя не увижу. Когда ты прилетишь в Нюрбу, меня там уже не будет, я буду далеко. Потому что я беременна, Гена! И мне теперь надо устраивать свою судьбу по-другому, чем я думала. А ты... Ты прости меня! И на Степана Васильевича зла не держи. Ты еще много девушек встретишь, они будут лучше меня. Спасибо тебе за те белые ночи в начале нашего полевого сезона и за тот долгий поцелуй в конце его. Скоро прилетит вертолет, Степан Васильевич запросил его из-за меня по рации. Ты на него зла не держи, это я не уберегла себя. Так что прости и - прощай!»

Генка несколько раз перечитал письмо и еще долго сидел неподвижно, тупо уставясь в написанное. Подошел каюр Мопэй, держа в поводу заарканенного оленя:

– Однако надо идти Далдын, начальник!

– У нас же карты дальше нет, как пойдем?

– Карта нет – тайга есть. Мопэй дорога найдет...

2006г.

КРАСНОДАРСКИЕ АРБУЗЫ, ИЛИ ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

1

С Генкой я познакомился в 60-е годы, когда он, поработав после окончания техникума несколько лет на Севере, вернулся в родной Губкин и стал трудиться в институте НИИКМА. Работал в геологическом отделе, а поскольку был молодым и легким на подъем, его часто посылали в командировки, особенно в ту пору, когда на отдел была возложена задача изучить бентонитовые глины некоторых месторождений Кавказа и Средней Азии на предмет их пригодности для производства железорудных окатышей (к тому времени в бассейне КМА уже разворачивалось строительство горно-обогатительных комбинатов).

Возвращаясь из этих поездок, Генка рассказывал много интересного и, по обыкновению, веселого, но мне особенно запомнился лишь один из его приездов. Вернулся он тогда, что называется, в великой печали. Постепенно выяснилось, что в этой поездке Генка влюбился в некую девочку по имени Марина. Вез он тогда пробы глин из Грузии на институтском микроавтобусе, и, когда ехали уже по Краснодарскому краю, пришлось им подвезти одно совсем еще юное создание. Держалась она просто и скромно (ему всегда такие нравились), была в легком летнем сарафанчике, загорелая, короче говоря, типичная десятиклассница на летних каникулах, и – вот поди ж ты! – запала Генке в душу. Пообщался он с ней часа два, не более, и пришлось расстаться.

Приехав в Губкин, Генка затосковал и все то лето ходил грустный. Однако осенью снова уехал в командировку куда-то на Кавказ, а, вернувшись, о Марине уже не вспоминал. Когда же мы о ней спрашивали, отмалчивался. И лишь какое-то время спустя, рассказал о той поездке. А было так.

2

Генка проснулся с ощущением того, что поезд стоит: не раскачивались вагоны, не постукивали колеса на стыках рельсов. Приоткрыл глаза, уперся взглядом в кровать у противоположной стены, и враз дошло: он находится в номере гостиницы. Краснодарской. Мгновенно прокрутились в мозгу события последних трех дней – вызов к начальству, оформление командировки, отъезд из Губкина.

В этот раз Генка ехал в Азербайджан, и не один, а со своим начальником Васильевым, так как, кроме обычного задания – отбора проб глины для анализов непосредственно на месторождении, предстояло участвовать в важном совещании в Министерстве геологии республики по поводу этих самых глин. Вчера вечером они прибыли поездом в Краснодар и взяли билеты на самолет до Баку аж на вечер сегодняшнего дня. И вот сегодня – раннее осеннее утро, еще темно, а впереди – целый день и уйма времени, чтобы поваляться в номере на постели, потом, позавтракав, не спеша осмотреть город (Генка был в Краснодаре впервые), а ближе к вечеру заблаговременно отправиться в аэропорт.

Лениво текли мысли. Вспоминалась Марина, как вспоминалась постоянно все эти месяцы. Вдруг Генку словно обожгло: ведь она же где-то здесь, в Краснодарском крае... До вечера столько еще времени... Надо только съездить на автовокзал и посмотреть расписание автобусов!

3

Генка вышел из гостиницы, и с этой минуты в его голове как будто заработал метроном. Он не видел города, не замечал спешащих на работу людей. Только спросил один раз, как добраться до автовокзала. Через 40 минут он уже изучал расписание автобусов по Краснодарскому краю.

То, что он делает что-то не то, Генка сам осознавал. Риск не вернуться вовремя в гостиницу, где оставался его начальник с билетами на самолет, и при этом сорвать как сам их вылет в Баку, так и запланированное там на завтра важное совещание, не говоря уж о других издержках – моральных и финансовых, риск этот был велик. Ибо Генка не имел даже представления ни о том, как регулярно ходит транспорт из Краснодара в нужный ему район, ни о том, как он будет потом добираться из райцентра до станицы, где жила Марина, ни, тем более, о том, сколько понадобится времени на обратный путь.

Однако как будто что-то толкало его вперед. Представлялось невероятным, что он может сегодня увидеть ее. Хотя он, собственно говоря, и не надеялся. Даже, наоборот, он был бы, может, скорее удовлетворен, чем разочарован, если бы, придя на автовокзал, не нашел в расписании нужного ему рейса или увидел бы, что опоздал. Это избавило бы его от шага, которому он сам просто уже не в силах был противиться.

Но рейс – был, и его даже не надо было долго ждать. Генка взял билет и уже в автобусе стал успокаивать себя: «Если увижу, что не успеваю, вернусь с полдороги». Метроном убыстрял ход с каждой минутой.

4

Когда Генка добрался на стареньком рейсовом автобусе до райцентра и сошел на конечной остановке, низкое осеннее солнце отмерило уже почти половину светового дня. По-хорошему, надо было думать о возвращении в Краснодар. И самым разумным шагом сейчас было бы брать билет на этот же автобус, который отправлялся обратно через 15 минут. Но - быть с нею где-то почти уже рядом и не увидеть!

Генка тоскливо огляделся. За зданием автостанции, насколько хватал глаз, простиралось поле, у противоположного угла здания стоял мотоцикл с коляской, рядом – милиционер. Генка подошел, коротко изложил ситуацию, в которой он в данный момент находился.

– Друг, – сказал проникнувшийся рассказом милиционер, – я бы тебя сам отвез по той дивчины, но я на дежурстве. Станица эта недалеко, километров 20 по прямой отсюда, но автобус туда один только что отошел, а другой пойдет ближе к вечеру. Видишь, во-он в поле машины возят свеклу, попросись, они как раз ездят через ту станицу.

Перескочить укатанное уборочными машинами поле для Генки не составило большого труда, но как быстро летело время! Водитель одной из машин, также не оставшийся безучастным к рассказу Генки, посмотрел на свои часы, немного подумал, что-то, видимо, прикидывая, и коротко бросил:

– Садись!

5

Трехтонный «ЗИЛ»-самосвал, доверху груженный свеклой, подвозил Генку к затерянной среди краснодарских полей станице. Водитель почти всю дорогу молчал, следя за ухабистой полевой дорогой и искоса поглядывая на сидящего рядом Генку, и только в начале пути поинтересовался, какие для того могут быть последствия на работе, если он не сможет вернуться в срок в гостиницу.

Въезжая в станицу, спросили у прохожего, как проехать на улицу Садовую, быстро нашли дом под номером пять... Все! Генка был у цели и не мог этому поверить. А времени на обратный путь оставалось все меньше.

– Слушай, – сказал водитель Генке, – ты иди, а я здесь подожду с машиной. Вдруг этой девчонки сейчас нет дома, так хоть немного подвезу обратно, может, еще успеешь к самолету.

Дом – сколько раз он рисовался в воображении Генки! – был на несколько семей. Вот и дверь под номером три. Генка постучал. Из квартиры не доносилось никаких звуков. А может, Генка их не слышал из-за стука собственного сердца. Вдруг дверь открылась, на пороге стояла... она.

И все же это была не она! Эта только лишь чем-то напоминала ту – летнюю, загорелую, с будоражаще очерченной под легким сарафаном грудью, всю наполненную каким-то неизъяснимым светом. И взгляд не тот, и... короче говоря, эта была девчонка как девчонка, ничуть не хуже, но и не лучше других, а та... та куда-то исчезла навсегда.

Она стояла в проеме двери и смотрела на Генку, и было непонятно, узнала ли она его.

– Привет!

– Здрасьте!

– Помнишь, ехали вместе?

Да, она помнила и, значит, узнала. И продолжала смотреть, ожидая, что он скажет еще.

Вот... опять в командировке... еду с товарищами по работе... на своей машине... как раз мимо вашей станицы.… Дай, думаю, загляну – по пути же!.. Хоть поздороваюсь. Как ты поживаешь?

– Ничего. А ты как?

Больше говорить было не о чем. Конечно, если бы на месте этой была «та», Генка успел бы много ей сказать: как постоянно думал он о ней все эти месяцы, как поют в Губкине его друзья и подруги написанную им шуточную песню «Марина», с каким сочувствием отнеслись к нему сегодня ее земляки – милиционер и водитель. И кто знает, может, и она тогда бы сказала, что она ждала, что он напишет ей, что в десятом классе задают много уроков... Но...

– Ну что, я пойду... Меня там, на улице товарищи ждут.

– Да, хорошо.

– До свиданья...

– До свиданья!

6

Обратно Генка ехал опустошенным, к тому же все сильнее было чувство тревоги, что он может не успеть к самолету. Водитель, которому он вынужден был соврать, что не застал Марину дома, очень за Генку переживал и всю дорогу, пока ехали вместе, успокаивал его. А, разгружаясь на свеклоприемном пункте, притащил откуда-то огромный арбуз и положил его в кабину к Генкиным ногам:

– Наши, краснодарские. Не горюй, друг, встретишься еще с этой девочкой! Напишешь ей, и она обязательно ответит.

И, наконец, сделав приличный крюк, он вывез Генку на широкую автостраду, по которой проходили все междугородные автобусы на Краснодар, и, проехав еще некоторое время, высадил Генку вместе с арбузом в совершенно безлюдном и, казалось бы, неприметном месте:

–Здесь все автобусы останавливаются, только надо голосовать. Прощай, друг!

Развернулся и быстро скрылся в сгущающихся сумерках.

К великому облегчению Генки, ждать ему пришлось недолго. И когда огромный шикарный автобус остановился возле одинокой Генкиной фигуры, и дверь его мягко отошла в сторону, Генка окончательно понял, что теперь он может успеть.

7

Оставалось еще минут 40 до отправки в аэропорт, когда перед уже не на шутку встревоженным Генкиным начальником появился Генка с большим арбузом в руках. Еще с порога он сразу начал перечислять, в каких местах города успел за день побывать, включив в перечень два музея, парк, кинотеатр и кое-что еще (отрепетировал, пока ехал в автобусе). Говорил и одновременно разрезал своим складным ножом арбуз, который и впрямь внутри был великолепен. А когда несколько остывший Васильев, принимая от Генки лучшие куски из середины арбуза, спросил у того, какой же фильм он смотрел сегодня в кинотеатре, Генка запнулся и тут же ответил, не моргнув глазом:

– Любовь с первого взгляда

– Ну и как?

– Любовь приходит один раз, и ее надо угадать, – немного помолчав и то ли процитировав кого-то, то ли выразив свое выстраданное, глубокомысленно изрек Генка.

– А если не угадаешь?

Генка нахмурился... Потом посмотрел на своего начальника, улыбнулся и ответил:

– Угадаю. Обязательно угадаю!

2004г.

ЭНКА-ШАМАНКА

Историю эту, услышанную мною от Генки и записанную ровно полвека назад, я не раз рассказывал потом друзьям и знакомым. Но рассказывал всегда только ту часть её, в которой «женщину в белом» Генка увидел не один, а одновременно с Витькой, чтобы никто потом не мог сказать мне: «Это ему, то есть Генке, померещилось!». И вот прошло 50 лет. А недавно в нашей городской библиотеке я случайно наткнулся на книгу В.Федорова «Тайны Вуду и шаманизма» (2003 г.) и всё в этой давней истории мне стало ясным и понятным. И теперь я мысленно спрашиваю: «Где ты сейчас, Энка-шаманка? Жива ли? Должно быть, ездишь на международные конгрессы шаманов, которые теперь устраиваются? Ведь ты должна была стать сильной шаманкой, смогла же ты спасти (в чем я теперь совершенно уверен), будучи ещё девчонкой, молодого специалиста-геолога.

В Амакинскую геологическую экспедицию после окончания техникума Генка приехал с товарищем из его группы Валеркой Подчасовым, с которым и стали жить в общежитии- гостинице в поселке Нюрба в крохотной комнатушке на троих. Третьим был Витька Зыков из Одессы, геофизик, очень умный парень. Ему было уже под 30, этим же двоим - по 18. Витьку уже коснулось разлагающее влияние Севера, хотя, впрочем, Север тут ни при чём: просто Витька, как и многие в той обстановке, начал хорошо «зашибать». Но, напившись, он никогда не шумел и не буянил, а лежал на койке и своим мощным голосом пел арии из разных опер. Часто при этом он каким-то образом оказывался на полу и после некоторого невразумительного бормотанья выдавал уже из-под койки ещё более высокие партии. А наутро в таких случаях он, по-обыкновению, сидел на крае койки, помятый, подавленный, и неизменно повторял: «Всё, уеду к отцу в Одессу. Иначе пропаду.… У отца – моторка, буду ловить с ним рыбу.… А то пропаду». Впрочем, речь в нашем рассказе не о Витьке.

Двое молодых людей, оказавшись впервые так далеко от дома и от родных, были очень привязаны друг к другу. Примерно через год после их пребывания в Нюрбе Валерий сообщил другу, что будет жениться. Она – тоже молодой специалист, работает зоотехником в оленеводческом совхозе в пяти километрах от поселка, живет на квартире у одной женщины-якутки. Договорились, что свадьба, точнее вечеринка, будет под приближающийся Новый год на территории невесты. Валерка, между прочим, заявил, что если Генка не напьётся на его свадьбе, значит, он плохой ему друг.

В день свадьбы мороз был где-то за 50, поэтому «сторона жениха» - несколько друзей и сослуживцев - хорошо утеплились и дошли до совхоза без приключений, то есть никто и ничего против обыкновения не отморозил. Когда уже подходили к невестиному жилью, раздались звуки колокольчиков, из-за соседнего чума показалась упряжка оленей, в нартах находились трое якутов – мужчина, женщина и молодая девушка. Поравнявшись с геологами, они сошли с нарт. Генку поразили глаза молодой: немного раскосые, но совсем не узкие, как у всех якуток, они даже при мимолетном взгляде будто

гипнотизировали. Родители что-то сказали ей по-своему, она тихо засмеялась. И смех её был похож на звук колокольчиков, но не тех, что звучат под дугой русских троек – заливисто и звонко, - а что были у оленей – глуховатых и нежных. И вся она была ослепительно белой в горностаевой шапочке с длинными ушами, в такой же шубке и в белых сапожках-унтах.

Знакомый парень-якут на Генкин вопрос рассказал, что это семья шамана, род их в шаманстве сильный и древний. Только сейчас, при советской власти, шаманство категорически запрещено и даже преследуется в уголовном порядке. А эта девушка в белом, его дочка, унаследовала дар отца, что, естественно, не афишируется. Они живут в соседнем стойбище и приехали сюда, потому что невестина хозяйка – их родственница.

Свадьба-вечеринка прошла при двух керосиновых лампах, весело, но запомнилась Генке смутно: слишком, видимо, добросовестно стал исполнять он тогда Валеркин наказ, а «северное сияние» (спирт, разбавленный шампанским), которое в тот вечер пили, вполне способствовало этому. Зато отлично запомнилась та девушка в белом. На правах друга жениха и от случая к случаю выступая в роли Деда-Мороза, Генка скоро перезнакомился со всеми гостями с невестиной стороны, в том числе с нею. Её звали Энэкэ. Генка много с ней танцевал и смешил своими попытками разговаривать с ней на якутском языке, используя уже имевшийся у него к тому времени словарный запас в 20 -30 слов. Неслышно для других он стал называть её Энкой-шаманкой, а она лишь улыбалась своими раскосыми глазами.

Под утро стали расходиться. Нюрбинцы кучкой двинулись первыми, Генка задержался, всё никак не мог распрощаться с женихом и невестою. Энэкэ с подружкою пошли немного его проводить. Но, пройдя часть пути, Генка вдруг окончательно «вырубился» (выполнил-таки наказ друга!): заявил, что без Валерки не пойдёт, что не может оставить друга у «чужих» и должен увести его с собой. Девчата быстро нашли выход из положения: покрутив парня кругом, сказали, что ведут к Валерке. Так повторялось несколько раз, пока тот не начал снова соображать. А пока так башловались, нюрбинцы совсем исчезли из виду, скрывшись за деревьями. Легко одетые девчата, не рассчитывавшие на такую задержку на улице, начали при 55-ти градусном морозе быстро замерзать и стали прощаться. Энэкэ вдруг взяла в свои руки Генкино лицо и, пристально глядя в глаза, словно читая в них что-то или, наоборот, записывая, сказала медленно, с расстановкой:

- Гена, догоняй «своих» и ради бога нигде не останавливайся, тем более не садись! Слышишь? Очень далеко где-то твоя мама беспокоится, думай о ней.

- Я лучше буду думать о тебе,- попробовал отшутиться тот.

Оставшись один, он быстро зашагал в сторону своего посёлка. А в небе прямо надо ним разгоралось северное сияние. Генка шел, запрокинув голову, какое-то время, потом, продолжая любоваться, машинально присел на лежащее на его пути дерево….

…. Он никак не мог сообразить, откуда доносится этот смех, похожий на звон колокольчиков, что вешают оленям на шею. Да это же смеётся Энэкэ!

Только в этот раз смех её был жалобным и в то же время просящим, вроде что-то ему от Генки было нужно, но что, он силился и всё никак не мог понять. И тут он открыл глаза и испуганно вскочил …. Оказывается, он уже спал! Колокольчиков уже не было слышно, небо было серым и неприветливым то ли – в предутренних сумерках, то ли – от белой полярной ночи. Потеряв вдруг ориентацию и озираясь, в какую сторону идти, увидел в просветах между заснеженными лиственницами вроде как женскую фигуру. Была она вся в белом и плавно удалялась, будто плыла по воздуху. Генка быстро, как мог при уже коченеющем теле, побежал в её сторону, понемногу согреваясь и приходя в себя. Проскочив таёжный массив и выбежав на открытое пространство, он никого впереди не увидел. Перед ним лежало лишь белое заснеженное поле, за которым чернел его посёлок.

Придя в гостиницу, Генка нашел в своей комнате лишь Витьку Зыкова, лежащего на койке и ещё поющего арии, да на полу - кучу пустых бутылок. Здесь тоже, видимо, недавно закончилась встреча Нового года. Валеркина койка была непривычно пуста. Генка помазал свои сильно помороженные в ту ночь нос и щеки из всегда стоявшей наготове баночки с гусиным жиром и лег. Уже засыпая под Витькины то пение, то бормотание, неожиданно услышал от него осмысленное: «У…у…чего тебе?.. чего тебе?» Генка приоткрыл глаза… между его и Витькиной койками чётко просматривались очертания женской фигуры в белом. По мере того, как он всё шире раскрывал глаза, фигура быстро увеличивалась в размерах, а затем, оторвавшись от пола, ушла в потолок. Стало как-то не по себе. И чтобы услышать хотя бы чей-то живой голос, Генка громко спросил:

- Витёк, ты чего?

- Да вот, какая-то женщина… вся в белом … подходит и шарит, шарит по койке…

2010г.

Люди
любовью
живы

* * *

Люди любовью живы.
Живы любовью светлой,
Бурною, как разливы,
Страстною,
безответной.
Люди любовью живы.
Ей имена давая,
То назовут «несчастливой»,
То изрекут «неземная!».
Только все лишне это,
Нас многословье губит.
Просто, как вспышка света:
Любит - не любит,
Любит - не любит,
Любит!..

ЗАЧЕМ?

Ты старалась меня завлечь,
Ты поила меня дурманом
Ослепительно белых плеч,
Удивительно гибкого стана.

Но зачем? Что дало тебе
Роковое мое плененье?
Что я значил в твоей судьбе
Средь всеобщего поклоненья?

То ль несла как священный дар,
То ли просто в любовь играла...
Я тушил, я тушил пожар,
Ты опять его раздувала.

Но зачем? Или знала ты,
Что еще в полудетских грезах
Мне являлись твои черты
И все звал гудок паровоза?

Что и после, в чужих краях
Все мне грезился образ тайный…
Я совсем, совсем не случайно
Оказался в твоих сетях.

Но зачем?..
Вот уже слетел
Ветер зимний с вершин холодных.
Я в объятьях его свободных,
Одиночество - мой удел.

* * *

Говорил любимый
Три коротких слова,
Я ему поверить
Уж была готова.

Я ему ответить
Уж была согласна,
А он взял и сгинул-
Будто в воду канул.

С мыслью об измене
Не хочу мириться –
Не могла ж так просто
В нем я ошибиться!

Лишь с одним исходом
Соглашусь заранее:
Что его забрали
Инопланетяне.

НЕ УНИЖАЙТЕ ЛЮБОВЬ!

С девой ли юной,
В любви простодушною,
С женщиной страстной ли
Зрелых годов,
С самой строптивою,
С самой послушною,
Не унижайте любовь!
Вспыхнет строптивая...
В гордом сознании
Непогрешимости - тайна греха.
Губы послушной
Вольются признанием
В светлые строчки стиха.
Только стихом ли,
Строкой заповедною,
Сладкою грезою тающих снов,
Легкою вы не кичитесь победою,
Не унижайте любовь!
Голос дрожит
И трепещет в смятении:
«Любишь? Не любишь?
Лишь правду скажи!».
Может проститься и ложь во спасение,
Если спасенье во лжи.
Только расставшись
С былым по-хорошему,
Память потянется к старому вновь…
Верностью прошлому,
Ревностью к прошлому,
Не унижайте любовь!
Не унижайте!
Не рвите заведомо
Тайных предчувствий незримую нить,
Если уж всем нам
Любить заповедано,
Всем и любимыми быть.
Только когда
Вдруг придет, как прозрение,
Тщетность - мольбы,
И напрасная - боль,
Не уповайте вы на снисхождение,
Не унижайте любовь!

* * *

Не сходило будущее
С пьедестала.
Обмануло будущее –
Прошлым стало.
И лишь ты, единственная,-
Без обмана,
Как звезда таинственная
Из тумана.
Все горишь, немеркнущая,
Тихим светом,
И ты вечно будущая
У поэта.

* * *

Друг у друга не спросим.
Кто и в чем виноват.
В нашем городе осень
Шьет себе уж наряд.

А за городом ивы
Притулились к пруду.
Без тебя, мой ревнивый,
К ним теперь я иду.

И, желтея, покосы
Льнут к угрюмым стогам,
И обильные росы -
По осенним лугам,

И знакомо до дрожи
Мне кричат журавли.
Без тебя, мой хороший,
Я машу им с земли.

Ты, наверно, уж бросил
Обо мне вспоминать...
Ах, зачем в эту осень
Ты мне снишься опять!

СОВЕТ МУДРЕЦА

«Чтоб подольше прожить,
И чтоб дольше любить,
Сохраняя цвет юный лица,
Что важней из всего,
Чтоб добиться того?», -
Я однажды спросил мудреца.
И на это в ответ
Я услышал совет:
«В этом деле не очень мудри!
Ты на струи воды,
Ты на зелень травы
И на женщин почаще смотри».
И спросил я тогда:
«Но зачем мне вода?
И зеленый зачем травостой?
Если сердцу мила
И смугла иль бела
Будет женщина рядом со мной?».
И опять мой мудрец
Не ломал головы,
И был кратким ответ его вновь:
«Без текучей воды,
Без зеленой травы
Не займется и - в сердце-любовь».

МАТЬ-ОДИНОЧКА

Говорят:
«Забудь – и все дела!»
- Забывала, да не тут-то было!
Говорят:
«В подоле принесла».
- Что же делать, коли полюбила!
Говорят: «А если вековать
Матерью - придётся – одиночкой?»
- Мне любви моей не занимать –
Очень на отца похожа дочка.
Говорят:
« Не лучше ль было бы –
В интернат, приют и всё такое?»…
- Боже правый! От такой судьбы
Упаси дитя моё родное!

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБИЛА

Говорил: не мила!
Говорил, чтоб забыла!
Только я все ждала,
Потому что любила.
И звенела капель
Дней весенних примета,
В соловьиную трель
Одевалося лето.
И ромашки цвели,
О тебе все гадали,
И в осенней дали
Журавли пропадали,
И метель вновь мела,
И поземка кружила...
Только я все ждала,
Потому что любила.

* * *

То смотрела в упор из-под черных ресниц,
То лукаво глаза отводила.
И не ведал я снам и восторгу границ,
Но зачем это было?

Нам с тобою всю ночь
пел взахлёб соловей.
До утра надрывался дурила!
И была ты со мной.
И была ты моей.
Но зачем это было?

Восходила звезда
и сгорала звезда -
Яркий по небу след прочертила.
Предрассветною мглой
ты ушла навсегда.
Но зачем это было?

ЗАКАТ

Закатом небо окрасится
И выдастся ночь звездная,
По тонкому льду занастится
Дорога моя поздняя.
На том берегу устало
Затихнут печальные звуки,
И так, вдруг покажется, мало
Твои целовал я руки.
Не все мы судьбой обласканы,
Надеждами грезим новыми…
Закат догорает красками
То синими,
То лиловыми.

«КАТЯ, ПРОСТИ!..»

На тротуаре –
не соскрести! –
Краскою,
будто векам трубя,-
Надпись, как вспышка:
«Катя, прости!
Очень я сильно
люблю тебя!»

В доме большом
за каким окном
Скрытый от взоров
объект мольбы?
Мнится прохожим:
в крике немом
Боль – осознанье
чьей-то вины.

Кто виноват?
Провинился – в чем?
Надпись по камню –
в аршин строкой.
Может быть, сам
пред собой обличен,
Вынес мальчишка
на суд людской,
Что не могло
уж сердце вместить,
Равно – ликуя или скорбя?..
Город читает: «Катя, прости!
Очень я сильно
люблю тебя!»

* * *

Любить - не недуг, недуг - не любить.
Я, кажется, серьезно занедужил:
Спит образ твой в канве осенних кружев…
Да что теперь об этом говорить!

Я занемог. Такие вот дела.
Все реже снится мне твой профиль, тая.
Не знаю, то ли выдумал тебя я,
Иль ты и вправду у меня была?

Не говори - тебе я изменил.
Пусть за измену платит в жизни каждый,
Но кто любил не больше, чем однажды,
Тот и однажды, может, не любил?

Судьбу мне есть за что благодарить,-
Одна твоя любовь что только стоит!
Я мог бы быть любви твоей достоин...
Да что теперь об этом говорить!

ВСТРЕЧА С ПЕРВОЙ ЛЮБОВЬЮ

Что в юности не сладится,
С годами все загладится.
Покажется смешной былая боль.
Но если вдруг замкнется круг,
То, может быть, придется вдруг
Вам встретить вашу первую любовь.

И сладостный до горечи
Далекий образ девичий
Подступит, как накатная волна.
И скроет вас, теперешних,
На миг от будней нынешних
Воспоминаний сладких пелена.

Коль пелену не скинете,
В любовь сыграть рискуете.
Но если и продолжится игра,
Другую вы обнимете.
Другую поцелуете,
С другой умчитесь в юность до утра.

И будет столько горести,
И будет столько нежности
В ее ответном запоздалом "да"!
Но где-то одинокая
Далекая-далекая
Погаснет в небе яркая звезда.

ЖЕНЕ

Приду, а дома - никого.
Такая жалость!
Ты на работе вновь того...
Подзадержалась?
Никто, конечно, не ворчит.
Никто не ахнет,
Но и в кастрюлях - не шкворчит.
Ничем не пахнет.
И вспомню все твои зараз
Я прегрешенья.
Учти, не будет в этот час
Тебе прощенья.
Вчера меня ты ни за что
Вдруг обругала,
Я не бросал свое пальто
Куда попало.
Друзья недавно в гости нас
К себе позвали,
Из-за тебя на целый час
Мы опоздали.
И если уж на то пошло,
Сказать не меньше,
То вообще: на свете зло
Все - из-за женщин.
Но ты придешь к исходу дня,
Пальтишко сбросишь,
"Ну что ты ел тут без меня?"
Устало спросишь.
И гнев, что в сердце накоплю,
Сменю на милость.
Я все равно тебя люблю,
Что б ни случилось.

НА ЛЫЖНЕ

День к закату близится.
День к закату клонится.
Лыжный след чуть видится –
Снегом след заносится.

А в полях за городом
Ветрам – своеволие.
А в лесу за городом –
Белое безмолвие.

По лыжне наезженной
В лес с тобой углубимся,
Елочкой заснеженной
Станем - полюбуемся.

Станем – полюбуемся,
Вдоволь нацелуемся.
На лыжне наезженной
Как пить дать заблудимся.

ЖЕНЩИН НЕКРАСИВЫХ НЕ БЫВАЕТ

Не смотрись ты в зеркало (обманет!),
Над самой собою суд верша.
Женщин некрасивых не бывает,
Коль красива у неё душа.
Ты не сетуй, глядя на смазливых,
Дескать, красота твоя – не та!
Женщин не бывает некрасивых,
Коль душа вся светом залита.
И пускай пока не понимает,
Он ещё поймёт, к тебе спеша:
Женщин некрасивых не бывает,
Коль красива у неё душа.

* * *

Узором в снежном домике
Казались мне
Цветы на подоконнике
  В твоём окне
Но время мчит, проворное,
И – тот же дом –
Рассада помидорная
В окне твоём.
Иду и чуть досадую:
А где ж цветы?
Над ящиком с рассадою
Колдуешь ты.
Глядишь, как семя-зёрнышко
Идёт в росток,
Сама под вешним солнышком
Ты, как цветок.
И лучик солнца ласковый –
Ах, озорник!
К прикрытой чуть халатиком
Груди приник.
И вся насквозь желанная,
  Врываясь в сны,
Поёшь, как пташка ранняя
Приход весны.

НАД РЕЧКОЮ ВОРСКЛОЙ

Останется все, как было:
И бор в соловьиной поре,
И луг (по нему ты ходила),
И храм — на высокой горе.
И будто в былинной были
Припомнятся те места:
Над речкою Ворсклой плыли
Узорчатых два моста.
Облокотясь на перила,
О чем-то грустила ты...
О чем ты тогда грустила
Средь этакой красоты?
О том, что среди фонтанов,
Беседок чудных и роз
Там тайная есть поляна,
Где встретиться нам пришлось?
Что люди всегда расстаются?
Что нам — друг от друга вдали —
Захочется вновь вернуться
В тот райский угол земли?
И будет там все, как было:
Тот бор в соловьиной поре.
Тот луг (по нему ты ходила),
Тот храм - на высокой горе.

* * *

В этот мир, где живу,
я бы сжег все мосты,
Чтоб оставить в нем все свои горести
И завеяться прочь от людской суеты -
От насилья,
обмана
и подлости.
Чтоб в такой оказаться
безлюдной глуши,
Где не пахнет совсем человеками,
И чтоб было лететь
до ближайшей души
Световыми годами,
парсеками.
Может статься, что там
я обрел бы покой,
Только в вечном просторе
безмолвия
Буду вечно я бредить
любовью земной,
Буду грезить земною любовью я.
Ради этой Любви,
ради этих минут,
Что не знать мне в межзвездной
«идилии»,
Возвращаюсь туда,
где пускай меня ждут
Ждут и подлость, и ложь, и насилие.

* * *

Ну что ж, пускай!
Пускай мой час пробьет.
Ведь жизни,
разобраться если строго,
Одна любовь лишь смысл и придает.
Но мне уж к ней
заказана дорога.
О нет, не та любовь,
совсем не та,
Что ведает святой или
блаженный!
Она чиста, как заповедь Христа,
Да не по мне сей дар благословенный.
Но - та любовь, когда -
пожар в крови.
Когда в Ней все:
походка,
стан ли,
груди-
Всё жертвы ждет -
от сладких мук любви
До головы Крестителя на блюде.
Но - та любовь,
когда ты в самый раз
Уже бежишь ее, как
наважденья.
От губ её,
От рук её,
От глаз.
И молишь, чтоб - забыть,
и нет забвенья!
Но - та любовь,
что, как ладью несет
И разбивает в щепки о пороги,
Так и тебя -
ничто уж не спасет!…
Но мне уж к ней
заказаны дороги.

* * *

Будет так: подует с юга ветер,
Свет с небес
 прольётся голубой.
Будет так:
  на всём на белом свете
Мы одни окажемся с тобой.

И, полны весеннего восторга,
Побегут к нам вешние ручьи
И за холод зимний
                будут долго
Извиненья приносить свои.

И для нас
          подснежником протает
Еле видный след твой на лыжне.
Будет так, ты мне
                поверь, родная,
Так всегда бывает по весне.

ВСЁ НАМНОГО ПРОЩЕ ОКАЗАЛОСЬ

Ты ушел с другой, а я смеялась,
Хоть казалось: вынести нет сил.
Все намного проще оказалось,
И другой тебя мне заменил.

С ним себя я чувствую не хуже,
В нем твоих я не ищу примет.
Все намного проще, и к тому же
Мне теперь уж не 16 лет.

Припев:
Проще жить - наугад.
Проще верить – впригляд.
И смотреть на любовь, как - простуду.
Я опять полюблю и опять разлюблю.
Полюблю, разлюблю и забуду.

Я тебе признаться так боялась
Даже в снах и в чем вверялась им.
Все намного проще оказалось,
Только - не с тобою, а с другим.

И теперь, когда пройдешь ты мимо,
Я лишь с легкой грустью повторю:
"Все намного проще, мой любимый!"
И ни в чем тебя не укорю.

КОРОЛЕВА

Всю ночь с крыш капало и капало,
А утро вышло – на мороз.
Всю ночь проплакала, проплакала –
Никто не вытер её слёз.

И утром шла порошей белою –
Для грусти не было причин!
Шла и держала королевою
Себя под взглядами мужчин.

И счастье было где-то около,
Надежда била через край…
С чего-то сердце сладко ёкало,
И день кричал: «Не унывай!».

УКРАДЕННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Думал я, не сбылось,
Не сбылось роковое пророчество,
Что дано одному
Завершать мне виток моих дней:
Я же был не один,
Со мной было мое одиночество -
Самый преданный друг,
Верный спутник печали моей.

Хоть казалося мне -
Ты не вышла еще из отрочества:
Так была молода! -
Словно ранняя зелень полей.
Но ко мне ты пришла
И украла мое одиночество
Вязью умных речей
И точеной фигуркой своей.

Ты пришла и уйдешь...
Потому что без имени-отчества
Тот таинственный знак,
Что в моей ты черкнула судьбе.
Только как же теперь?
Как вернуть мне мое одиночество?
Если в доме пустом
Сладко грезится мне о тебе.

НИКОМУ НЕ ОТКРЫЛ...

Затворил я себя
в свой мирок-уголок,
Заключил будто в крепость-тюрьму.
Сам навесил замок,
сам отсиживал срок,
Никому не открыл, никому.

Затевали друзья
под окном хоровод,
Колыхались лишь кепки в дыму,
И мелькали платочки
у самых ворот -
Никому не открыл, никому.

Но однажды тебя увидал я
в «глазок»:
Будто светом прорезало тьму!
Ладил ключ я к замку -
заржавел уж замок...
Никому не открыл, никому.

НЕТ У ЛЮБВИ НАЧАЛА

Знаю, в любви зачало
Нас бытие Творца.
Нет у любви начала.
Нет у любви конца.

Зову людскому внемля,
Вечно - светла и чиста -
Сходит любовь на землю
В облике Сына, Христа.

Только - опять распята!
И воскресает вновь
В мире, пожаром объятом,
Птицею феникс любовь.

Нет у любви начала.
Нет у любви конца.
Молят вернуть им Сына
Люди Бога Отца.

В краю родном

В КРАЮ РОДНОМ

Тополя, березки, клены,
Песня жаворонка в поле...
В край свой по уши влюбленный,
Я язычник поневоле.
Там за городом, где тесно
От цветов ветрам-гулёнам,
Лес аверинский мне - место,
Где творил бы я поклоны.
Я у дуба, что-над кручей,
Об одном лишь попросил бы:
Дай мне силы, дуб могучий!
Дай твоей, о дуб, мне силы!
Я в кругу березок-свечек,
Чтоб их светом беспечальным
Вечно край мой был отмечен,
Справлю танец ритуальный.
И, к востоку обратившись.
Протянул бы к солнцу руки.
К золотому диску солнца
Протяну в мольбе я руки.
И с молитвой пожелаю
Я в судьбе моей гонимой
Счастья Губкинскому краю,
Белгородчине родимой.

ТЫ СУДЬБЫ МОЕЙ РОДНИК

Когда за дальними холмами
Ночь приподымет свой покров,
И утро с первыми лучами
Срисует контуры копров,
И волны света заструятся,
Я, как уж много лет подряд,
В любви своей хочу признаться
К тебе, родной мой комбинат.

Припев:
Первенец нашей славы, крепко с тобой я связан.
Гордость отцов и дедов, берег надежд моих.
Губкин, мой город светлый, жизнью тебе обязан,
Как же не быть достойным славных отцов твоих!

Я к ним привязан дружбой братской,
И, если горе припечёт,
Всегда в семье моей горняцкой
Подставят крепкое плечо.
И этой дружбою согретый,
Спускаюсь с ними я в забой.
И рвутся к солнечному свету
Скипы с железною рудой.

Когда ж за дальними холмами
Лучи заката догорят,
И вновь засветится огнями
В ночи родной мой комбинат,
И твердь земная содрогнётся
От взрыва в рудной глубине,
Тот гул подземный прикоснётся
Дыханьем Родины ко мне.

РОДНЫЕ МЕСТА

Забреду в поля - дубравы -
Ширь без края и конца!
Словно чай, на майских травах
День настаивается.
А на ближнем перекрестке,
Будто впрямь из-под венца,
Две невесты - две березки
Перешептываются.
Да стоят дубки-дубочки,
Приосаниваются,
А цветочки - василёчки,
Знай, раскланиваются.
Присоседиться - непросто!
Хоть напрашивается.
Рожь, что девочка-подросток:
Выколашивается.
Ветерками-гребешками
Все причесывается.
Столько солнца над полями -
Аж расплескивается!
Лес да поле. Да опушка.
Сердцем впитываются.
Да года мои кукушкой
Все отсчитываются.

КРАЙ ГУБКИНСКИЙ

Шла схватка за руду.
Хоть был разведан,
Но брался каждый горизонт «в штыки».
Край Губкинский!
На пьедестал победы
Взошли твои шахтёры-горняки!

Когда фашистской нечисти запало –
В который раз!- пойти на Русь войной,
Край Губкинский!
Ты дал стране немало
Защитников земли своей родной.

И так всегда:
за мирными ль трудами,
Во дни ль невзгод,
что испытать дано,
Край Губкинский!
Своими сыновьями
Тебе в веках гордиться суждено!

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Ю.Н.Жилину

По штормящему морю
Средь бурунных пучин
Мы плывём, исчезая
Один за другим.
И я тоже со всеми
Всё плыву и плыву,
Но всё чаще и чаще
Ухожу под волну.
Мне б до лодки добраться,
Мне бы в руки весло!
За любимое б взяться
Мне своё ремесло!
В тихой гавани, может,
Я обрёл бы покой,
Только кто же поможет
Средь стихии морской?
Круг уже обозначен
И очерчен,… но вдруг
Бросил ты наудачу
Мне спасательный круг.
И теперь вот я в лодке
Средь пленительных дев.
Полюбил я их кроткий
Сладкозвучный напев.
Вышли каждая статью,
Красотой и умом.
Кто рождён для объятий,
Быть непросто гребцом.
Но плывут они дружно
Под команду твою,
Тебе лодка послушна
И подвластна рулю.
В паруса твои бьётся
Ветер свеж и упруг…
А при мне остаётся
Твой спасательный круг.

1998г.

В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Встану пораньше
(хоть мог бы понежиться!),
Выведу велосипед.
На занавесках оконных прорежется
Четкий жены силуэт.

Распорядиться своею свободою
Я захочу по-уму:
Еду, любуюсь родною природою
Да на педали всё жму.

Справа по ходу
«Журавлики» тянутся,
Слева – поля и поля...
Как я люблю тебя, богоизбранница,-
Губкинской славы земля!

Пусть ты не блещешь
красотами южными,
Скромен, но мил твой «прикид».
Глянешь –
и станут слова все ненужными,
Сердце лишь сладко щемит.

День увенчает закат
догорающий,
Велосипед – на прикол!
Спросит с порога жена понимающе:
Что ж, мол, хоть душу – отвел?

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ ЗЕМЛЯКАМ

Я сегодня желаю
Лет на много вперёд,
Чтоб в моём рудном крае
Жил безбедно народ.
Чтобы те, кто владеет
Нынче нашей рудой,
Поделились со всеми
И, конечно, со мной.
А ещё пожелаю
Я моим землякам,
Чтобы земли их тоже
Не прибрали к рукам.
Чтобы не было хода
Олигархам-панам.
Чтоб из планов народа
Президентский зрел план.
И чтоб всем нацпроектам
Был счастливый итог,
А не «сдохли» б моментом,
Как мой ваучер «сдох».
Чтобы всяк в новой Думе
О народе радел,
Меньше было бы шума,
Больше было бы дел.
Чтоб в коррупции не был
Кто из них уличён,
Ну а если случится –
Был к суду привлечён.
Но что будет, то будет,
Значит, так тому быть…
Никогда не убудет
Нас Отчизну любить.

ЛАПТА

Школьники-отроки.
Зелено-молодо.
Судьи и тренеры.
Первенство города.
Мячик взмывает к стрижам в высоту.
Школа на школу - бьются в лапту.

И стадион им – арена для доблести.
Вон, кто-то мчится на «бешеной»
скорости,
Вот-вот засалят… но – мимо! Впросак!
Ветер запутался лишь в волосах.

Удалью каждый
кипит беззаветною,
Каждый – с командой.
И грезит – победою.
Но обойти все ж поди-ка сумей
Первую школу пятый лицей!

Школьники-отроки!
Зелено-молодо!
Юность прекрасная
Губкина – города.

У ВХОДА В ПОЛИКЛИНИКУ

У входа в поликлинику –
Широкая ступенечка.
Стояла на ступенечке,
Покуривая, девочка.

Сама – почти, как деточка,
Хотя уже - «с животиком»,
Играла сигареточкой,
Кривясь красивым ротиком.

Курила с наслаждением
И с видом вызывающим,
Что, мол, плюет на мнение
Она всех окружающих.

Но мимо шли прохожие
И, по делам спешившие,
Лишь взгляды осторожные
Бросали на курившую.

ДЕВОЧКИ МОИ...

До забвенья, до слез
я люблю город свой.
Все мне, всё в этом городе нравится!
Он и сам небольшой,
и народ в нем простой,
Только... девочки матом ругаются.

Я хожу по нему,
мои мысли чисты,
Будто город мой в них отражается,
И по скверам цветы
ну, такой красоты!
А вот девочки - матом ругаются.

Я бы к ним подошел,
я у них бы спросил:
«Что ж вы, девочки, матом ругаетесь?
Вдруг с приданым таким -
Боже вас упаси! -
Вы мальчишкам
своим разонравитесь?!»

Я люблю город свой
до волненья, до слез.
Все мне, все в моем городе нравится!
Я к нему всей душою,
всем сердцем прирос,
Жаль вот, девочки матом ругаются.

* * *

Я ошибся в себе.
Понимаете, я ошибся!
Думал, встану с зарей
И в неравной борьбе устою.
Но опять оплошал,
Я опять с новой подлостью сшибся
И ушел, уступив
И баюкая совесть свою.
Говорил я ей так,
Своей совести так говорил я:
"В этом мире жестоком
У тебя я напрасно в плену".
И назвал доброту
Я пособницей лжи и насилья
И свои неудачи
Я ей тоже поставил в вину.
Я ошибся в себе.
Понимаете, я ошибся!
И теперь вот кричу:
"Кто безгрешен - брось камень в меня!.."
В догорающем дне
Неба краешек алым прошился:
Шьется новый узор,
Шьется утро для нового дня.

ПАРОЛЬ В ЮНОСТЬ

Жиряковой С.Н.
и всемвыпускникам Старооскольского геологоразведочного техникума.

В Старооскольском ГРТ
Мы все учились
И всяк по-своему стране
Своей сгодились.

Мы разлетались кто куда,
В такие дали!
Нас вертолеты иногда
Лишь доставали.

И мы мужали в тех краях,
Порой седели…
И пусть не все в своих трудах
Мы преуспели.

Пусть изменяли мы себе,
Черствели сердцем…
Мы все твои, наш ГРТ,
Единоверцы!

И коль сведет с кем случай нас
Вдруг на чужбине,
Тебя мы вспомним, ставши враз
Навек своими.

Ты, как священный наш тотем,
Хранящий мудрость!
Старооскольский ГРТ –
Пароль наш в юность.

ИМЯ, О РУСЬ, ДА СВЯТИТСЯ ТВОЁ!

Под городом Губкином –
бури магнитные…
Всё мне мерещится былью седой:
Где-то в степях,
на Руси на молитвенной
Бьётся мой предок с Ордой Золотой.
Не одолеть эту силу поганую.
То-то слетится на пир вороньё.
И,- словно вздох
за смертельною раною:
Имя, о Русь, да святится твоё!

Всё мне мерещится: голод, разруха,
Храмы – в руинах и хаты – в огне.
Белый ли, красный ли –
дед мой Илюха
Сходится с братом
в гражданской войне.
Мать, как поделишь любовь
меж сынами
В смертный их час?
Если миг настаёт –
Оба к тебе припадают губами:
Имя, о Русь, да святится твоё.

Всё мне мерещится:
где-то за городом
Снова вовсю серебрится ковыль…
Ах, эта заповедь в мире расколотом!
Старая заповедь – новая быль.
Вздохом последним
с последнею битвою,
Криком младенца,
что жжёт бытиё,
Каждой строкою
и с каждой молитвою:
Имя, о Русь, да святится твоё!

ГУБКИНСКИЙ ВАЛЬС

Речки, поля, дубравы,
Пажити отчие –
Край мой горняцкой славы
На Белгородчине.
Губкин, родной мой город
Светлых надежд и снов!
Ах, как ты молод
В зелени рощ и садов!

Утро затеплит рано
Алую горсть лучей
Над куполами храмов,
Кронами тополей,
Губкин, родной мой город
Светлых надежд и снов,
Ах, как ты молод
В золоте куполов!

За Оскольцом – за речкой
Вновь соловей поёт.
Милую друг сердечный,
Сладко вздыхая, ждёт.
Губкин, родной мой город,
В наших сердцах живи!
Ах, как ты молод
Город моей любви!

САПРЫКИНСКИЙ ВАЛЬС

Власову П.И.- руководителю
ансамбля «Рассыпуха»

Там, где по лунным дорожкам
Месяц свой путь серебрит
И, приникая к окошкам,
Прячется в тенях ракит,
Дремлет ночная округа,
Томно вздыхая во сне.
Только поёт «Рассыпуха»,
Или то чудится мне?

Припев:
Пой, «Рассыпуха»! Пой, «Рассыпуха»!
Песни свои рассыпай в добрый час.
Выйди, подруга! Выйди, подруга,
Слушать «Сапрыкинский вальс»!

Скрипну притихшею дверью –
Ждать тебя нет уже сил.
Я никому не поверю,
Что ты меня разлюбил.
Сыплет метель-завируха
Белой черёмухой в ночь.
Что ж ты, моя «Рассыпуха,
Сердцу не хочешь помочь?

ОСТРОВ «ГИ МГОУ»

Гимн Губкинского института МГОУ

Ветром надежды
пусть парус наш полнится,
К дальним плывем берегам.
Остров «ГИМГОУ» - студенчества вольница,
Будешь ты помниться нам.
Остров «ГИМГОУ» - святое содружество,
Племя пытливых умов.
Крепнет здесь воля
и зреет здесь мужество,
С верностью дружит любовь.

Припев:
ГИМГОУ! ГИМГОУ!
К дальним плывем берегам.
ГИМГОУ! ГИМГОУ!
Смело навстречу штормам.
ГИМГОУ! ГИМГОУ!
Домом своим ты зови
Остров содружества,
Знаний и мужества,
Песен и верной любви.

Ждут нас заводы,
ждут шахты с карьерами,
В грязь не ударим лицом!
Станем достойными мы инженерами,
Гордостью наших отцов.
Знаем, отдаст нам богатства несметные
Железорудный наш край.
Знамя ГИМГОУ ты в зори рассветные
Выше, студент, поднимай!

КЛИЧ ПИОНЕРОВ

Девизов много знал по жизни я.
Я пережил их. Так переживают
Родных, друзей… Мне Родина моя
Вручала их,
        как, может быть, вручают
Напутствие на бой.
Но из глуби годов
Один особо в сердце отдается:
На «Будь готов!»
        я был «Всегда готов!»
За счастье за народное бороться.
И пусть по-детски
                мнил свою я роль –
Великой миссии легионера,
Во мне он и поныне, как пароль,
Клич, на святое звавший пионера.
Но – новый клич –
                примета новых дней.
Надеждами на них не обольщайтесь,
Пока на горле Родины моей
Смертельной хваткой клич
                «Обогащайтесь!»

МЕЖ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Козловой Н.Н.,
редактору городской газеты
«Новое время»

Всем взяли Вы: фигуркой безупречной,
Веснушками,
недюжинным умом.
Но Вы газете преданы навечно
И думаете, может, лить о том,

Чтоб в час любой и при любой погоде
Читателю и времени быть «в масть»:
Трудясь со «властью»,- думать о народе,
Идя в народ,- не забывать про «власть».

Власть и народ...
С газетою своею
Меж ними Вам, чай, нелегко рулить.
И, может, легче было Одиссею
Меж Сциллой и Харибдою проплыть.

Но Вы плывете - с пользою для дела!
Что ж, дай Вам Бог и дальше так держать!
А Ваше «Время Новое» созрело
Уже к тому,
чтобы медаль ей дать.

АВАРИЯ В ШАХТЕ

Горноспасателям

Звонком телефонным взорвётся на вахте:
«Авария в шахте! Авария в шахте!
Обвал!
Затопленье!
Пожара угроза!
Метана на вдохе – смертельная доза!»
И прерван ток жизни в разъятом контакте –
Авария в шахте! Авария в шахте!

Спасателям – ровно минута на сборы.
Туда, где – стихия!
Там люди!
Шахтёры!
Быть может,- под током!
В дыму!
Под завалом!
Быть может, отрезаны огненным шквалом!..
Забиты породой, заилены «лазы»,
И тянет по штреку удушливым газом…

Уходит вперёд и вперёд отделенье.
В них – чья-то надежда и чьё-то спасенье.
Но – выброс внезапный!
Но – смерч камнепада
По кругу девятому Дантова ада!..

Отмечены будут ребята, наверно.
Но кто-то – посмертно.
Но кто-то – посмертно…

МАРШ ГУБКИНСКИХ СПОРТСМЕНОВ

День займется над новой Россией,
Губкин славы примерит венец.
Неба купол над ним - синий-синий!
И под куполом - чудо-Дворец.
Гости знатные в нем соберутся:
Кто отважен, стремителен, юн.
И приветные речи взорвутся
Оглушительным ревом трибун.

Припев:
Губкинец! Славен твой путь трудовой!
Ты ж - и спортсмен, и воин.
Крепко в борьбе за победу стой!
Будь земляков достоин!
Пусть на трибунах гремит "Ура!"
Дети шахтерской славы,
Мы ведь не только творить мастера,
Но и - рекорды ставить.

Мы с высокой мечтою сдружились.
От фортуны подарков не ждем.
От вершин, что вчера покорились,
Завтра к новым высотам придем.
Город Губкин! Все краше и краше
Алых зорь над тобою лучи.
Так цвети же ты, молодость наша!
Громче песня о дружбе звучи!

НА КОРАБЛЕ

Неслась гроза. Средь грома канонады,
У волн в плену
Большой корабль остался без команды
И шел ко дну.
И только лишь оставшаяся горстка
Гребцов лихих
Отчаянно держала на подмостках
Удар стихий.
Корабль трещал по швам от урагана,
Рвались шканты...
Уверенно на мостик капитана
Поднялся ты.
И занял свое место у штурвала
В виду у всех.
И долгожданная команда прозвучала:
«Свистать наверх!»
И вот уже от слаженных усилий
Светлее даль,
И вновь плывет просторами России
Большой корабль.
Он слаб еще от вмятин и пробоин,
Не та уж прыть,
Но есть гребцы, и капитан спокоен,
Чего ж не плыть!
И, одинокие минуты роковые,
Средь бурь и скал,
Устав в борьбе с разнузданной стихией,
Я к ним пристал.
В надежде, что в краю обетованном,
Где строят Русь,
Лихим гребцам
с надежным капитаном
Я пригожусь.

ПАМЯТИ А.С. МОСКАЛЁВА

Скромно жил -
и скромно проводили:
Тихо шли за гробом вдоль дороги.
Улиц городских не запрудили,
Лишь цветы все падали под ноги.
Встретило село в молчаньи строгом.
Бабы из толпы попричитали.
Три рябины над родным порогом
В дом родительский все зазывали.
На краю заросшего погоста
Потужили и земле предали...
Просто жил - и схоронили просто.
Поминали - мудрым называли.

* * *

Ни от кого и ничего не надо,
Уж бы, казалось, в этой жизни мне.
И нет нужды, пусть, словом или взглядом,
Напоминать зачем-то о себе.
Уж я утешен истиной простою:
Беззвестность – благо, равно как и труд.
И сколько я на рынке славы стою,
Мой ум не озабочен.
Но живут!
Живут ещё во мне воспоминанья
Из юности затерянной моей!
Там зов дорог…. Там верный круг друзей.
И ты ко мне приходишь на свиданье.

РОДИНА МОЯ

Горе семье,
Чья становится дочь проституткою.
Горе вдвойне,
Если сын за тюремной решеткою.
Горе им, горе!
Но горе их малая толика
Против семьи,
Породившей на свет алкоголика.

Горе стране,
Самодура избравшей правителем.
Горе вдвойне
Где не чтут стариков и родителей.
Горе им, горе!
Но разве оно приравняется
К горю страны,
Чей народ беспробудно спивается!

Может и впрямь
От Иуды пророки сбываются?
Может и впрямь
На престоле Князь Тьмы воцаряется?
Дремлют пока
Моей Родины силы уставшие.
Где вы, князья?
Где вы, Русь от набегов спасавшие!
Глянь, по морям
Караваны судов колыхаются:
Груз для России!
Больная Россия спивается!
И пития
У границ ее горы не меряны,
И смертоносней ракет
На нее спиртовозы нацелены.

Горе стране,
Чей народ беспробудно спивается!
Только суда
Все плывут по морям, колыхаются...

* * *

Каждый день - всё новые
За окном проталинки.
Хочешь, поведу тебя
Завтра в лес «Журавлики»?
К таинству причастные
Дней весенних вестники,
Говорят, проклюнулись
Там уже подснежники.
Будет за туманами
Город ждать белесыми –
Скромных два букетика
Принесём из леса мы.
И в весенних запахах
Вдруг потонут улицы,
Открывайте форточки,
Дорогие губкинцы!
Скоро будут лужи вам,
Чтоб пускать кораблики…
Хочешь, поведу тебя
Завтра в лес «Журавлики»?

ЗА ТИХОЙ РЕЧКОЙ

Там, где за речкой Оскольцом,
Смыкая кроны,
Из ив сплетается в кольцо
Приют влюбленным
И тихоструйный Осколец
Им песнь воркует,
И счастья сладостный певец
В ветвях колдует,
Там тайны спят средь ив густых.
И есть там место,
Где мы с тобою - не жених
И не невеста,
Но под журчанье легких струй,
Тая волненье
И рук, как робкий поцелуй,
Прикосновенье, -
Вбирали все: и трав настой,
И эти звуки,
Чтоб в стороне потом чужой,
С тобой в разлуке,
Мы не забыли, повзрослев,
Те ивы в мае
И тот, единственный, напев
Родного края,
Что все уносит в отчий дом
И в то местечко...
За тихой речкой Оскольцом,
За тихой речкой.

«Я ПОМНЮ УЛЫБКУ МАТЕРИ…»

Я помню улыбку матери -
Я был молодой и сильный, -
Она на меня смотрела,
В ней столько было надежды!

Я помню глаза любимой,
Как звонко она хохотала!
И так безутешно рыдала,
Когда я её покинул.

Друзей своих старых помню.
Из них уже многих нету...
Любви их ко мне - незаслуженной -
Ищу теперь оправдание.

* * *

Поздно просить у судьбы вдохновения:
Голос не тот, да и силы не те.
Все ж допою, допою тем не менее
Песню свою на последней версте.
Песня моя! Моя вера горячая.
Поздно играть мне с тобой в поддавки.
Поздно теперь уже переиначивать
То, что писалось мне с легкой руки.
Ветры вовсю зашумят над широтами,
Дали осенние вновь позовут.
Поздно!
Глухими таежными тропами
Уж не проляжет мой новый маршрут.
Волны забьются в веселии яростном.
Что ли и мне - загадать на "орла"?
Поздно!
Без весел,
с изломанным парусом
К пристани лодка моя подплыла.

* * *

На осеннем ветру
Горячил свою кровь, как на битву.
Тесен отчий был край -
я в леса уходил и в поля.
Так хотелось любить!..
А потом уходил я в молитву…
Отзвучал благовест.
И теперь ухожу я - в себя.

МОЙ ГУБКИН

Похвалы залихватской
Городам - целый ворох.
Губкин - город горняцкий
Мне по-своему дорог.
С ним мы вместе взрослели.
Нам военное детство
Картузы из шинели
Оставляло в наследство.
А еще оставляло
Скверы Павших Героев
И тоску от завалов
У шахтерских забоев.
Ах ты, Губкин, мой город,
Мой родной городишко!
Он давно уж не молод -
Тот ровесник-мальчишка.
Ты ж цвети неустанно!
Пусть шумят над тобою
Тополя и каштаны
Изумрудной листвою.

ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ

Пускай в нарывах гнева и протеста
Стихи мои им века не продлят:
Поэзии любви все меньше места
Там, где царит поэзия рубля.

Но может быть, устав от потрясений,
Прочтут меня в краю моих отцов.
Пусть скажут обо мне, мол, «не Есенин!»
Пусть скажут обо мне, мол «не Рубцов!»

Еще придет, придет он непременно
Певец родимых далей и любви.
Пусть перед ним коленопреклоненно
Замрут в восторге губкинцы мои.

Но чудному его напеву внемля
О крае, где и я когда-то жил,
Пусть скажут так: «Он любит эту землю,
Наверное, как Прасолов любил».

Сберегите память!

НО ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ…(ТРИПТИХ)

I

Ветерану Великой Отечественной

Вот и окончена повесть.
Отгрохотала война.
Повоевал на совесть,
Да и пожил сполна.
Вот и окончена повесть –
Годы взяли свое.
Вменится внукам в гордость
Дедово житие.
Вменится год тридцатый.
Вменится сороковой.
Вменится сорок пятый -
И – что пришел живой.
Годы разрухи вменятся
Послевоенных лет.
Молнией все ж прочертится
В небе Гагарина след.
В истине непогрешимый,
Ты ль, Господь, рассудил!? –
Был «Союз нерушимый»,
Был да куда-то сплыл.
Вот и окончена повесть –
Было б кому читать!
Новую повесть, то есть,
Внуки спешат начать.

II

Вдове солдата

А ведь было же счастье, было!
Будто легкое облачко плыло!
Будто солнышко в небе светило!
И кружила любовь, ворожила…
И баюкала деток, качала.
И любимого мужа встречала.
И подстреленной птицей кричала –
Разлучала война, разлучала.
И надеялась все, все молила,
Чтоб пришел он с войны, ее милый.
Похоронка, знать, опередила
Приходила с войны, приходила.
О, томление вечной разлуки!
Одиночества женского муки!
Уж давно стали взрослыми внуки,
И – дрожат и дрожат ее руки.

III

Все мне представляется такая картина. Из всех ветеранов Великой Отечественной войны останется на земле всего лишь один. В День ли Победы речи приветственные – для него, линейки торжественные – для него, и место самое видное в президиуме – тоже для него.

Но придет день и настанет час – последний день и час последнего ветерана на этой земле. И выйдет он навстречу угасающему закатному лучу и пойдет в закат, к сверкающим вдали и уходящим в небо вершинам, куда уже ушли все его товарищи. Еще громче и торжественней будут звучать за ним трубы, еще тесней и строже встанет караул у Вечного огня. Только покажется вдруг одиноко ему. И оглянется, и увидит вдруг тоже одинокую женщину, уходящую, как и он, в закат. И уйдут они вместе в сторону поднимающихся в небо и ослепительно сияющих в закатных лучах вершин – Последний Ветеран Великой Отечественной войны и Последняя Вдова погибшего в той войне мужа. А человечество вдруг ясно осознает и ощутит, как оно осиротело.

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти Коняева М.С.

Пусть суров и неласков наш век,
И чем дальше, тем - больше.
Ты живи, наш родной человек,
В этой жизни подольше.

Пусть войдёт в твоё сердце покой,
Отдохнут твои руки.
Ну а мы будем рядом с тобой –
Твои дети и внуки.

ПАМЯТЬ НЕ ЗНАЕТ ПОКОЯ

Гудит в сердцах набат,
Не знает память сна.
Хоть столько лет назад
Закончилась война.
Все отдаленней гром
С полей тех страшных
битв,-
Все горше в горле ком
От надмогильных плит.
Все радостнее гул
От праздничного дня, -
Все строже караул
У Вечного огня.
И словно соль в глаза -
Погибших имена…
Хоть столько лет назад
Закончилась война.

* * *

Женщинам – строителям железной
дороги Старый Оскол-Ржава

Кирка да лом,
Носилки да лопата -
Вот был, пожалуй, главный инструмент,
Которым так вы помогли когда-то
Сломать фашистской нечисти хребет.

От Старого Оскола и до Ржавы
Тех трудных вёрст не сосчитать и ста,
Но сколько вашей доблести и славы
В себя вместила каждая верста!

А вас – всё меньше…
Вас уже немного.
Уходите, как вас ни береги.
Вам памятник – железная дорога
В победных залпах
Огненной дуги.

ПО КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

По курской земле -
То поля, то дубравы,
На курской земле –
Соловьи на заре.
То холмик, то крест,
То Огонь
вечной славы –
По Курской дуге,
На курской земле.
Ещё не залечены
старые раны.
Россия, Россия,
Ты снова во мгле!
Но строятся храмы,
Но строятся храмы
По Курской дуге,
На курской земле.

СБЕРЕГИТЕ ПАМЯТЬ

Товарищам моего детства, имена чьих отцов выбиты на памятнике воинам-односельчанам в усадьбе совхоза «Лебединский»

Сберегите память,
сберегите!
В круг молчанья
бережно вступите.
Дайте слово тем,
кто не вернулся,
До победных дней
не дотянулся.
О застывшей юности
в граните
Сберегите память,
сберегите!
А в моём краю,
где мы взрослели,
Ах, какие снежные
метели!
Сколько ягод
поспевает в травах!
Сколько солнца
в хлебных караваях!
Край мой рудный,
мир твоим заботам!
Встанут утром люди
на работу.
В песнях птиц
ночные сны растают.
К ГОКам потечёт
река людская.
День как день.
И солнце…
Посмотрите!
Мой отец
израненный
в граните
встал на вечный пост
у поворота.
Я всё детство ждал
его прихода.
Я всю юность ждал
его прихода.
Мои дети ждут
его прихода.
Но всё глуше
лет тех канонада…
Сберегите память,
сберегите!
Было так:
шёл жаркий бой
за Витебск,
Шли бои под
Харьковом,
под Ельней,
Шли бои за край,
где мы взрослели,
Шли бои…
И на полях России
Умирал отец
за счастье сына.
И в края победные
рассветы
Вдовьими слезами
наполнялись,
В моём крае
оставались дети,
Сиротами дети
оставались.
Ведь пока побеги
Революции
Пробиваются
по всей планете,
На планете дети
остаются,
Остаются сиротами
дети.
Повторите клятву,
повторите!
Что вела отцов
в той страшной
битве!
К тем словам,
что высечены в
камне,
Прикоснитесь
тёплыми губами,
Чтобы не могли они
остынуть
В наших детях!..
И от сына к сыну,
И из года в год,
от века к веку
Будут становиться на
поверку
В строй отцы,
что не вернулись с
боя
Из-под Курска,
Минска,
Белополья…
До родного края путь
неблизкий,
И по всей России –
обелиски…
О застывшей юности
в граните
Сберегите память,
сберегите!

ДОЛГ СОЛДАТА

Н.Я.Чуеву

Свою он молодость когда-то
Пронёс дорогой огневой.
Он бил врага.
И долг солдата,
Казалось, выполнил он свой.

Но опыт Родины печальный
Ему теперь, на склоне лет,
Ложится в сердце изначально
Как на спокойствие запрет.

И страстной речью ль депутата,
Беседой чуткою ль с вдовой,
Его всё тот же долг солдата
Всё держит на передовой.

* * *

Смотрю на живых ветеранов:
В награду ль им жизнь эта долгая?
Иль то – боевое задание
От самого «Верховного» -
Служить чтобы напоминанием
Потомкам о мужестве павших?
Смотрю на живых ветеранов:
Их боевые награды
Уже их к земле пригибают.
Но слава - все выше возносит…

ОТКРЫТКА

Получала мать моя открытку
(В день Победы вдовы не забыты!)
По полям открытки - незабудки,
Штемпелем военным перевиты.
И письма заветный треугольник
На открытке высветлился болью.
Смотрит мама, памяти невольник,
Смотрит с тихой грустью и любовью.
Будто это весточка от мужа,
Что с войны той давней затерялась,
Что ждала, тоскою сны завьюжив,
Все ждала, да так и не дождалась.
И застыла мать с открыткой этой,
Опершись устало на подушку...
Молодой отец
глядит с портрета,
Все глядит на мать мою, старушку…

СОЛДАТСКАЯ ВДОВА

Матери моей, Прасоловой Пелагее Пантелеевне, посвящается

Не знала горя и обид
За мужниной спиной.
Но муж был отнят и убит
Проклятою войной.
И слово горькое «вдова»
Познала с юных лет,
И - будто изморозь легла
На яблоневый цвет.
Тащила непосильный воз,
Детишек берегла
И мужа до седых волос
Тайком от всех ждала…
Приходит в бликах янтаря
В край губкинский рассвет.
На бобродворские поля
Дневной ложится свет.
Там, за околицей села,
Одетая в гранит,
Как символ верности вдова
С детишками стоит.
И солнца жаркого лучи
У них над головой.
И светят звезды им в ночи
И месяц молодой.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Отцы на войне их погибли.
Росли, как былинки в поле,
Они без отцовской поддержки
И очень рано мужали.

Любовь, что копилась в их сердце,
На сыновей обратили.
Но те, возмужавши только,
Погибли в горячих точках.

Погибшим отцам их – слава!
Сынам их погибшим – слава!
За что же самим им только
Сиротство такое круглое?

«Колокола на храме…»

МОЛЬБА

Живу я под вечным небом,
И светит мне вечное солнце,
И' верю я в то, что вечна
Земля, на которой живу,
Что будут мои потомки
Над чистым склоняться колодцем,
И пить родниковую влагу,
И падать устало в траву.
Но если не вечно солнце!
Но если и вправду небо
Свернется обугленным свитком
И звезды на землю падут...
Прости им, прости, о, Боже!..
Потомкам моим, что не был
Я сыном тебе послушным,
Приблизив Твой Страшный Суд!

ВЛАДЫКЕ ИОАННУ

От имени выпускников
духовной семинарии

Жизнь во Христе обещает блаженство.
Этому Вы нас учили не раз.
Ваше высокое Преосвященство,
Благословите на подвиги нас!

Подвиг терпения. Подвиг смирения.
Кротости подвиг и подвиг любви…
Да не введёт нас Господь в искушение!
Да расточатся все наши враги!

Ваше Высокое Преосвященство!
В этот торжественно-радостный час
Вы уж простите нам шалости детства,
Коими вдруг огорчали мы Вас!

Хочется верить, что в нашей работе мы
Людям и Богу послужим сполна.
Пусть же взрастают в нас
добрыми всходами
Вами посеянные семена!

КОЛОКОЛА НА ХРАМЕ

о. Евгению

Колокола на храме
Благовестят к обедне.
Думал и я - с годами
Стать во Христе усердней.
Думал, молиться стану,
Буду поститься строго,
Может, Завета тайну
Вымолю я у Бога.
Стану добрее к людям,
Люди добром ответят,
И воссиянно-чуден
Душу мне лик осветит!
Только вот как сумею
Выйти на ту дорогу,
Если то бьют по шее,
То вдруг подставят ногу?..
Ах, да и мы ведь сами
В этом - не из последних!..
Колокола на храме
Благовестят к обедне.

БЛУДНЫЙ СЫН

Когда с Творцом связующую нить
Надумал разорвать мой ум ретивый,
Я стал искать, чем Бога заменить,
Но не нашел Ему альтернативы.
К тому ж, с пеленок росший без отца,
Утешен в детстве лишь своим с ним сходством,
Я понимал: отказ мой от Творца
Мне обещает горшее сиротство.
И вновь шагал я «блудным сыном» в храм.
И преклонял пред алтарем колени,
И снова вел я счет своим грехам,
И отпускал мне их отец Евгений.
Он был бы строже, когда мог бы знать,
Что, выходя за храмовые двери,
Вновь тщился Бога я умом понять
Вновь отвергал «блаженны те, кто верит!»
Что даже бомж, стоящий у дверей
И молчаливо ждущий подаянья,
Отчаянно вопил в душе моей,
Зачем и кем он создан на страданья?
И я давал, и я делился с ним,
И тушевался тут же сам немного,
Как будто подаянием своим
Я извинялся перед ним за Бога.

* * *

Для чего человеку руки даны?
Чтоб славить трудом Создателя.
Для чего человеку слово дано?
об словом славить Создателя.
Для чего человеку сердце дано?
Чтобы любить Создателя.
Для чего человеку разум дан?
Чтоб во всём находить Создателя.

* * *

Может статься, устану
Вить судьбы своей нить
И на паперти стану
Христа ради просить.

Никому не обязан
И ничем ничему.
Лишь навеки привязан
Ко кресту своему.

Равнодушным прохожим
Мой разлад - не в укор.
Равнодушно положат
В головной мой убор

Кто пятак, кто целковый,
Кто кусок пирога ...
В светлый праздник Христовый
Подойдешь ты, строга.

Зазвучит покаяньем
Колокольный «дин-донь».
За твоим подаяньем
Протяну я ладонь.

Но, о прошлом ревнуя.
Лишь помыслишь, скорбя:
“...А когда-то ему я
 Отдавала себя”.

ОСТАВЛЮ ЭТОТ МИР БЕЗ СОЖАЛЕНЬЯ

Оставлю этот мир
без сожаленья.
О чем жалеть? Сознание мое
Давно теснит печальное прозренье:
Напрасно дал Творец мне бытие.
Оно, конечно! - у Творца мотивы
На то свои. Не я Ему судья.
Но коли быть
он мне не дал счастливым.
То что в Его мне даре бытия!
Оставлю этот мир
без сожаленья.
Что дал он мне? Что должен дать был я,
Чтоб оправдать хотя бы на мгновенье
Что зажжена была звезда моя?
Ответа нет.
Мне оправдаться нечем.
Не дал... Не взял. И - квиты мы с Творцом!
А если спросит, я Ему отвечу,
Что в мире сём я не был подлецом.

* * *

Когда уже с телом
  не будет сладу,
С земных равнин
Меня на тот свет
  провожать не надо –
Дойду один.

И с грузом грехов,
в оболочке нетленной
В урочный миг
Предстану я
пред владыкой Вселенной,
Как ученик,

Что справился плохо
с домашним заданьем
(Учитель строг!).
И, может, помедлив
с моим наказаньем,
Поплачет Бог.

НА ИСПОВЕДИ

Не по праздным пустякам -
Лишь наведаться -
Приходил я в новый храм -
Исповедаться.
Молодой священник там
Да внимательный.
О грехах меня пытал
Основательно.
Он вытаскивал на свет
Меня за ушко.
Я ж на каждый грех в ответ:
- Каюсь, батюшка!
Обещаюсь не грешить
Уж, мол, более,
Не скоромничать, не пить
С Божьей волею.
А священник (ты смотри,
Вот дотошный ведь!):
- "Не прелюбы сотвори"
Чтишь ли заповедь?
Не желать жены чужой
Обещаешь впредь?
- Ах, боюсь, отец святой,
Мне в огне гореть.
Ведь коль "нет" тебе скажу.
Скажу попусту,
А отвечу если "да" -
Солгу Господу.
Уж, коль быть чему в судьбе,
Пусть сбывается.
Ну а я приду к тебе,
Буду каяться.

ДОРОГА К СПАСЕНИЮ

Неосторожный жест.
Неосторожный взгляд.
Неосторожность брошенных упреков...
Как трудно иногда
нам «отыграть» назад,
Любовь свою обидев ненароком!
…И вновь и вновь во мне
он все звучал тот зов,
Твой зов любви,
томительный, как прежде,
Но лишь обрывки фраз
из разноцветных снов
Сливались в гимн
несбывшейся надежде.
Не знаю, есть ли Бог?
Наверно, все же есть.
Но если скажут «нет»,
мол, нету Бога!
Тогда я сам пойду
и разнесу всем весть,
Что лишь в любви
к спасению дорога.

РАСКАЯНЬЕ

Как жизни будущей залог
Дано мне было в осознанье:
Любовь и Правда - вот мой Бог!
И с ними - слезы покаянья.

Но изменял я божеству,
К любви склоняя нелюбимых,
И с дел, неправедно творимых,
Дань собирая естеству.

И лишь раскаянье потом
Вновь растворяло меня в Боге,
И сам себя потом в итоге
Осознавал я божеством.

СВЕТ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Христос…
Апостолы…
Гора Фавор…
Три кущи…
Рисует вновь и вновь моё воображенье:
Распятие Христа пока ещё в грядущем,
Но дивный свет уже над Ним –
Преображенья.

Вот так и ты, Святая Русь:
пусть на закланье
Тебя готовы уж вести свои Иуды,
И ты одной рукой всё просишь подаянья,
Когда в другой твоей руке –
сокровищ груды.

Твоим апостолам
пока что не даётся
Тебя от бедствий защитить и униженья…
Но – час грядёт! –
И на тебя прольётся,
Прольётся он,
тот свет Преображенья!

* * *

И было так:
Когда Преосвященный,
Владыка Белгородский Иоанн
Держал свой путь в наш край благословенный,
Чтоб освятить вновь выстроенный храм,
Когда, как раз при въезде в "сердце КМА",
Он из ложбины на гору поднялся,
То долго с Салтыковского холма
Он видами на город любовался:
Цветущим лугом в пойме Оскольца,
Полями, что вкруг города лежали,
Тем перелеском, что - как два крыла,
Недаром их “Журавлики” назвали.
Когда же взгляд он перевел на храм
С его сиявшей золотом главою,
Задумался владыка Иоанн
Над истиною мудрой и простою.
Пусть не напрасно столько долгих лет
К руде торили губкинцы дорогу,
Но не рудой жив будет человек.
Дай, Бог, им всем теперь прибиться к Богу!
Пусть не прейдут ни ныне, ни потом
Ростки добра в них всех, кто стар и молод.
И, троекратно осенив крестом,
Благословил Владыка Губкин-город.

(Из поэмы «Шаги по руде»)